

Константин Крикунов

Четыре тетради (сборник)

Константин Крикунов

Четыре тетради (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14806221

Четыре тетради (сборник): Текст; Санкт-Петербург; 2010

ISBN 978-5-91901-001-2

Аннотация

Том избранного известного петербургского литератора Константина Крикунова (1963–2010) составили лучшие образцы его журналистских работ – репортажи, очерки, интервью – и оригинальные прозаические опыты, как уже известные читателю по предыдущим книгам автора, так и представленные впервые.

Анализ творчества К. Крикунова дан в послесловии критика Никиты Елисеева.

Содержание

Дни прозы	7
Ты. Очерки русской жизни	240
Геннадий Айги	240
I. Жизнесмерть	240
Конец ознакомительного фрагмента.	241

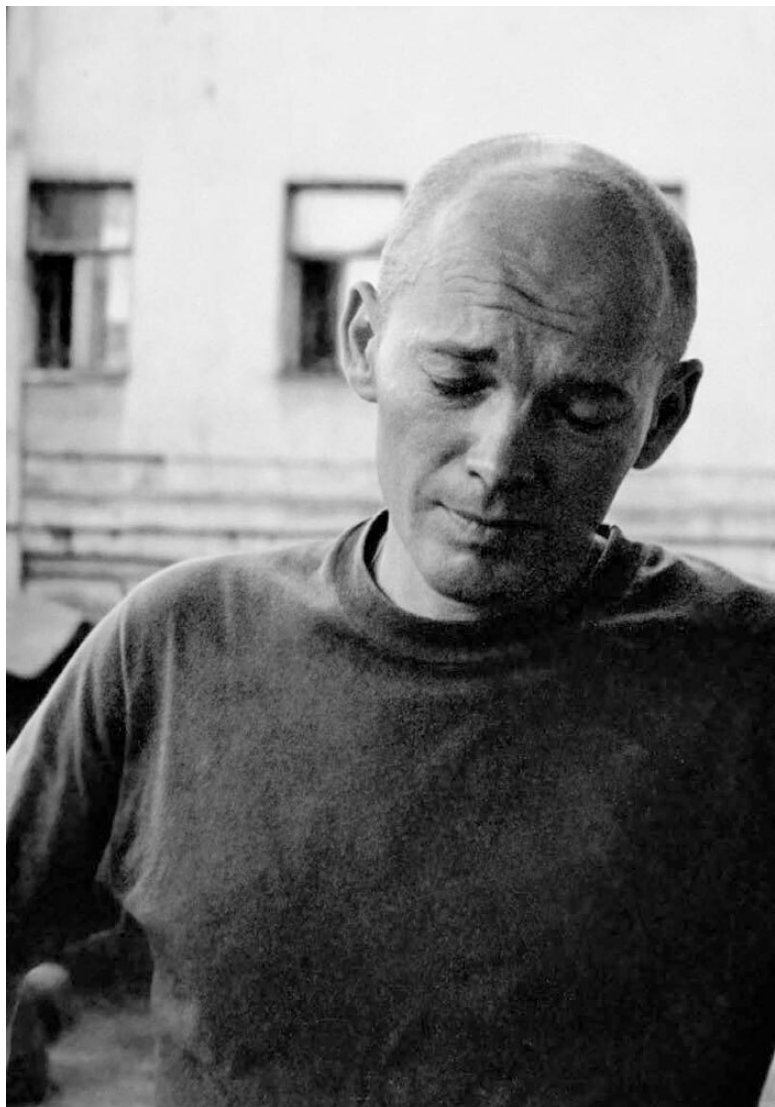
Константин Крикунов

Четыре тетради (сборник)

© Константин Крикунов, 2010

© Издательский дом «Текст», 2010

*** * ***

*Теперь не видно яркого света в облаках,
но пронесётся ветер и расчистит их.*

Иов, 37:21

Дни прозы

Мальчики

Тучи над серой рекой улетают за край земли.

Бабы в оранжевых куртках носят сырые листья, и на том берегу стоят дымы.

– Слабо дойти до того места, куда камень долетит?

– Нарисуй голубку.

– А ты нарисуй квадрат.

– Земля, она круглая, но лучше отойди от края, – сказал первый.

– Для меня время ничего не значит, – ответил второй.

– А для меня время – это действие.

– А я за никого и против всех.

По краю обрыва прошла старуха с красными глазами. За ней прошла птица, подволакивая клюв.

– Река, – сказал первый. – А что дальше?

– Залив.

– А дальше?

– Дальше море.

– А дальше? Дальше океан?

Второй бросил с обрыва сухую траву, но она не долетела, уцепившись за край земли.

– Качалась рыбка, вода впадала в море.

– На берегу утёса зыбкого качалась рыбка, – ответил второй.

– А в реке воронки есть? – спросил первый.

– Воронки или водовороты?

– Ну, водовороты.

– Водовороты есть.

– А затонувшие корабли? Золото? Водолазы?

– Не падай, – ответил второй, – а то сам водолазом станешь.

– Не бойся, не упаду.

– Самое хорошее в моей жизни, это когда отец начал ходить, – сказал кто-то.

– А где он сейчас?

– Там, – ответил второй.

Но было непонятно, куда он смотрит: на тучи, на лес или туда, где река утекает за край земли.

– Как там?

– Яблоки висят, четыре. Раньше было двенадцать или семь. И ветер дует. Но не так, чтобы... А просто по верхушкам деревьев.

– Ты видел инопланетян? – спросил первый.

– Да, – ответил второй.

– Где?

– В троллейбусе.

– Как они выглядели?

– Как люди. Но их движения были слишком гармоничны.

– Лучше убежать, чем убить, – сказал второй.

– Я видел голубя, к его лапе прицепился воздушный шарик на нитке, так и ходил.

– Не летал?

– Не летал.

– Кра-кра! – сказала ворона.

Присела рядом, удивляясь, что никто не отвечает, повторила:

– Кра! – кра!!

Пауза.

– Кра?

И совсем уж отчаянно, каждый раз прибавляя по восклицательному знаку, так:

– Кра! – кра!! – кра!!! – кра!!!!

– Кошка, – сказал первый. – Кошачьи нежности... Кусачьи нежности... Кусачьи нежности кошачьи. Кошачьи нежности кусачьи.

– Меня проглючило. Меня улыбает. Меня убежало, – ответил второй.

– Какое сегодня число? Ты знаешь, что якуты на спор едят, кто больше съест живой рыбы? И потом она у них в желудке шевелится.

– Ха! – ответил второй. – Пишут, что в Германии один программист съел другого программиста.

Мышь бежит по песку? – нет, тень чайки.

За ней, догоняя тень, над песком летит чайка.

Низкое солнце светит в хвост.

– Любовь, – сказал первый. – Трение слизистых оболочек. Просто сахар и протеин. Сахар и протеин.

– Тоска и бешенство! – ответил второй мальчик. – Бешенство и тоска!

– Это не про любовь, это писал Пушкин про Пушкинские Горы. Пушкин – Вяземскому.

«Если ты меня любишь, застрелись, – сказала бабка.

Дед взял ружьё и застрелился».

– Ну и дурак, – сказал второй. – Я бы выстрелил себе в ногу.

Быть с другой! Иметь дело хотя бы с суррогатом тебя, с телом, в котором можно вспомнить тебя!

Кому сказать утром: радость! Негоже человеку быть одинокому.

Соединение с чужой женщиной. Будтоходишь в разрыв между временем и временем. Настоящее и длится, и решаешь, что...

– Что такое стихи? – ответил второй. – Игра гласных и согласных. Никакого отношения к жизни они не имеют. Ты можешь выдумать сколько угодно слов, но никогда не скажешь такое, которое может сказать баба, вытаскивающая из колодца ведро воды.

– У нас на чердаке жили летучие мыши. Я верил, что мыши ногами вцепляются когтями в белую простыню и больше не могут отцепиться. Я распяливал её на ветках шелковицы. Я верил, что на крыше дома лежит листок с законами творчества. Из-за судороги или восторга... Когда я залез на крышу, там были очень красивые деревья, но листка с законами не было. Потому что их нет. И простыня наутро оставалась белой.

Ночь не наступила, наступил новый день. В траве за-
сверкал потерянный циркуль, красивый, как будто упавший
с неба.

Приехала водовозка и стала качать воду.

Пришли две девицы с расстёгнутыми по случаю послед-
него солнца белыми животами, легли в зелёную траву.

Трактор накачался и аккуратно – тракторист подслепова-
тый, в толстых пластмассовых очках, сворачивая набок зем-
ляное лицо, – отъехал по кривой, чтобы не отдавить девицам
ноги.

Пришла девочка с музыкальной шкатулкой, положила
в траву, вставила ключик, щёлкнул фальшиво-золотой замо-
чек.

– Это очень известная музыка. Спроси – что?

– Папа, это Бетховен, это Бетховен, «К Элизе»!

Девицы спустились к реке, оставляя за собой хвост фразы:
«Я слышала, как он кричал...»

«Я сидела в коридоре, я слышала, как он кричал: оставь!
дальше я сам! я выберусь!

Но подошла моя очередь, и я зашла в кабинет...» Он пред-
чувствует смерть, начинает двигаться, сердце бьётся быст-
рее, и с приближением инструмента раскрывает рот в без-

молвном крике.

«Теперь представляю, с каким наслаждением я сделаю это ещё...»

– Один раз в сто лет со дна океана всплывает слепая черепаха и глотает деревянное колечко, – сказал первый.

– Черепаха, буддизм, богоизбранность... Но что каждый из богоизбранных сделал со своей богоизбранностью? До нас не долетают вопли грешников. Мир бы тогда стал другим.

– Мир и стал другим, – сказал первый.

– Подачка-неберучка, – ответил второй. – Раз – два – три – день. Раз – два – три – дьявол. Три – четыре – пять – змея. Что такое жизнь? Дневник наблюдений за живой и неживой природой. Что такое жизнь? Смертный приговор.

– Чей дневник? Чей приговор? Ты представь, если тебя заперли в комнату с мягкой чистой постелью, светлым окном, молоком и круассаном на завтрак и молочным поросёнком под ананасами на ужин, но весь день поют одну песенку – уг у – уг у – угу – на разные лады. Проклянёшь всё! убежишь, пиная поросят, разливая кофе и чай, скользя на ананасах.

– У меня в детстве на стене висела картинка, на ней была нарисована битва героев со львами. Герои на лошадях, а львы прыгают и рвут их всех зубами и лапами. Так и не знаю, чья картина. И кого спрашивал, никто не зна-

ет.

– Пошли купаться, сочинитель.

– Холодно уже.

Серая река утекает за край земли, серая птица летит по серому небу.

Гостиница

Луна была полной. Летели дырявые облака. В парке ухала праздничная дискотека. Над Булыжной площадью качался почётный гражданин, и тень его ходила по площади, как маятником Фуко. У вечного огня грелась старуха и двигала языками пламени.

Из парка вышла девочка.

– Если я мало выпью, я буду плакать. Если много выпью – буду танцевать, – сказала она и пнула стёклышко, а окна двухэтажного роддома за ее спиной казались большими электрическими крыльями.

В этом доме я родился.

Шёл снег, снежные хлопья ложились на подоконник и с лёгким ветром улетали вверх. Мама говорит, что это её утешало.

– Здравствуй.

Груша, легко прошла сквозь – не мимо меня, повернулась, пока был ослеплён.

Комната была похожа на комнату, в которой ощипали жар-птицу.

Кружились перья, золотые стрелы и плоскости били в щели разошедшихся ставен, лежали на стенах, на скомканной простыне и синей обложке книги.

«On ne peut fixer le soleil qui resplendit dans les cieux, Lorsqu'un vent passe et en ramène la pureté», – библия на французском, стандартная комната стандартной фабричной гостиницы: железный крест, тумбочка, ночной горшок под кроватью, дверь с жестяной накладкой там, где ломали замок, картинки на стенах.

По выбору ли профкома, выдавшей ли виды хозяйки гостиницы, которая мне представилась непременно с самыми красными, какие только можно достать, губами и жёлто-белой, в метр высотой, ложной причёской; по выбору ли сумасшедшей коридорной старухи, рисующей по ночам собственные кошмары: мужик, подпоясанный бельевой верёвкой, тащит из снежного леса полудохлого дракона (старая чёрно-белая фотография), осенние берёзки Левитана на кнопках (вырезка из «Огонька»), красный квадрат (мазилка местного гения), и под стеклом – фантазия цветными камешками – крокодил в лисьей шкуре сидит верхом на вздыбленной лошади и смотрит из-под рукавицы вдаль. Судя по звукам – брякнувшиеся на пол ложки, звонкая ругань посудомоек, шарки метлы по асфальту, цок копыт за окнами, шёпот «Груша приехала...», – вокруг шла жизнь,

но она тебя (читай – меня) ещё не касается.

Читай – не касалась. Как говорил мой друг, все беды человека происходят потому, что он иногда выходит из своей комнаты. Последний год Саша Титов старался совсем не выходить из дома, а когда его забрали в больницу, умер. Я потом расскажу.

В тумбочке я нашёл путеводитель по Überstadt'у: «...Гостю нашего утопающего в буйной зелени садов и парков южного города с высоты птичьего полёта открывается панорама потрясающей красоты, и тут и там мы видим, как...», в ящике серую тетрадь в клеточку («...если это овцы, то почему они сидят на деревьях, сэр?..») и пачку чужих писем. «...Посреди августовского поля, над которым давно не было дождя, к опушкам, лесам, в которых прячутся поселения с незнакомыми людьми, женщинами и виселицами. Петушиных криков не слышно, а воспоминаний ещё нет. Ноги утопают по щиколотку в горячей пыли, верещат кузнечики, солнце палит, два мальчика идёт в разные стороны от самого себя».

В дверь постучали, и конверты рассыпались.

Желание

– А какие-то итальянцы каждый год выбрасывают из окошка церкви – козла.

Что ваша золотая Даная? – Месиво красок на серой тряп-

ке! А козёл ел траву. Он жил, даже пока летел, потом стал мешком костей, лужей крови на булыжной площади.

– Микеланджело говорил: хорошая скульптура та, которую можно скатить с горы и от неё ничего не отвалится. Есть ещё слова Родена, что скульптура – это когда отсекается всё лишнее. А мой друг, художник В. П. Волков, говорил, что лишнего становится всё меньше.

Сейчас, по прошествии многого времени, я думаю так: всё, что отломилось, когда скульптура катилась с горы, всё лишнее стало главным, а не то, что осталось.

Лена сказала, что это – желание абсурда.

«О'кей», – сказал я.

На холмах

Я знаю, что увидел я, когда в первый раз забрался на горы Überstadt'a. Никакие это были не горы, а череда глиняных холмов над жёлтой рекой.

Река широким жестом огибает город, похожий на разбросанные в траве кубики; на дальней окраине подмывает кладбище и, роняя в обрыв кресты и звёзды, уползает в подсолнучные поля.

Под кладбищенским обрывом мы купались, закапывали в песок мокрых одноклассниц и выковыривали из глины, изпод подмытого кладбища буро-зелёные бусинки неизвестных народов, истлевшие тряпки, деревяшки и кости. Вес-

ной, когда в горах тает ледник, река тащит в океан огороды и оставленные на острове Любви гигиенические артефакты прошлогодних разгулов. Этот поросший орешником островок посреди реки был раем для юных оторв и местной шпаны, но тем летом вошла в моду борьба с терроризмом, прилетела вертушка и долбанула крупнокалиберными. Девка прыгнула в речку. Пацаны побежали через кусты, их потом хоронили в закрытых гробах. Было следствие. Кроме гондонов, стреляных гильз и газетного кулька с мятыми вишнями, на острове Любви ничего не нашли.

Город мой! проволочные курятники, в которых хрустят челюстями жирные шелкопряды, мечтающие растопыриться на колючках и стать коконами, а уж коконы, если их не распустят на нити, огромными, чёрными, с оранжевыми глазами на крыльях, медленными и равнодушными ночными бабочками (вот нет! – тутовые шелкопряды – не те красавицы детства, а жирные и ленивые уродцы с грязно-бурыми чахоточными крылышками, даже не умеющие летать), вздыхающими на дощатой стене сарая, в сыром углу; полные ос виноградные грозди рассыпаются на рубероидных крышах барачков; трещат по швам облезлые пятиэтажки, тяжело и верно скрипит в Центральном парке Чёртово колесо; бронзовый Воздухоустроитель указывает сверкающим перстом на окна жёлтого роддома (местная шутка – откуда пришёл, туда и иди); из пустых бойниц тюрьмы рвётся на свободу бурьян и рахитичными берёзками кудрявится её крыша, а далеко

в небе мерцает золотая точка ангела, сидящего на кирпичной трубе городского крематория.

Чужие письма

...когда никого нет, раскладывает перед собой сокровища обувной коробки: обломок ракушки бог весть какого моря, ржавая гайка, карманный ножик с костяной ручкой, жёлтый камень-кремень, найденный на шведской улице Дроттнингтатан, пуговица с четырьмя дырками, застёжка значка, пластмассовая заколка о восьми когтях, потерявшее цвет обтрёпанное перо хухудудки, связка ключей от не вспомнить каких квартир, скрепки, кнопки, колпачки ручек (надо бы всё-таки уже выбросить) – сокровища, ставшие кучей мусора, царапинами прошедшего лета и лет.

Простынки

Как лежат, если зажмурить глаза. Слева, боком, католическая монашка с лицом обезьянки, в клобуке, левой щекой на подушке, а руку правую подложив под ребёнка.

Он же – маленькое тельце, как у зародыша, подбородок прижат к груди. Оба спят, белые, он – приоткрыв рот, слюни бегут длинной струёй. У неё тело длинное, дай нарисую, она как будто целует его. Видно, что мать и сын, у него

нос кривой, крючком, чистое тельце. Он – ещё не ребёнок, и спит, и уже мёртв.

Без коней на земле

Наклоны света, обрывки предложений, консервные банки, посчитаем влюблённость из всего, зеленеть и блистать в солнце отсечённую верхушку дерева, купаться в нём – без коней на земле, без соков и ствола, протекающего по ним.

Зелёные – длинные. Жёлтые – длинные. Близко – стройные. Страх. Все самые простые вещи – зыбкость. Тихо, громко, определения огней, и говори – ими. Тут вступают в тебя, вступает, не даёт дышать... забытых и вспоминаемых определений тишины, и о ней, и состояния, и выдумывать новые – к чему множить?.. Но не эту задачу мы сейчас решаем. Другой путь – выдать своё переживание об этом или о том за единственно возможное и возвести в абсолют. «Я и молод, и свеж, и влюблён», и бредовая теория возводится в степень гениальности, обставляется обстановочкой, декорациями, какая-нибудь точка хитрости, и вот уже... Можно ли рожать стихи, не записывая их – забывая, приходя, затмив и оставив в той стихии, где увидел их, чтобы они слились с ней, вернуть его, ему, в него.

Или нарядить в лампасы, ордена, пёстрые ленты Гоголя, хохлушек, вставить шпагу Гамлета и пустить гулять по свету.

Так наряжай, раскрашивай! Неужели ты, бедный мой друг, боишься, что...

– О конце света нам сообщат дополнительно, – если ты об этом. Каждое твоё слово – твой суд. Эта твоя жизнь и есть твой страшный суд.

О нашем конце нам не сообщат.

Знакомые улицы

Дальше грязь, я всё хожу, там вроде люди какие-то водятся, но они прячутся или что. Прохожими их не могу считать. Я не могу считать, сколько раз я туда приходила.

Горничная выходит из дома в красивом платье и говорит: оставьте записку, я всё решу. История обыкновенная в смысле необыкновенная.

Конечно, в тех помещениях вроде как гаражи на первом этаже, а я хожу в своих мыслях бесцельно.

Нелепый заборчик стоит возле этого красивого дома и стена, неизвестно откуда взявшаяся.

И эта моя подружка Алла, у которой муж и все дела, и всё хорошо, я знаю, что она где-то вот тут, где-то вот тут появилась.

А я кричала, и мне не важно, где жить, что есть. Я просто хожу, и что-то мне нужно, и какие-то странные блуждания, и в очередной раз эта Алла, и я туда, за угол, захожу, и она стоит, и у неё мокрый лоб от пота, и она оцепеневшая, но по-

нятно, что сейчас она отсюда уйдёт.

И она говорит: «Ты видела там какие-то части тела и гениталии лежат в грязи, маленькие кусочки, но целые, кусок уха и нос. До них нельзя дотронуться, потому что какая-то запёкшаяся кровь на заборе и на стене напротив».

Потом мы вышли из этого переулочка, другой день или третий, а важно акценты, её глаза, она в ужасе, она что-то ещё видела.

Я обычно так поступаю, я говорю: ну убили кого-то, драка была, ничего. А с нами что случится? Давай ты польёшь, а я волосы помою.

А там, на другой стороне улицы, идут три человека, страшные очень. Я мою волосы, а она мне поливает. Она ближе к ним, они догнали её, напали на неё, и всё произошло, не знаю, как объяснить.

И вместо того чтобы бежать ей помогать, а она всё страшнее начинает кричать, я бегу, чтобы забросить сумки, и вижу спиной, что бегут за мной, а ноги такие тяжёлые, не бежится.

И стало всё понятно, всё ясно.

Я так начала думать и забыла всё, что до этого происходило, а пока бегу, всё сначала, что было страшно, время не обозначено.

Ночь

– Ты спрашивал и нарисовал силуэт глаза на кораблях. То-

гда подумала, а сегодня увидела: симметрия и засеки по торцам. Я знаю, что ты любишь это острое сочетание пошлости жизни и красоты, что ли, потом объясню, если надо. Ревнуй, у меня на лице отсвет работ Левитана, которого я рассматривала в библиотеке, но я неприступна. Завоевать сердце девицы, такой, как я, хитрой и изменчивой, как осенняя гроза, практически невозможно. Мне жутко нравится книжка про Лолиту, я её вот в последнем классе школы прочитала, классная вещь, ага, особенно мне нравицца глава десятая, она всего там на полстраницы, но такая классная, во второй части уже вроде, ты найди и почитай, здорово, да? Вчера ночью возвращалась из гостей на велосипеде.

И по дороге проезжала через район, который очень люблю, где раньше жила – в таком двухэтажном деревянном доме... В принципе, я знала, что его снесли лет пять назад, что-то там строили. Но там были огромные заросли сирени, захотелось домой наломать... Приехала. Дворы заасфальтировали, от сирени несколько кустов осталось... не передать даже, что именно задело – может, то, что всё знакомое показалось маленьким, в моей голове оно было другим...

Ставни открыты. Асфальт ещё тёплый. В чёрном воздухе летают южные жуки и чертят фосфорические спирали.

Первое утро

В холле с фикусом, поставив автоматы между колен, сол-

даты смотрели индийский фильм.

Губной помадой на казённом зеркале:

– Опять жить!

Скрипнули кресла, солдаты повернули головы, я вышел в задыхающийся от жары полдень.

– Дай руку, я скажу тебе правду, – каменная башка открыла рот и подняла веки.

Окна гостиницы смотрелись в окна дома напротив и сообщались верёвками на лебёдках. На верёвках трепетали разноцветные тряпки, как флажки разных стран.

На этом углу старый шарлатан с попугаем на плече торговал свёрнутыми в трубочку билетиками счастья. Помер теперь или уехал. А желания наши – Гоголь – Погодину – ни гроша не стоят, судьба больше ничего не делает с ними, как только подтирается, когда ходит в нужник.

Девушка в голубом мыла окно. У стены писал мальчик.

– Давайте играть в пожар, – сказал он. – Ты будешь как будто пожар, а я как будто пожарник.

– Давай, – ответил я.

Скатертью, запятнанной вишенными косточками и вином, улица сползала за поворот и терялась в жухлой зелени уходящего лета.

К большим домам

К деревянному мосту над ручьём катились зелёные бу-

тылки и арбузы, словно с праздничного стола съёрнули ска-
терть. В куширях я измазал нос жёлтым цветком жасми-
на, в июне, чиркнув спичкой, устроил огненную позёмку то-
полиного пуха, а в последние дни перед школой вывернул
из бронзового ствола акации самую большую колючку и по-
шёл к большим домам.

Воздухоустроитель

Слова, с которыми Воздухоустроитель пришёл в этот
город, высечены на его постаменте: «Превратим историю
в огонь!» Никаких иных лозунгов Воздухоустроитель не вы-
двигал, поэтому и ничем особо ужасным его пришествие для
Überstadt'a не обернулось.

Спустившись с гор, Воздухоустроитель, дядька метра
под два ростом, выпил в автомате на площади стакан газир-
ровки (как раз в те дни весь город пересказывал друг другу
страшную новость про негра, которого до смерти забили га-
ечными ключами таксисты, застукавшие подлеца, когда тот
под покровом ночи мыл в стакане с газировкой свой сифи-
лисный хуй), пошатался по городу и ушёл за реку.

Но слова остались и были приняты как руководство к дей-
ствию.

В школах запретили уроки истории и сожгли учебники.
Потом городскую библиотеку и три районных. Потом запы-
лали турлучные хибары учителей и затем на большом празд-

ничном костре они сами.

Следует сказать, что здешний народ чрезвычайно чуток, его душа любит ароматы цветущих садов, курятников и польских духов «Быть может», поэтому публичные сжигания были заменены культурным повешением с последующей утилизацией отходов посредством закапывания на специально отведённом участке вне городской черты.

С тех времён, в первое воскресенье лета, в условный день пришествия Воздухоустроителя, и пошёл обычай вешать на его пальце ежегодно выбираемого всем миром Почётного гражданина.

Когда стало скучно, а пепелища ещё дымились, освобождённые от истории избранные граждане собрались в тёмном гроте Центрального парка, тихо, коротко, но пламенно посоветались, той же ночью переплыли на надувных матрацах реку и с того берега любовались, как огненные языки начисто слизали весь этот маленький и сухой город.

После пожара памятник стал медным. Или бронзовым, кому как нравится.

От прежней жизни осталась зарастающая бурьяном головёшка городской тюрьмы; каменная паперть церкви с рухнувшим внутрь куполом, восстанавливать её из мрачного прошлого тёмных довоздухоустроительных лет никто не собирався, а смутные богоискательские порывы уберштадтцев с гениальной ясностью годом позже выразила одна обдумывающая житьё начинающая корреспондентка местной газе-

ты: «Верую в дедов морозов и прочЮЮ хрень!» Юную особу после публикации на последней полосе восторженных писем трудящихся единодушно избрали Почётным гражданином и торжественно повесили.

Говорят, очень красиво горели старые дубы ЦПКиО и посреди них вращающееся, с выпрыгивающими огненными человечками, Чёртово колесо. Осталось кладбище с подпалёнными крестами и неизменно блистающий далеко в полях серо-серебряный куб неизвестного материала и предназначения. Может быть, даже военного.

Überstadt расцвёл, как цветёт и зеленеет воткнутый в добрую здешнюю землю черенок лопаты. По тротуарам опять невозможно пройти, не поскользнувшись на перезрелом инжире и диких абрикосах. Торгуйте и веселитесь! – но ни торговать, ни веселиться уберштадтцы толком не умели. Не считать же торговлей бесконечную перепродажу друг другу мятых и потому некондиционных коконов шелкопряда, а весельем – прыганье в мешках и ластвах на сковородке Булыжной площади и душеиссушающее похмелье от маслянистой тутовой самогонки.

Кто бы знал, что Великий Воздухоустроитель был заурядным коммивояжёром, торговавшим на пьяных углах запрещёнными тогда противозачаточными средствами. «Презервативы исполонь...» – нашёптывал он, указывая через плечо большим пальцем в сторону воображаемого переполненного роддома (наврал скульптор – не десницей), что можно было

толковать как без учёта посева, надувал их могучими лёгкими и дарил детям под видом воздушных шариков, за что и заслужил своё громкое прозвище; но не был понят и сгинул.

Перевези и исполни – переворотись из полымя – превратись в оболонь, – долго спорили мужики об орфоэпии и металингвистической семантике сказанных Воздухоустроителем слов, ходили край на край с арматурой, мозжили черепа и ключицы инакомыслящих кастетами и велосипедными цепями, пока не канонизировали откровение некоего двоечника, сжёгшего во дворе школы последнюю тетрадку по истории, и его «Превратим историю в огонь» постановили считать единственно верным.

Площадь

Утренняя площадь была вымыта. Почётного гражданина уже сняли, чтобы не вонял.

Цэпэкаиошный репродуктор, откашлявшись, донёс страшную тайну операторской будки:

– Ой, Вадик, що ж ты робишь? – приглушённую возню и смешки, я живо представил продавленную тахту, брыкающуюся хохлушку и корявую лапу оператора Вадика, привычно заползающую под трусики, туда, где кожа розовая и прохладная, как утренний снег.

Вечный Старик по прозвищу Птеродактиль, которого вряд ли можно считать живым существом, караулил на горя-

чих ступеньках паперти ящериц. Он был в огромных чёрных очках и казался бы присевшей на камень мумией, если бы не молниеносный свист палки и корчащийся на камне хвост бедного земноводного.

Над городом мерцал Чёртов коготь. Это сооружение чёрного гранита и правда было похоже на коготь огромного зверя, до поры до времени затаившегося в недрах глиняного холма за рекой.

Чёртов коготь – местная сказка о великой битве трёхмерного существа с двухмерным, которая якобы случилась на здешних холмах во времена, когда ещё времён не было.

Зачем забрели в эти земли две мифологические твари, почему стали драться и кто победил, сказка не рассказывает. Но заезжих-приезжих кормят этой небылью. И самодеятельный театр Дворца юных Воздухоустроителей, вооружившись картонными мечами, по осени ставит трёхактную («Поход», «Ярость», «Торжество справедливости») пьеску, написанную здравствующим до сих пор уштадтским краеведом.

Говорят, единственным свидетелем той битвы был Вечный Старик по прозвищу Птеродактиль, но он всегда молчит. Словно поскользнувшись на арбузной корке, чертыхнулся сгусток жаркого воздуха, и очень несчастное существо в форме жандарма заглянуло мне в глаза откуда-то снизу и сбоку.

– Уважаемый, ваши документки, – сказала оно виновато.

– Что случилось?

– Вы еврей?

– Нет. С чего вы взяли?

– Только евреи отвечают вопросом на вопрос.

Бумаги у меня были в порядке.

Пока это существо их рассматривало, переворачивало и нюхало, я рассматривал его: мутные трёхслойные очки, правое стекло целое, левое заклеено лейкопластырем (били в глаз справа); фуражка набекрень, не из лихости, а словно нахлобучена чужой рукой; форменный зелёный галстук набок; мятая, с грязным подворотничком, зелёноформенная рубашка в бурых пятнах; галифе размера на два больше и на правом боку пластмассовая шашка, какие продают в магазинах детских игрушек.

Бедолага выглядел так, будто его всю ночь драли кошки и, дав пинка, отправили служить службу.

– Свободен, – кошкин сын вернул документы.

– Евреи арафаток не носят, – ответил я.

Он обернулся так, словно каждое лишнее движение доставляло ему душевную боль, оглядел меня – сандалии, шорты с карманами, выцветшая футболка.

– Значит, еврей-извращенец, – он поплёлся сквозь марево, и расплавленное солнце тюкало в его макушку, как золотой петушок.

У Размона

Пока Москва не пришла в наш город, его держал Размон Михайлович Н., сухумский армянин, тонкий, как дирижёрская палочка, в белой рубашке и с новой «Литературкой», тогда ещё хорошей газетой, на рабочем столе.

Официально Размон Михайлович был директором кафе «У Размона». Днями оно превращалось в благотворительную, для беспризорников, мороженицу с накрахмаленными салфетками, ночами – в приют бешеных псов и их шмар. Момент метаморфозы остался загадкой. Как и превращения его повара – невзрачного человека, становившегося по щелчку пальцев Адольфом Гитлером, Мэрилин Монро, Мао Цзэдуном, Майклом Джексонем и кем хочешь. Вот он лунной походкой, в клубах пара, выплывает из кухни на ещё не занятый ночными красавицами подиум и пеной на губах, беспорядочно жестикулируя, несёт тарабарщину:

– Герда зи зинд Елоиза! Фридрих аляйн! Готт унзер данк, варум зи думкоппф хабен херре унд херррен!

– Усиа сюза сере ванг гоньдо дон-иньгун!

И на стол являются варёная молодая картошка, малосольные огурцы, зелень и сыр в лаваше, запотевшая водка и ледяной боржом.

Когда пришла Москва, Размон Михалыча убили, восемь пуль в лобовое стекло.

Я перешёл площадь, теперь «У Размона» была пивнушка. За деревянными столами печалились мужики («Пейте, мальчишки, все беды от недоёба», – ласково утешал их присмиривший артист в поварском колпаке). Отдельно печалилась барышня в золотых кудельках, словно нарисованная сладострастной мечтой ээка, пустынно глядела в стену и хлопала накладными ресницами. Её подруга с мокрым носом, висящим над отрезанной (или заячьей?) верхней губой, елозила на коленках стальногоглазого, с бомбой за пазухой, студента. Подвешенный в углу маленький чёрно-белый телевизор без звука показывал научно-популярный фильм о жизни и творчестве Рихарда Вагнера.

Из кусков прочих человеческих существ, разбросанных по столам и лавкам, можно было бы, пожалуй, слепить Вия.

– Они шли на Бермудские острова по карте, нарисованной на ресторанной салфетке. – Есть ли цена у вашего сокровища? – Балет для меня как прозрачное стекло, я понимаю, что и почему. – Место женщины на кухне. Если она иногда оттуда выползает, то надо укоротить цепь. – Два раза с футбольной командой! – А я ей говорю: хочешь подружиться с моим слонёнком? – Вчера с мальчиком одним заходим, он такие истории прикольные рассказывает, он с Васильевского сам. – А я была на даче. – Мне снилось, что Ленка Семёнова родила глаз, гнойный, и вместо зрачка в нём – металлический шар. А хотела ребёнка. – Она была пьяная. – Приехали часов в пять в посёлок Весёлый. Окна разбиты, дождь

полюхает, шакалы воют. – Куда?.. – Она на моём уе вертится, а я спрашиваю: кто ты такая? – Ты думаешь, как делается искусство: кружевное жабо, белые манжеты, человек торжественно входит в комнату, закрывает дверь и – приступает?

– Америку открыл Колумб, Америка – страна залуп, Америка – томатный сок, Америка – звезды кусок! – гнусавил, свесив ноги с подиума, старую дворовую песенку мой опохмелившийся площадной визави, и зал подхватывал:

– Это не буги, это не джаз, это три негра грызут унитаза!..

Когда негры изгрызли унитаза, прилетели голуби.

– Тише, дети, бога ради тише, голуби целуются на крыше, это же сама любовь ликует, голубок с голубкою воркует!

– А там вдали, у реки, где горят фонари и святые на сбор собираются, они горькую пьют и на бога плюют и ещё кое-чем занимающа!

– ...Куда рвётся твоя душа? что ищет в городе детства?

– Почему не сжёг картонную коробку, в которой топот по тёмному школьному коридору с прижатой к сердцу холодной бутылкой дармового молока, зеленые морские стёкла, морские камешки и химеры, химеры, рассыпающиеся, чуть тронь, – в прах.

Брюлики слезинок, говоришь? эфемериды? нарастающая энтропия вселенной? босоное, блядь, детство?

Колыбельная Вечного Старика

Солнце было зелёным, а глаза у крокодила – ресницы за-ри. Медведица У всходила в своё время и выводила своих деток. Первые рисунки – углём на белённой известью стене мастерской и окрестных камнях, были скелеты и всякая дрянь, кости и кожа, маленькие лапки, мышинные крылья, крики, и визг, и кровь, и обжорство, и вонь.

– Отвратительные вы какие-то, – сказал художник, и ледник стёр всё.

Когда снег растаял, в живых из первых чудовищ остались одни крокодилы. Но, говорят, в самых холодных озёрах, в горячих песках, в тёмных таёжных берлогах и где-то в горах до сих пор водится эта первая первосортная нечисть, изумляя искателей приключений и наших сибирских мужиков: «Глянь, эку невидаль подстрелил, еле допёр, вонючая тварь, склизкая...»

Он вздохнул и на чистом листе нарисовал чёрную птицу, мазнул жёлтой кисточкой клюв, – получился дрозд.

Он нарисовал цветы и деревья, дикобраза и рыбу-молот, богомола и восьминогого паука.

А могу ли сделать, чтобы ходила без ног? – и получилась змея.

А могу ли сделать, чтобы зелёное на зелёном? – и получился куст черёмухи под тёмным дубом.

А могу ли сделать, чтобы цветок летал? – и в форточку выпорхнула колибри.

Он веселился, он весь перепачкался красками.

В беспечные минуты взмахнул кисточкой, и в мир полетели мириады жужжащих и стрекоучущих существ.

Мыл кисточку, и сиреневой краской в стакане расплылась, задышала медуза.

В мрачные дни из пучины выплывали морские чудовища, в дни недовольства собой тьякали и выли гиены, когда кончались краски, а дыхание перехватывало от нежности, на чердаке объявились серые воробьи, а на высоких лугах шевелились камешки и пробивали дорогу к свету бархатно-серые эдельвейсы.

Однажды, когда за окнами мастерской бушевала буря, заревел носорог и, проломив забор, убежал прочь.

Он работал, раскрашивая каждый лист травы, каждое ухо, радужки зрачков и каждую лапу, менял масляные краски живописца на грифельный карандаш, а стальные перья и чернильницу – на набор ленинградской акварели. Он высывал язык, он ходил вприсядку и в минуты, когда получалось, салютовал самому себе брошенным под потолок напудренным париком. Каждая тварь, выходящая, выползающая и выпархивающая из его мастерской, была радостью.

Её коленца слышали майские ночи, её вой и рык – ещё не очеловеченные леса и холодные шапки полярного снега. Дни и ночи были переполнены восторгом рождающе-

гося живого мира, а лёгкие – вдохновением.

Но однажды он решил нарисовать автопортрет.

Первый разговор

«Словом, я хочу тебя!» – «Никогда не получишь!» –
«У тебя отвращение к сексу или отвращение ко мне?» –
«К обоим».

Дверь

Что-то прошло мимо.

– Я закрытая.

– Закрытая дверь рано или поздно открывается, открытая остаётся загадкой.

Груша Некрасова

Матушка у неё кривая, вся из тёмной земли сделанная. А она рыжая, горбатая, с продолжающим позвоночник коротким, в два звена, хвостом, который я любил гладить, когда она лежала на мне, поджав по-лягушачьи ноги.

– Из-за этого хвоста даже в библиотеке трудно сидеть.

И горб, когда я стану старой, у меня совсем вырастет, и люди будут на улицах прикасаться к нему на счастье.

В другие дни – глаза ангельского цвета, а волосы цвета дикой сливы.

– Что это было? – спросила она в первое утро.

История ревности

– Изнасилование считать? – загибает пальцы.

(Ия или – ие? – не расслышал.)

– Нет.

– Тогда двенадцать. Ты тринадцатый.

Считается ли мизинчик? Считается.

Ресницы трепещут, как воробьи в весенней луже.

Шествие

В полтретьего ночи, дыра в груди была размером с пушечное ядро и ещё дымилась снами и сновиденьями, и они пошли с дудочками и барабанами из прошлого в будущее; невозможно было задержать это шествие, этих отвратительных паяцев, возню скоморохов и угрюмых нетопырей, волочащих за собой на верёвочке, как жирную гусеницу-землемера, Пизанскую башню; кувыркающиеся следом, как цветные кубики, весёлые комнаты одесских общежитий, в которых визжали вырвавшиеся на свободу из патриархальных хат юные, с липкими от шампанского и леденцов губами хох-

лушки; лягался деревянной ногой круглый стол с танцующим на нём призраком твоего стриптиза; не касаясь земли, плыла эмалированная ванна (поправляет: «Не ванна, а джакузи»), в которой сидел, подгребая пухлыми ладошками, похожий на розового пупса украинский сенатор, и белое твоё платье с бретельками, сброшенное на кафельный пол, было похоже на растоптанное облако; как пьяная, галсами катится пустая бутылка шампанского (поправляет: «Шампаньнского»), выпитая тобой якобы в одиночестве сева­стопольской ночью на людной набережной Корнилова; рассыпается огромными августовскими звёздами тёмный сад с бельевой верёвкой, провисшей между гладким стволом грецкого ореха и старой корявой черешней (утром ты развесишь, снимая с мокрого плеча, свои наряды, крохотные, будто пости­рали большую куклу); крадётся, стараясь не скрипеть, сорвавшаяся с петель новгородская калитка, у которой мы, за­держивая дыхание, чтобы не услышали в твоём доме (...) – («Видишь, папа ещё не спит»); дребезжит пружинами железная, без матраца, кровать с прыгающим на ней дагестанским великаном (в кулаке зажаты капельки серебряных серёжек. («Я их потом выбросила»); шевелит губами, подъезжая к собору в самодвижущейся коляске папа Римский, подслеповато приветствуя ладонью зелёный холм и с початой бутылкой губительного пива «Лагер» («Это я его так назвала первая – губительное», – ревниво), и последний – некто с широкой спиной, тяжело шагая пятками вперёд, тащит кованый сун-

дук с пересыпанными нафталином фантомами твоих любо-
вей.

Мифология Крыма

– Отвернись, я стесняюсь, я буду очень стесняться. – Когда ты станешь маленьким, я буду тебе покупать разукрашки. Ещё отдам на бальные танцы – обязательно, музыку – обязательно. – Кукушка обратно в часы не запихивается. – Я всё больше думаю о том, чтобы спать на полу. – Вальс в дневном море и всплывающее вдоль твоего живота облачко сахара и протеина. – Шерсть на руке от солнца стала огненной. – Сериожа, куры не кормлены! – Кровь на простынях, откуда, ты поцарапался? – Я могу тебе дать женские штучки. – Выпала дверь с петель. – Божья коровка в ресторане, нарисованная в блокнот: сколько у неё должно быть лапок? – И живая, расправляющая подмятое правое крыло: больше всего ей нравится твой мизинец. – Купание в рислинге красного коня. – Ты что, опять забыл их надеть? – Козья тропа. – Наверное, многие женщины хотели бы, чтобы их будили вот так же. – Ты всё замечаешь, это страшно. – Я не знаю, что это такое – ревность, просто бывает очень больно. – Капли красного вина на розовом платье. – Скажи, ты здесь, или ты уже воспоминание? – Я тебе буду надоедать ещё двое суток. – А ты наловишь ещё мидий? – Лимонный сок в ракушку. – И без помидоров я не могу жить. –

А нос у тебя всегда грязный. – Морской бой, почему ты всё время выигрываешь? – Потому что ты, как честная девочка, рисуешь очень гармонично, легко вычислить. – Ах, подлец! я забыла, с кем имею дело. – Когда мне совсем плохо, я пою: я страдаю, я страдаю! – Я живу первую жизнь, я знаю, что со мной будет в двадцать восемь лет, думаю, и в тридцать со мной не будет ничего хорошего. – Всё, что ты делаешь, ты делаешь красиво. – Сравнительная анатомия принадлежностей аполлонов. Утренняя кровать, полная косметики, и бутылка чёрного муската, початая вчера. – Ночное море, светящийся планктон. – Ты будешь меня гладить по голове? – Я так себя с тобой чувствую, что когда меня будут закапывать, я буду улыбаться. – Сигарета, выброшенная на перрон правой рукой через правое плечо лёгким движением пальцев. – Я встретила с папой Римским у церкви, где обычно курю и пьянствую. – Ленская, как игрушечная, она такая, я иногда ей ручки-ножки выкручиваю. – Я называю её моя маленькая девочка, она меня – моя сумасшедшая сестричка. – Бесстыжее всовывание языка в прореху между зубов. – Перевернулась, легла, не просыпаясь, голой грудью на аполлона. – Запускание на набережной змеюки с бумажным хвостом. – Сигареты вог, блок; презервативы, пожалуйста. – Блок! – улыбка за моей спиной. – У тебя так ни разу и не было. – Да, у меня не было никого. – Я не о том спрашивал. – У меня никого не было, и кожа стала, как кирзовый сапог. – Надо съесть все абрикосы. – Ты, наверное, очень хо-

рошо умеешь врать. – Умею, но скорее просто ничего не говорю. – Куда бросать ракушки? – Просто в костёр, сгорят. – Тебе надо ещё кровать переставить. – В детстве – менингит, говорили: или умру, или стану идиоткой, училась на скрипочке, разукрашивала фарфоровые чашки. – Пропажа российского сыра: крысы, ёжик, ворона? – Пожар на холмах, думал, дом горит. – В пять утра гонят коров, пастушок: пошла вперёд, сука-блядь-зараза. – Почему ты считаешь, что с сигаретой на кладбище нельзя, а голыми можно? – Всё время ветер дверью хлопает, всю ночь. – Я целовалась с Царицынской – а что, нельзя? Я очень на тебя тогда рассердилась. – Можно, конечно можно. – О чём ты думаешь? – Я думаю о том, что вот жизнь идёт или она проходит, что коротка или огромна. – А на вишне полотенце уже высохло. – Искусство как взаимоотношение с воздушным шаром, полным чудес, маринование мидий в стакане с луком. – Твои глаза никого не обманут, они не впускают, они отражают. – Куда же я буду смотреться, тут нет большого зеркала, а у меня осталось ещё семь вечерних платьев. – Когда у меня вырастет горб, к нему будут прикасаться, на счастье. – Ящерица в собственном соку, недожаренная устрица. – Почему ты всё время пристаёшь, когда я готовлю салат. – Потому что ты его готовишь голая. – Если хочешь, я могла бы его помыть. – Как плёнка документального кино, в последнее окно последнего вагона: уходящая дорога, подсолнухи ворочаются вслед за солнцем.

Свидание

Чтобы зверь вырвался и начал куролесить. Кусает губы.

Молчание. Щелбан пуговице на моей рубашке: – Пока, – хрипло. – Ты на меня не сердисься? – За что? Нет. – Я цепенею, когда вижу тебя. Кажется, если тебя обниму – задохнусь от счастья. – Пауза, несколько шагов. – Можно, я тебя обниму? – Просто повернулась, руки опущены. – Прогуляемся до Спаса? – кивок. – Ты не жалеешь? – О чём? Нет. – Молчание. – У тебя удивительный характер. – Какой? – Все слова плохие, неточные, когда полюса, все ясны, заострены. Все твои проявления красивые. Я могу отойти как угодно далеко и молчать, чтобы не разбить. – Так и с девушками теми в пионерлагере и не поцеловался. И дискотека: «У той горы, где синяя прохлада, у той горы, где море перезло!» – так и не мог слышать это: перезло, перешло, так и помню: перезло. Теперь они старухи. Потом уже, потом, красная чёрточка над верхней губой. – Резкое движение локтей. – Тебе больно? – Нет. – Что с тобой? – Молчание. – О чём ты думаешь? – Молчание. – И в метро, уже у входа. – Ты совсем меня не знаешь и делаешь какие-то выводы. Ты совсем ничего обо мне не знаешь. (Топнув, истерично, визгливо.) – И знать не хочу. – Я как акын. – Как кито? – Как акын. Что вижу, то и пою. – Не смотри на меня. – Почему? – Не смотри. – Кавалер, сидящий за столиком напро-

тив, спиной ко мне (стол?) – отошёл к телефону, и теперь я могу разглядеть её всю, конечно, никого, – ну прямые чёрные волосы, толстые ноги в чулках, выразительное, без деталей, лицо: большой длинный рот и глаза, нарисованные чёрным, – маленькие! Девушка без подбородка. Мальчик в сюртуке убийцы, золотых очках. Между фразами шевелит губами, как будто произносит тайные слова, ко мне, стирая только что сказанное собой. – Кто правит миром? Кто городом? Вы служите или прислуживаетесь? Верите в гороскопы? Есть ли у вас родственники за границей? Зима будет денежной или без? Что будет после смерти? Вы воровали? Вы знаете Отче наш? Какие книги за лето прочитали? Кто виноват? Спасёт ли красота мир? Мчатся тучи – хорей или амфибрахий? Вы при каком строе живёте? – Рядом – отец и сын, и лицо сына, отец суетливый, всё время посылает звонить, но телефон занят, они пьют, почему отец и сын – длинные носы, я мечтаю сфотографировать занавеску – зелёную штору над красной батареей – розовой! – И лето потеряло смысл, и наслаждения. – У него всё лицо в тень превратилось. – Ты девка, вся составленная из других разных девок. – Малевич – ботаник, музыка стала играть громче, Малевич – это Шишкин, ботаник своего... Я имел в виду, что ты меня не любишь. Маленькое жестокое куриное сердце. – Слышали бы куры, они бы долго смеялись. И она снова спряталась, не разглядел – так. – Я плох – уходи от меня, беги от меня, если любишь жизнь, – я плох! Печатными

буквами: я плох. Живи жизнью. Я живу не жизнью. К сожалению, я уже обедал. – А хризантемы дарят на похороны... Кому дарят? Кому?

– Падают дождики. Вчера прошло полнолуние, и включили ветер. Нет такого в человеке, чего бы другой человек не мог вынести. ...Этими губами, губами, устами? она... чувствует!.. Шарик выпустили, и все дети заплакали.

– Я придумал ей смерть. Она должна сгнить и стать чёрной, как банан.

– Поэты, летающие в высших сферах... Вы! где холодно. – Все они – суррогат тебя. – Можно пойти в мастерскую к одному знакомому бабнику и проверить, разъедает ли перебродившая вместе с абсентом сперма масляные краски, которыми намалёвана ню.

Корчусь по ночам, крючусь, кручусь, наматывая на себя простыни и кошмары, как веретено. Перед лицом своих товарищей торжественно клянусь: уезжай, я буду неверен тебе.

Не клянись. Никогда не объявляй о своих намерениях.

Добивайся того, что хочешь, молча и стремительно.

Когда ты

– Я видела девушек с ярко-жёлтыми и ярко-зелёными губами в оранжевых платьях. И ещё айсберг, как переливается ослепительный лёд, это было в детстве. Теперь я вижу этот айсберг только тогда, когда ты взрываешься у меня внутри.

Во дворце ужасов

– Как ты будешь меня убивать? Поленом?

– Я сразу никого не убиваю. Я – медленно.

– Тогда я советую: у меня там есть нож, на нём – пилка.

– Сначала я тебе отрежу реснички.

– Чем?

– Ножом. Оттянув их.

– Лучше сразу вместе с веками, тогда я буду на тебя смотреть, не закрывая глаз.

– Зачем же с веками. Конечно, не получится не зацепить их.

– А потом?

– А потом я проломлю тебе вот здесь, – положила указательный палец на ямку под шейей.

– Чем?

– Кочергой. Только нужно упереться во что-то.

– Зачем?

– Чтобы вытащить сердце. Может, оно у тебя маленькое и куриное.

– Это больше относится к твоим мозгам.

– Ты ничего не понимаешь!

– Ладно, а дальше?

– Обрезание. Нет, скорее отрезание. Но нужно знать. Ты мне говорил, что он начинается там, далеко, между ног.

– Я тебе этого не говорил. Это тебе кто-то другой говорил.

Ты меня с кем-то путаешь.

– Ну ты! Я отрежу его!

– Зачем?

– Посмотреть под микроскопом, как бегают сперматозоиды. Как он устроен.

– Я тебе и так расскажу, как он устроен.

– Потом положу его в банку со спиртом. Она будет такой строгой цилиндрической формы. Поставлю на подоконник и повяжу жёлтым бантиком.

– Почему жёлтым?

– Я люблю жёлтый цвет. А ты ни с каким другим цветом и не ассоциируешься. Потом я найду печень. Ты знаешь, где она находится?

– Нет.

– Но я буду выбрасывать всё, что не печень. Ещё я очень хочу содрать с тебя кожу.

– Зачем?

– Посмотреть на твои нервные окончания. Но я не умею этого делать.

– Делаешь надрез и, оттягивая, срезаешь. Я потом найду для тебя инструкцию, как свежевать труп человека.

– Мне не по себе и хочется тебя укусить! Не уходи, мне страшно, когда ты уходишь. Я осталась во дворце ужасов совсем одна.

– Хочешь, я могу тебя убить? Задушение, утопление?

– Исключительно импровизация. Прошу и требую исключительно импровизации.

У кого-то в башке солома, у тебя голова набита сухими тыквенными семечками, и забытые-найденные шляпки (было какое-то возражение, не могу сказать, но...).

Королева

– Я ходила по дворцу, печалилась, что умирает королева, я плакала.

– Я знаю, о чём твой сон, ты плакала о себе.

– Там была девушка с длинными волосами, очень неприятная, она хватала меня за руку. Я не знаю, как объяснить.

Шахматы

Нужно было найти пешку. Нашёлся аптечный пузырёк, который похож на чёрную пешку, поставил на доску, чтобы изображала собой Киев, и пошёл на войну. За тем краем клубилась тьма, и сверкающие планеты превращались в пыль.

Леонардо

Комом лежит в горле жизнь. «О Моро, я умру, если ты не усладишь меня своим расположением, столь горько моё

существование...»

«O Moro, io moro, se con tua moralità non mi amari tanto il vivere m'è amaro...»

Datti – дай себе, dattipace – дай себе покой. См. трактат «О Великодушии» – к слову о манерах Леонардо: «В ответ на великие невзгоды увеличь своё терпение, и эти великие невзгоды не смогут задеть твой ум».

Качели

Худая девочка качает толстую. Толстая рассказывает о том, кто в кого влюбился.

– Если ты меня сильно раскачаешь, я упаду, и твоих родителей оштрафуют.

Восклицательные знаки

– Ты хочешь загубить мою молодость!

– Твоя молодость уже прошла!

– Ты хочешь загубить мою старость!

Дождик летит

89 видов бабочек. Одна книга в доме, брёвна – в обхват, «Подросток»: «Он схватил шляпу и бросился к шубе».

Или наоборот. Пение райских птиц Эгейского моря, самолёты, леса, поля, летит дождик. Уходя наверх, бросил полено в печь, и прав он, я веду себя как несгибаемый.

Молитва на лов мотыльков

Отважных не осуди, Прозрачных овестствуй, Ничтожнейших обереги, Сгорающих воскреси.

Ссора

- Осы летают, здесь у тебя осиное гнездо.
- Они зимуют в щелях. У меня кипит что-то большее.
- Я была не в курсе.
- Тогда мы больше не увидимся.
- Как ты решишь сам.
- «Не удалось уломать девочку?»»

Тайна

Стол на 30 человек. Прошёл три поля. Окно. Со второго этажа Ксения орала на все пустынные окрестности.

– Я скажу тебе тайну: когда девушке действительно хорошо, девушка лежит тихо, как мышка, а не орёт, как белуга.

Птичка Вопреки

Когда солнце ещё на сцене летнего театра и в цепях и в партере Ломоносовского моста светится кровь в мочках ушей и на щеке золотится пух жизнь прошёл себя ото дня новых Москва Варшава и ещё то чего я не знаю ещё Одессу с Леной с этим и осталось уходить в свою жизнь я не удержу птичка Вопреки не удержит что там.

Угроза

«Если расстанемся, первым делом я пересплю со скульптором, потом позвоню итальянцу».

Любовь не выращивается из благодарности за. Любовь никуда не девается.

Этот спектакль время разыгрывает для тебя.

«Но кроме искусства ещё есть жизнь. Довольно проклятая, друг мой, довольно проклятая».

Горячо

– Когда мы приедем?

– Ещё часа полтора.

– У меня там... Там уже всё тяжело и горячо. Когда мы

приедем?

Улицы Прусская, Рогатица, Фёдоровский Ручей, ул. К. Маркса.

Считаю по её костяшкам: январь, февраль, март... Значит, в марте 31 день.

Цветок

Полуопущенные веки, усмешка, смотрит, как цветок, прижатый ступнёй, наполняется кровью.

– Ты чудовище! – и идёт на четвереньках по краю кровати – к продолжению.

Инструкция

Анемоны посадите в одну лунку рядом на 5 см, засыпая. Рядом на 5 см засыпать песком и через неделю-две смотреть, не кверху ли рогами. Другие – сажать когтями вниз.

Страшный суд

– Люди делают серьёзное лицо, когда хотят что-то скрыть. А я? посмотри на меня. Я даже не знаю, в чём вы меня можете обвинить.

– Скажешь это на Страшном суде: сигарета на отлёте, во-

робьиные глазки, ножка на ножку, в короткой своей клетчатой юбке: «Я даже не знаю, в чём вы меня можете обвинить».

В Италии

В Италии волосы и зубы ни у кого не выпадают, кожа лица золотая, а ногти перламутровые.

– Была ли я счастлива? Там все счастливы. Но однажды в соборе я видела, я слышала, как стояли русские, парень с девушкой и в круге света говорили друг с другом.

Кровь, голоса, смерть осла, выброшенного из окна церкви к ногам толпы, собравшейся по случаю праздника, и итальянское солнце, растекающееся над полуденной площадью.

Девушка рококо

– Ро-ко-ко, франц. го-со-со, от го... goscaille – да, осколки камней, раковины. Стилевое направление в европ. иск-ве первой пол. восемнадцатого ве. Для Рэ, связанного с кризисом абсолютизма... Абсолютизм – это про твои донские замашки, характерен уход от жизни в мир фантазии, театрализов. игры, мифол. и пасторальных сюжетов, эротич. ситуаций – вот, оказывается, отчего ты здесь. В иск-ве Ро. господствует грациозный, прихотливый орнаментальный ритм... Это про мою жизнь. Скульптура и живопись изящны, деко-

ративны, но неглубоки. Декор. иск-во принадлежит к высшим-шим достижениям иск-ва восемнадцатого ве. Ах!

всё – про меня, только времена перепутали. Или это я время перепутала. . . . По изысканности, красоте асимметричных композиций. . . Подглядывать нехорошо! За нами твоя книжка подглядывает!

– По утрам.

– И вечерам. По духу интимности, комфорта и внимания к личному удобству. Но от твоей кровати у меня всё ломит и болит. Теперь будем спать на полу, тем более что земля тёплая.

Повичесальщики и пряжи

Повичесальщики и пряжи были уже в постелях.

Жрецы Зороастра носили покрывало на рту, чтобы не осквернить огонь.

Если золотое кольцо обмакнуть в каплю ртути из разбитого градусника, оно станет белым.

Сатиры задиристы, похотливы, влюбчивы, наглы. Последнего поймали римские солдаты Суллы. Приняли за лазутчика. Допрашивали на пяти языках. Он только блял и потел. Отпустили.

Как Аллен Гинзберг, вот тебе, бабушка, и сутра подсолнуха. «Крашу губы в профессиональный цвет. Коньяк, деньги, два ствола. Сбылась мечта идиотки. Я испытала с ними

оргазм. Не скажешь, вычтут ли с меня за это?» «Разве стоит, моя маленькая девочка, убиваться об этих членистоногих?»

Что указывает на причастность Баладева Видьябхушана к линии Вишванатха Чакраварти и Руны Госвами?

На дороге бездонные дыры, в которых никого нет, и некому будет накормить тебя.

Птенец

На Дворцовой площади птенец упал с дуба. Вороны кричат и пикируют. Милиционерша подсаживает воронёнка на ветку, падает. Тысячи человек после концерта «Пинк Флойда» пойдут и затопчут. Студентки:

– Ну, возьмёшь домой, а чем ты будешь его кормить? Жвачкой с чипсами?

Бешенство

Любовь, помноженная на ревность, любовь, утопленная в ней: тяжёлая, смрадная, с вдруг расступающимися друг от друга днями, когда из ужаса выскакивают недели радости, и снова – ревности и изорванных простыней, и в последний кошмар: оба раздавлены тем, что врозь; и душит, и дышать уже нечем.

Хохлушка моя, ты не будешь верна.

– Я верна, да что с того.

Мир

– Хочешь чаю? хочешь, включу радио? хочешь меня?

– Я тебя ругал.

– За что?

– За то, что ты есть.

– Я во многом виновата, но в этом не я. Честное слово, не я. Просто бурная библиотечная молодость.

Воробей

Есть женщины сахар, есть соль, есть мёд с маслом, ты – мёд с перцем и пряностями. Теперь и с горечью.

Ночной бой мизинцев.

Половина сахарного грейпфрута, и перегородки его, и лепестки.

– Пошляк! Расскажи мне ещё про розовых немецких лебедей и холодное озеро в ночном парке, про беседку, про ветер, который шумит тёмной листвой.

Раскинув ноги (утро):

– Я опять должна отвечать за мироздание?

Воробей, животрепещущий в её кулаке.

Как железные войска, идут грозовые дожди.

В Вологодской области в сельском дурдоме сгорели психи.

В восемь вечера приняли транквилизаторы, в девять вспыхнул пожар.

Одиночество в метро

Серая ленинградская ночь. «Уважаемые пассажиры, сохраняйте надежду».

Хорошее кино

– Я люблю этот невыразительный язык, позволяющий реальности быть.

Дизентерия, лето

Все люди нужны. Горький пьяница съел что-то, увезли в Боткинские бараки, три дня, и умер.

Расставание

Сдохла птичка по имени Вопреки.

Репей

– Ты очень талантливо («Нет!») всё уничтожаешь.

Говорит с трудом, с паузами, будто высвобождает репей из длинных волос.

Муравьи

«Сослепу села попой в крапиву. А она ядовитая – до крови. Стояла в малиннике, увлеклась, покусали муравьи, заползли туда, ко мне, внутрь.

Какова будет наша идеология?

– Мы идём победным шагом везде, всегда и несмотря ни на что!»

Привидение

– Общение состояло в том, как она стояла, в какой позе, в ванную зашла, мне показалось, что я вышла, ведро шатнулось, и я упала на матрас. Я физически всё-таки никуда не выходила.

В конце последнего сновидения попробуй представить себе конец света.

Вена

– Там всё напряглось, и твоя вена (как называется?) – так, что одни мои органы позавидовали другим.

Измены

А давай так: ты как будто не ты, а другая девушка. И я как будто не я, а другой мужчина. И я с нею тебе изменю, а ты с ним. Мы в этом случае отомстим изменами, но останемся верны.

Африканские мухи

Выступил на середину комнаты: «Я подарю тебе сказку!» «А они, тинейджеры, такие все чистенькие – брючки, причёсочка. Я думаю: ну, милый, что ты там мне подарить. Сама честно разделась. А он, бедненький, забился под одеяло. Ну, я, конечно, потом...

Приехали к этому сенатору, а у него джакузи. Потом мы с девочкой увлеклись друг другом. Я взяла её за волосы и опустила её голову к себе вниз, она очень удивилась. Потому что она в детстве мне объясняла про минет. Что это не страшно, что всё нормально. Показывала на бутылке,

как это правильно делается. Он, бедненький, глядя на нас, чуть не утонул. Ну, потом, конечно, мы отыгра... Ты знаешь, как живут африканские мухи? Женихи, штук двадцать, стаей гоняют муху. Самый ловкий совокупляется с ней в воздухе. Гениталий отрывается с треском, и мужик падает на землю замертво. Она копит в своём теле кусочки гениталий. А потом что делает с ними – выбрасывает или кормит ими детей? – я не знаю».

Последняя любовь

«Бабушка умерла. Дед её очень любил. Теперь дед пишет стихи. Не стихи, а целые гимны. 86 лет. Бабушка умерла от чего? В 70 лет забеременела. Родственники-врачи кормили её препаратами от беременности. Вот она и умерла. Познакомились на скамеечке. Я одинок, и вы? Давайте жить вместе».

А из последних новостей. Ц. новый любовник. Нашпигованный деньгами и прикольный».

Рыба

Сегодня в аквариуме на Разъезжей в меня влюбилась рыба. Пялилась в стекло, не могла оторваться. У рыбы были выпученные глаза, большой лоб и растрёпанные волосы,

как у посудомойки.

Победа

Швейцарцы в 1308 году свергли австрийское иго.

В школе

Дети спрашивают: почему нельзя съесть собственного отца, если его не любишь?

На мосту

Как будто железный медведь ходит, скрежеща когтями о термошиты.

– Ленка позвонит, скажет, какой ветер...

Я вылечу тебя от ревности – буду делать это у тебя на глазах, пока не привыкнешь.

– Я его буду душить, он будет сипеть, глаза выпучатся, он посинеет, и последний его взрыв будет в тебя.

Любовь к искусству

Почему тебе можно мальчика, а мне нельзя девочку?

– Потому что ты будешь делать это из удовольствия, а я

из любви к искусству. И вообще, вечного сияния страсти я тебе не обещала.

Сантехник

Утонул сантехник. Говорили о печати смерти.

– Как странно! сантехник не умеет плавать.

Откуда это? – ласточки не совыют гнезда.

Нежные твари

«Ты во всём виноват! Ты, ты вытоптал цветочки моей души. Раньше меж ними порхали бабочки, пчёлы собирали нектар, и на красные, синие, оранжевые лепестки ложилась утренняя роса, и божьи твари выходили из лесу понюхать васильки, искупаться в росе и покакать. Теперь! Теперь что мы видим? – земля! выжженная земля! Помойка, смрад, ржавые консервные банки, завязанные узелком гондоны, гадкие слизняки, которых надо посыпать солью. Где цветные листья, где, спрашиваю тебя, листья травы, где нежные твари, выходящие на поляну из прекрасного леса, чтобы понюхать цветочки моей души?»

И почему ты так далеко лежишь, может быть, я опять что-то не то сказала?»

– Ты не умеешь ни просить прощения, ни прощать.

– Прощать, – неуверенно, – умею.

Объявления

«Ты станешь прокладкой между мной и моей подружкой с пристёгнутым фаллоимитатором».

«Ищу мужчину для занятий сексом со мной, моей подружкой и её собакой».

«Двуногий познакомится с двуногой».

«Посредникам и животным просьба не беспокоить».

Утешительное

«Ступай, ступай с богом, бедняжка, – сказал он, – зачем мне тебя обижать? Свет велик, в нём найдётся довольно места для тебя и для меня».

«Игрушка ничтожных случайностей, вот кто ты, Тристрам Шенди! И всегда таким будешь».

«Остальное же, мадам, не стоит того, чтобы ради него погибаться».

Когда приехали, наступила весна.

Игра с котиком и колбаской

«Ты идёшь, как будто что-то случилось. Как котика да-

ёшь колбаску на верёвке, а потом из него её вытаскиваешь... Я так играла в детстве. Если котик с тяжёлой судьбой, он во второй раз не ест. А если кошка наглая, глотает и глотает – а ты вытаскиваешь».

На вокзале

– Останься, если можешь.

Девушка в красных штанах

Средний и безымянный пальцы сложены вместе. Вышла из вагона, чтобы оставить за собой это наблюдение и уйти со сцены.

Ракета

– Как ты расстанешься?

– Как ракета, которую подорвали.

Моцарт и управдом

Моцарт тоже родился по недосмотру. Моцарт родился, потому что управдом был пьян. Управдом был пьян, и родился Моцарт.

Фантомы

«Меня развратили, но не избаловали».

Лучше бы наоборот.

Оказалось, ещё и избаловали.

– Ну, давай сотрём мою память. Зачем ты тащишь сюда к нам в кровать сундуки с фантомами моего прошлого!

Утренний мир

Тонкая девушка выглядывает из-за плеча толстой, утренний мир.

Братец

Купил прозрачное синтетическое платье и бант, вымыл девочку в корыте и накормил. Одесская беспризорница, вышвырнул наутро, как куклу.

Совесть

Я не знаю имени ни одного олимпийского бога, которого бы мучила совесть. Здесь же, после художеств, обрезают крылышки. И ходишь, и болит.

Монголоидка

Монголоидка в электричке. Улыбка, как солнышко в Бостоне: то гроза, то снег.

Сентиментальное

Деревья были золотыми справа, клёны, нет, тополя, вышел, стали красными, и брандмауэр стал красным, и деревья справа.

Жизнь как жемчужная шутка Ватто.

На скамейке ножичком «Блядь».

Сон: сарайчики, подплываем к Нью-Йорку.

Завтрак: манная каша и два грейпфрута. Утреннее ошеломление тем, что меня не было раньше.

Ты похожа на лежащую ёлку – ах! вот и корешки.

Так не бывает! Когда так бывает, герой оказывается негодяем, а алые паруса – чёрными крысами.

«Тебя никто не будет любить внутри так, как я».

Расплавленная лень июльского городка, где сонная телега проезжает раз в полчаса, и камень Лэси горяч, как паперть, в трещинах которой прячутся ящерицы.

Тебя нужно долго отмачивать в счастье, чтобы всё хорошо. Может быть, когда-нибудь, в другой жизни. Но другой

жизни нет. Есть, но в ней, кажется, не встречаются, а если встречаются, то не узнают друг друга.

– Неужели ты думаешь, что он так жесток?

– Нет, – и вдруг всё сложилось, и нет больше ревности к любовям и слизистым оболочкам.

Снился твой рот. Кровь шумными ударами бьёт в уши.

Я тебя убью, если ты не дашь мне разрисовать дом божьями коровками.

Ночной кошмар

«Они были в тёмных широких одеждах, большие, без лиц, били камнями, стоя за спиной, уже дырка, камень торчит в голове, а он стоял и смотрел на меня ужасными глазами».

Псевдоним

Госпожа с Шёлковым Горлом.

Самолет

Расшифровка переговоров экипажа самолёта, разбившегося в Иркутске. Последние слова командира: «Эх, пиздец».

Полотенце на вишне уже высохло

В шесть утра Вася, вытащив на тротуар крымской улицы баян и украденный в кафешантане пластмассовый столик, решает с приятелем проклятые вопросы. Васина закуска под красное вино: гнилое яблоко, рваный хлеб, непочатая головка чеснока.

Просыпайся, пора на море!

– Посмотрела в глаза действительности. Очень хочется плакать, – это способ безжизненной фразой сказать то, что уже не выговаривается.

Раннее утро в Киеве. Вымытый Крещатик, старуха и девочка, обе в лавровых венках с асимметрично приклеенными к лицам глазами. Старуха прошла мимо, девочка протянула ладонь, я положил монетку.

Одна латышка, мне десять лет, ей, может быть, 16, красные свежие щёки, толстые губы, которые я хотел поцеловать, влипиться в эту свежесть между её прохладных щёк, уезжая, написала записку: «Трагедия – изумительная вещь!»

Я берёг эту бумажку, но так и не прочитал ни одной книги из её списка.

Вначале был вдох.

Полотенце на вишне уже высохло.

Люблю смотреть, как дорога уходит, как уходит дорога, как она на тебя накатывается.

Твои письма

1

Одно из жутких видений
представить что может случиться
ты не захочешь или не сможешь
умрёшь (шутка)
запускать в мои волосы пальцы
ночью наснилось

в комп-клубе
чёрный панковский
кофе
мех ламы
если облить
промокает противно топорщится
потому всё-таки мех
внутренний ужас мой личный
я помню то что сам ты наверное помнишь
(извени за безграммотность) что цитирую ф.
в другой раз воскресный стишок ещё хочешь

мой нежный тревожный любимый ревнивый
я в яаяяности
я в исступлении
руки ломаю
(словарь Достоевского
созвучен
моему негодованию)
я до тебя доберусь и убью
в письме ты кажется скрыл
тем более что английского ты не знаешь
будешь поджариваться на медленном огне
муки тебе обещаю
разнообразные
помнишь
«утро в курятнике»
и ещё те которые мы на тебе испытывали
так это шалости были
и я настаиваю
на 25 часах в сутки
не
8+2+полтора
пора уходить

3

получайте скидки в магазинах и ресторанах – до 50

4

я не смогла прочитать
твои мои любимые письма
и мне никто никогда не захочет помочь
когда я искала
последнюю букву
названия писем
были без «тел»
из-за какого то «сервера»
с песнями с плясками
я на грани истерики

периодически
я разговариваю с любой
она видя моё лицо предлагает сочинить и написать стих
иронический ребёнок
там есть такие наблюдения
«слегка бровки приподняв
нажимает клавиши»

или

«красивое письмо»

«выходит из клуба

еле дыша»

что вовсе не вежливо с её стороны

5

между прочим моя фамилия полностью помещается

В ТВОЮ

только без заглавной буквы

«д»

обдумываю стратегию закапывания тебя в снег когда ты

приедешь

это очень важно

я всё ещё рассчитываю на победу

летом и осенью не получилось

может зимой

мы всей семьёй

ходили на вокзал

шумной толпой по-цыгански

и некоторым грустно

в такой же пропорции в которой весело внешне

вечера

собачий мороз называются
или
компьютерный клуб

6

закажите клубную карту mnogo.ru абсолютно бесплатно!

7

последние вымерли нервные клетки

компьютер

выдаёт письма раз в полчаса я и то соображаю быстрее

ПОТОМУ ЧТО О ГЛАВНОМ

..... ПЛОХО

\ где эти буквы х ж \

тоскую

для общества я как индивидум утеряна

говорить со мной не о чем

круг ограничен

всех и папу тоже называю тобой

мир сжался

в неконтролируемом тобою пространстве

я плачу

конечно ревнуй

это нужная штука
желательно и до конца
какого-нибудь
но только не злись на меня никогда и не оставляй
лучше письма в конвертах как в старину

8

это всё-таки я как тебе пишется если ты дома и пишешь
если в муках значит эффективно

если без мук то наверное ты в состоянии болезни и забыв-
тая я честно признаюсь иногда я вижу как ты выбрасываешь
всё написанное в... в...за неимением печки в доме в мусо-
ропровод я за тобой подозреваю такую импульсивность

я расстроена снова
письмо с архиреем если не путаю не дошло и пропали
письма

1-я не скажу тебе не к кому ревновать
и 2-баназиям и со скрепочками
ты обещал очень прочитать хочется
постоянно что-нибудь портится
вот тебе адрес

9

и ещё возникли вопросы
что за размер архирей
очень надеюсь архи не означает допотопный
а хирей
не озн. тоже ничего
какие выводы из того что человек общается с миром
посредством архирея и каким
размером
пользуется например путин
я серьёзно
но если тебе вопросы глупыми покажутся просто
не отвечай
ты самый лучший

10

у меня есть воображение сердце душа
(возможно в другом порядке)
прочие аксессуары
не надо меня так пугать
про слёзы и прочее

отвечаю на запитання падлюк никаких не вези
своих тут хватает
если не побреешься наверное буду смеяться
но уж точно это не испортит наших отношений и не вспуг-
нёт эстетическую часть
меня
но обманет
пассажилов поезда
и они оставят тебя наедине со своими мыслями

где диканька не знаю
едь смело и радостно
я буду о тебе там заботиться
как хочется
чтобы всё хорошо

11

всё трагичней
но
я конечно
обхохоталась
а в тебе смотрю бесконечные запасы сарказма
много разного рода запасов и все они какие-то бесконеч-
ные

целую люблю
и дышать без тебя не могу
из головы у тебя уходить не собираюсь и не проси и оста-
ВИМ

этот вопрос
это жизнь такая

P. S.

Разбредается стая небесных собак,
видишь, сыплются звёздочки, блядь!
У зелёной беседки
стрекохут цикады.
Не приду в город Киев!
не приеду к тебе никогда!
Тихо-то как.
Ключья пены на Млечном Пути

Метель

Из Петропавловского собора вышел мужик в фуфайке,
подпоясанной бельевой верёвкой.

– Опять зима, пока в соборе был. О-бал-деть! И на выход-

ные

обещают мокрый снег. Совсем уже с ума сошли.
Апрель.

Оно

Оно смотрит на меня и прежде всего за мной. Оно не пишет стихи, не любит.
Мы ходим друг к другу в гости. И друг от друга прячемся.

Вивисекция

Язык нового времени: первыми пострадали самые прекрасные: Вермеер и орангутанг. У одного отсекли е, у другого г. Один стал Вермером, второй орангутаном.

Стали считать не как мы, расправляя кулак с большого пальца, а с мизинца: дотрагиваясь до собственных пальцев пальцами другой руки.

– Они готовы верить во всё, даже в синеголовых гупертонов.

Н. Фёдоров

«Воскреснут трупы и будут строить прекрасное будущее».

Старуха звонила в дверь. Я не открыл.

Девочки, весна!

На скамейке, запрокинув головы, целуются дети, ее рыжие волосы льются в грязный снег, в подоле букет серебряных, словно вырезанных из фольги, цветов.

Масляный луг покрыт коркой льда. Прелые коконы прошлогодних листьев.

– Где папа?

Белобрысый малыш ткнул в меня пальцем и пошёл прочь, тархтя об асфальт пластмассовой машинкой.

Покачивая перьями, шли три старухи.

– Девочки, весна!

Девушка читала брошюру «Из тех ли ты, кого любит Бог?» и грела на холодном солнце блестящие коленки.

Робко ещё, ещё очень робко, только первое после зимы: чуть свет не так, тротуар чуть суше.

Habitus

– Мне вас рекомендовали как очень талантливую и совершенно сумасшедшую.

– Я очень тихий и очень несчастный человек.

– Это видно.

Запись в приёмном покое: «Говорит, что не пьёт, но habitus соответствует».

Первое солнце

Старухи смотрят на воробьёв на снегу.

– Они не синицы, лапками не умеют цепляться.

Приёмный покой

– Как дела на воле? – старик в больнице.

– Дела к весне. Воздух уже такой...

– Мимозы, наверное, продают, тюльпаны.

– Не видел ещё.

Либретто

Весеннее утро, на берегу озера Принц Зигфрид, Бенно и друзья Принца веселятся, танцуют с крестьянками, пируют.

Царевна-лебедь, самка совершенных форм, прекрасное тело, помноженное на самолюбование, глаза полузакрыты, полные губы полуоткрыты.

– Вы уже уходите? – сказала красивая гардеробщица.

– Да, – сказал я.

Она улыбнулась.

Баркас на тяжёлой Неве, шар-камень, стёкла шампанского, волны идут вспять.

Зыбка – колыбель. Рамо – плечо. Рамена – плечи. Рамень – римская ромашка, аптечная римская ромашка.

Ооцит – женская половая клетка в период её созревания, оолиты – округлые камни.

Опалесценция – рассеяние света мутной средой, фантастический балет в трёх действиях.

Тени моста и людей на гранитной стене. Тени людей сходят вниз по тени моста и уходят в чёрную воду. Тени других выходят из чёрной воды и идут по тени моста вверх. Крылья не отражаются.

Склоняясь над Зигфридом, угасает Одетта. Бурные волны разбушевавшейся на озере стихии поглощают Одетту и Зигфрида.

На лестнице

Мне больше нечего тебе сказать.

И, простое, у окна (холод ещё за ним):

– Птичка поёт.

Окно, лестница, ребёнок и его слово:

– Птичка поёт.

И правда, пела всего одна птичка.

В метро

– Мы привяжем скот, закроем курятники, будем молиться и ждать, – сказала ТВ.

Интернет сообщает: в Китае обнаружили холм, по которому вода течёт вверх.

В метро говорят, что метрополитен требует соблюдения правил, установленных метрополитеном. О стоимости одной ступени эскалатора и невинно пострадавших пассажирах. Каждое новое сообщение дикторша начинает с междоуметия «А...».

«А внимание...»

А содержащий прелюбодейку безумен и нечестив.

А день начался.

В кафе на Жуковского

– Ты наш?

– В каком смысле?

– Из цирковых?

– Нет, не из цирковых.

– Бывает не наш, но роднее наших.

Чичвара

Этот обычай называется чичвара. [...] У нас, у грузин, нет харакири, мы не можем зарезать себя, тогда мы будем изменниками. Поэтому ударом острого кинжала мы оскопляем себя и уходим в горный монастырь думать о высоком и петь песни богу. [...]

Задолго до рассвета женщины уходят из селения. Мужчины встают в круг и поют хвалебные песни мужчине, его гордости, достоинству и древнему обычаю чичвары. В центре – тот, чьё достоинство он сам. [...] Когда первый луч солнца блеснёт над туманной ложиной, ударом острого кинжала он отсекает свой мужественный побег. Уд падает в корзину, сплетённую из виноградных прутьев. В корзине сверкает самый чистый горный снег с вершины. [...] С заходом солнца женщины вынимают его из снега и готовят к пиршеству. Секрет утерян. Он как живой, он сахарный, как мёд. [...]

И вот чичвара на досках, накрытых белоснежной скатертью. С кровавым пятном в паху. Она – вся в чёрном – во главе стола... Стол длинный, как дорога, уходит за край села. Она должна попробовать первой... [...]

На Страстной

Птичка с жёлтым горлом учит птенца летать.

Матери душат в колыбелях своих новорождённых дочерей, потому что нечего есть.

Дни, дни мои, утра и дни. Май-июнь.

Иду к исповеди, пиная камешек.

Евреи

Евреи ушли из Египта. В Египте без евреев стало спокойно. Евреи родили Христа. А потом распяли.

(Чтобы было спокойно.)

На паперти

— Кто-то хорошо говорил: если ты стоишь на пороге церкви — не надо вот тут это... колыхаться.

Die ersten Schritte. Lehrbuch

Ich bin, du bist, Er ist.

Последние слова

– Бабочки летают.

Аквариум

Бывают тонкие сновидения. Ещё не спишь, а картинки уже показывают. Аквариум, в нём живут не рыбы, а деревья с жёлтыми плодами. Они падают медленно, как в воде. Но тот, кто показывает это сновидение, хочет, чтобы не только я, но и другие его смотрели. Смотрят не люди, а растения, стоящие у стенок аквариума. У них тоже жёлтые плоды, и плоды выворачиваются, раскрываются и смотрят на тех, похожих на них, которые в аквариуме.

Воскресная прогулка

– Давай, – робко, – поцелуемся?
– Давай.

9 Мая

Старик в чёрном, звеня медалями. Как ёлочка, которую несут выбрасывать вместе с игрушками.

Белая ночь

«Gott soll allein main Herze haben!..» – поют Баха под окнами на весь переулок Антоненко и бьют пивные бутылки.

Москва весной

– Плюм-бум, плюм-бум, – говорят колокола.

«Великому русскому художнику слова Ник. Вас. Гоголю от правительства Советского Союза. 2 марта 1952 года».

– Николай Васильевич в накидке, а как меня изобразят? – говорят на Гоголевском бульваре.

Улицы не знают, как их зовут: Тверская-Ямская. Уж ты реши сама: Тверская ты или Ямская. Или: Рождественка улица. Где ещё две буквы?

Ул. Крылатые Холмы. Красиво. Женщина – мужчине:

– Он тоже без грехов? – Нет, – отвечает.

Этот город с миру по нитке. Изба с хомутом, который надевает Ванька из сказки. Волки голову отъели, приготавливая барыню к естественному её употреблению.

Арбат. Из толпы просили «Подмосковные вечера». Трубач кивнул и сыграл «Город над вольной Невой».

– Мавзолей. Там прикольно, там уже 80 лет лежит зелёный человек, не портится и не воняет.

– Он единственный среди них оказался живой, и ещё играет с живыми.

– Да, правильно, нельзя же всё время изображать своё несуществование.

На Лубянке золотая табличка: «Приёмная ФСБ. Приём граждан круглосуточно».

– Я предпочёл бы поперёк картонную: тары нет.

– Я маленький нездешний человек. Пойду и плюну в Москву-реку.

Мама и мальчик, 1935 год:

– Мама, а почему у дедушки синее ушко?

Теперь там восковая маска работы скульптора М. Остальное – солома. Не похоронят. Никогда. Потому что его там нет.

«Что касается до грязных выходов, то мы видели их слишком достаточно». В. И. Ленин.

Чернильница

Фарфоровые туркмены. Композиция «Обсуждение конституции», 1935 год.

Встречные

Девочка в тёмных очках. Мальчик в галстуке.

– Слушай, ты меня – э-э-э – (я поравнялся, пока прошёл, э-э-э длилось...) – развратил, – услышал уже за спиной.

Альма

Соловьи кричат, как дерущиеся кошки.

«Соловьи – почему они поют? – Они хотят жениться. – Как четыре собаки, сегодня, бегающие – жениться?» У Пушкина, поставленного здесь от городского попечительского управления, сцена изнасилования собаки Альмы четырьмя кобелями, на пьяной скамейке компания трезвых старух:

– Ты ж когда гуляешь, тоже аться хочешь.

– Я шесть лет не усь-усь.

– Это щас. А по молодости?

– Да не бей ты её...

– Может, укусит тебя пару раз за задницу.

– Альмочка, умеешь делать минет?

– Не умеет. Даю ей сардельку, а она её – хрум!

– Он вообще, знаешь, – как её – он её передними лапами подгрёб под себя, а задние у него нависают прямо ей на лицо.

– Какие задние?..

– Альмочка, девочка, иди сюда!

– На Лиговском гуляли. Догу не дала.

– Дура!

– А кто будет роды принимать?

– Вон их сколько. И ещё один на Московском вокзале,

жених.

«В столице нашей чухонство. В вашей купечество, а Русь только посреди Руси».

Гоголь – Погодину, 11 генварь, 34.

Первый надзиратель

Заседание ...ской академии. Кувшинное рыло говорит о спасении России. Повсюду поставить надзирателей.

Когда выслушивал вопрос, из почтения к собеседнику с понимающей улыбкой опускал голову: дескать, что ж ты сам не знаешь ответа на такой детский вопрос, но если бы ты знал то, что знаю я, то и вопроса бы такого не задавал. Он выслушивал молча, замерев в сладком полупоклоне, а отвечая подробно и долго, делал перед собой жесты, будто задвигает и выдвигает ящички невидимого комода, в которых лежали ответы. Иногда ящички были миниатюрными, он открывал их двумя толстыми пальцами, беря нежно. Когда хранимые в ящичках идеи бывали сложными и, на его взгляд, трудными для нашего понимания, тащил с небольшим усилием, но, вызволив на свет, выдыхал в воздух сложноподчинённую конструкцию, которая летала над залом лёгкая и недоступная; невидимый комод был натёрт салом, ящички скользили легко, и спасительная идея рождалась без мук, и вот, извлечённая на свет божий, уже трепещет в его нежной лапе – на радость нам и государству российскому. Мысль-то была

убога – к каждому государственному институту приставить зеркальный институт общественных надзирателей и оплачивать их труд из казны.

Когда выступающий задвинул на место последний ящичек, лицо его стало суровым, паноптикум зааплодировал, а старенький председатель собрания, расплакавшись, предложил оратору стать академиком, на что Первый Надзиратель ответил полным достоинства лёгким поклоном, почти невероятным по своему изяществу для его медвежьего сложения.

25 мая

– Иди, посмотрим, как птички щебечут.

Тропинка

Идут две улитки с шёлковыми рогами.

Утро под Калугой

Прилетел маленький серый соловей, и чёрный дуб наполнился музыкой.

Не сказал

– У вас очень красивая попа, и (её?) голубизна придаёт (ей?) целомудренность.

Голубые дни сменяются сиреневыми, как шарики на Невском...

«Сестра Прасковья, с крепкими толстыми ногами, чистый её мальчик, мечты...»

Смерть

Девушка прошла по набережной, улыбаясь: «Идём со мной». Человек с лапой тигра, барышня с воспалёнными от сифилиса веками, взгляд: «Что?» «Жди меня, я не вернусь». Спроси у яндекса, кто написал.

Цитаты

Каждый день вижу ангелоподобных, как цитаты из книжек Тургенева, майских девушек. Но с порванными носами, губами, руками, платьями. А те, кто не изодраны, – беременны. Что там зимой с ними делают?

Первая строчка

«...За рисом на кладбище прилетели голуби. Нас посвящают в монахи. Стою перед шаром, – шар большой, с меня ростом, прозрачный. На мне красное, как колокол, платье. Я шагаю в овраг и тоже лечу счастливый и лёгкий.

Был мой разорённый дом, сквозь который росли деревья. Ходил за три поля. Слушал птиц под мокрым дождём. Лес такой дымчатый, в нём цветут цветочки синенькие и беленькие, и все приметы говорят о том, что ничего не будет...» Рассказ философа.

«Ехал я однажды в Самару. Пили водку. На второй полке лежал мужик. Слушал, свесив голову, терпел. Потом слез, решительно налил себе водки и сказал:

– Пошёл я однажды за стаканом на кладбище... Если я когда-нибудь, не приведи господи, буду писать роман, я начну его именно так: «Пошёл я однажды за стаканом на кладбище».

Июньские дни

Мальчик в метро играет с водяным пистолетом.

Старуха:

– Во время войны с оружием не играют.

– Похороны, где?

– В большом зале крематория.

– Какого крематория?

– Крематорий у нас один. Знай и люби свой город.

Мама рассыпала пуговицы, чтобы пришить к моему плащу.

– Она такая... Красиво-коричневенькая.

По радио сказали, что Тутанхамон умер в 18 лет.

– А-яй, как жалко, какой молодой! – сказала мама.

Воспитательница:

– Не плачь, жизнь вообще сама по себе штука тяжёлая, страшная, но, к счастью, короткая.

Мальчик перестал плакать.

Ларёк, старая и пьяная продавщица в очках:

– Молодой человек, вы не знаете, как прожить следующие двадцать минут?

И двадцать минут пройдут, и жизнь пройдёт, как следующие двадцать минут.

Я подумал и не ответил.

60 процентов школьников на вопрос «Как вы относитесь к Пушкину и Гоголю?» ответили: я их ненавижу.

Утро белой ночи, девочка в окне, крик в мокрую и свежую пустоту двора:

– Хочу мужика!

Книжка. «Под удовольствием мы понимаем отсутствие умственной и физической боли, а не оргии, пьянство и раз-

врат с женщинами, мальчиками или рыбами».

Моховая, девочка лет семи в яркой красной куртке под руку с чёрной старухой.

– А моя мама умерла, – нараспев сказала девочка.

– Да, – нараспев ответила старуха.

Июньские дни, все уже на дачах, парикмахерская пуста, одна парикмахерша от скуки стрижёт другую.

У канала

Мешки путешествуют по городу и играют прохожими.

Один слетел с набережной, лёг, замер, опустил ухо, слушает. Плохо слышно, ветер? прошелестел и прилёг к самым ногам.

Три писателя

«Вы, цветущие девушки, прыгающие с зелёного неба на синие луга аэродрома от избытка сил и радости, оглянитесь на пройденный путь революции...» – граф А. Толстой, речь на дискуссии о Добычине.

«Превращение воды в китаянку и исчезновение китаянки в воздухе. Феерический аттракцион», – Леонид Добычин, письмо 141, афиша.

«Не забыть написать комментарий к Апокалипсису».

Стерн.

Адрес

Ул. Печальная, 1.

Хожу, пою на мотив враждебных вихрей:

– Всё это печальное так изначально, как изначально это печально!

Эпитафия на лютеранском кладбище

«Zu früh «1831–1874.

Дацан

Монах в оранжевой футболке пускает с каменного балкона мыльные пузыри.

Радужные пузыри летят над улицей Савушкина и лопаются в трамвайном вихре.

Оборотень

Летней ночью на Аничковом мосту, розовая прозрачная кофта, тонкая талия, чёрный лифчик, тонкий профиль.

– Вы такая красивая, что страшно подойти.

– Вам нужны проблемы? – удаляясь.

Голос, как у консервной банки, когда её открывают. Шпротной банки с режущим масляным язычком.

Девочка

Зеленогорск, ЗПКиО, как сказала одна барышня – парк с насморочной аббревиатурой. Девочка ревёт в голос:

– Где я теперь па-а-а-пу возьму?

– У тебя есть бабушка и дедушка.

– Где я па-а-а-апу возьму!

Лахта

Чёрные волны с белыми барашками. Девушка с огромной голой грудью, шатаясь, выходит из них. У бревна парень выжимает лифчик. Песок метёт, забивается в кроссовки и сечёт по ногам.

Перекрёсток

Деревенская улица, мальчик и девочка, он машет палкой, она наклонена к нему, и исчезли в солнце и зелени.

Если бы я не приехал в этот посёлок, не остановился, не спросил дорогу! Зелёная ветка, дачи, заборы, мальчик

и девочка, – будет, будет всегда твориться с ними это счастье, этот нерв солнца.

Ещё девочка

Новожилово, лето, дорога, девочка.

– Здравствуй.

– Здравствуйте.

– Как дела?

– Хорошо.

Уходим, догоняет:

– А мама сидит на кровати и пьёт.

Девушка и цыган

Последняя ночь. Наутро табор уходит. Раздирая руки и белое платье, бежала сквозь лес. Поляна, огонь. Лицо в крови, на щеке висит выколотый о сучок глаз.

– А теперь ты мне вовсе не нужна, – засмеялся цыган и ушёл с табором.

Дорога

– Что у тебя в мешке?

– Дым да воздух, воздух и дым.

Счастье

Грозовая туча над морем. Голая немка кидает камешки в черепок кувшина.

– Das heisst Meerkrieg, – сказала немка, когда волна попыталась украсть тапочки.

Турок на боку, бросил ей на живот лёгкий камешек, другой.

Она повернула голову, улыбнулась юному турку.

Ушли в отель, и хлынул ливень. Я ринулся в море, буйствовал и орал от полноты стихий и счастья.

Немка вернулась одна, сняла лифчик и легла на камни, закрыв глаза от счастья и солнца.

Одуванчики небесных сирот

Худые поля и дворцы вокруг. Залитые свинцом бляхи солдатских ремней. Вбитый по горло в болото псковский крестьянин грозит кулаком великану с кошачьими усиками. «Господи, милости буди...» – срываясь на тенор.

Облака

Гости приходили в облаках запахов. Рядом с ними облака

становились плотнее, наполнялись подкладками их одежд, чужими домами, детьми, болезнями и смертью. Я прятался за угольной печкой, в которой сгорали их облака.

Миро

– Что вы с ней сделали! – воскликнула смотрительница зала Рембрандта.

– Господи, что вы с ним сделали! Чем вы его облили? – всплеснула руками матушка Леонида. – По телу св. Александра Свирского на простыню операционного стола стекали золотые капли миро.

Бурая шевелящаяся жидкость текла по золотому телу Данаи.

Лаборатория наполнилась благоуханием.

– Цыц, дура, – сказал отец Лукиан. – Тихо, не видишь...

1 сентября

По дороге на дачу изнасиловали и зарезали учительницу английского.

Я видел её весной: как ледышка-студентка после воскресного катка. Юная, розовые щёки, строгие очки, недотрога.

1 сентября детям скажут, что уехала.

Перед школой

«Мы с Сашей стояли за трамвайным полотном. Над заливом шёл красный страшный дым. Вдруг в дыму появился жёлтый шар, он плыл, из него торчали какие-то палки, потом из шара вышли, я не знаю, как они поместились, высокая женщина и мужчина. Мы испугались и побежали. Они взяли Сашу. Потом все дети стали искать своих родителей. Я нашла тебя, я очень боялась. Опять бред какой-то приснился. И мюсли есть не буду. Не буду! Потому что молока нет. А с йогуртом терпеть не могу. Я возьму яблоко. Насущное».

– Балда, – это за мюсли и за насущное яблоко.

– Сам балда.

Балда ускакала в школу.

На колоссально дощатой террасе близ конопляника веснушчатая жена подъячего Агриппина Саввична под аккомпанемент виолончели потчевала исподтишка коллежского асессора Аполлона Филипповича винегретом и прочими яствами.

Осталась открытой хрестоматия для седьмого класса. Георгий Иванов, стихотворение про Родину без названия: «Россия тишина. Россия прах. / А, может быть, Россия – просто страх. / Верёвка, пуля, ледяная тьма / И музыка, сводящая с ума. / Верёвка, пуля, каторжный рассвет / Над тем, чему названья в мире нет».

Ниже вопрос для учащихся: «Можно ли, читая стихотворение, сказать, что поэт отверг свою родину?» Здесь же «Песенка об Арбате» с проверочными вопросами: почему поэт назвал своё стихотворение не песня, а песенка и – «Как вы объясните последовательность определений Арбата в стихотворении: призвание, религия, отечество?»

– Я для глухих повторяю! Как! как вы объясните последовательность определений Арбата в стихотворении поэта Булата Окуджавы? Это и вас тоже касается!

Видение будущего

Сумерки падают на землю, поднимаются и улетают, как большие дома с окнами, трубами, или как облака;

ночи

не наступают,

впрочем, никто их особо не ждёт; (или: «все мы их ждём»; непонятно, кто эти «мы», если я совершенно один среди этого коловращения, или, как говорили в школе, обмена веществ в природе; кстати, куда, спрашивается, подевались все остальные учащиеся нашего класса, если я совершенно один),

дни

вырастают из палки,

это необъяснимо;

лежу на каких-то мешках,

может быть, с рисом – по хрупкости, хрумкости, что ли,
в одежде и босиком,

шевелю от задумчивости пальцами ног;

(неверно: не очень-то грязными, просто немытыми, про-

сто

я почему-то не мылся,

из лени, наверное,

вселенской, космической лени,

или других

приятных и добровольных соображений);

(когда получается в рифму – это случайно, это я не нароч-

но,

так получается);

шевелю пальцами ног

и очень хочется в кино;

и опять же:

не то чтобы очень, а платонически, что ли,

«экзистенциально»,

прости меня, господи! –

но не иду,

а исправляю в уме:

что там? –

сумерки,

дни вырастают из палки, лежу на каких-то мешках, задумчивый, а не печальный.

Бессонница

Меня подняли, как циркача, на стальном канате под купол неба с фальшивыми, вырезанными из фольги, звёздами, и я увидел, как через океан тянется электрический провод, полный человеческих голосов. А что, может быть, больше ничего и нет на земном шаре, и только провод с голосом и лежит на морском дне?

В голову от холодного окна дует, встану на колени, пытаюсь влезть головой в подушку. Книги рядом.

Как они там начинают романы? Посмотреть.

Кто-то дышит рядом с тобой, но в комнате никого нет.

Бросить копьё из Ленинграда в Киев.

Хата под снегом на берегу Днепра.

Остров Голодай, на острове, на пятом этаже десятиэтажного дома, как в каменном бутерброде, спит мальчик.

Если пролететь сквозь огненные камни, можно выпить с той стороны земного шара, в Австралии, холодного лимонада.

Тюбик зубной пасты в стакане полон, а будущее? сколько его?

Можно перекусить железную нитку, – но дальше? – катастрофа языка, возвращение мира в хаос, где уже нет ни автора, ни героев, ни букв, а ждущая девушка – частный случай.

Лечь головой в другую сторону от окна, чтобы не дуло.

Монета, упала на ребро: аверс? реверс? – нет, гурт!

«Накрасилась и ушла провожать подругу...» – «Они победили. Но у них были хвосты, на которых неудобно плясать гопака». – «Когда сумма знаний и наблюдений переполнится, я пинком опрокину корыто».

Четверг – не четверг? вот и дождик. Горестно-горестно! спать, спать, стерпится – слюбится.

Восемь строк

Белый петух

и серебряный нож.

– Ты молился ли, харе рама?

Ночь,

белоснежная лампа.

Только и памяти,

что перо.

Детское сочинение

«Изуми меня, Господи!»

Учитель кунг-фу

– Я всё могу! Я могу вызвать дождь! Смотри!

– Так сотвори новую землю, – ответил поп.

Летом учитель ходил на Острова и ел клевер. Он показал сколько: охапками.

Печаль

Священник в плаще с зонтиком и животом, вспучившимся от постной и правильной пищи:

– Никого мне не спасти, никого не исправить.

Щенок

Овчарка с белой грудкой, щенок. Обежал вокруг выросшей из асфальта липы, понюхал мои сандалии.

Рубинштейна, рок-клуб, вечер, солнце. Надписи чёрным на жёлтой стене: «Брест. Мы вместе. Ном – короли Петербурга». Парикмахерская, гаммы, гроздь облепихи в гранё-

ном стакане. Девушка и гроздь облепихи, вернее её портрет у стакана, в котором стоит гроздь облепихи.

Вышла женщина, я не запомнил, как была одета. Глаза длинные и синие.

Щенок нашёл ветку, стал трепать.

– Сожрут, – сказала женщина. – Уедем на дачу. У нас в Псковской области теперь. Волков много. И ходят прямо через деревню. Учат волчат, следы...

– Я почему-то был уверен, что хозяин женщина, – сказал я.

Дети:

– Я, как только родилась, я была кубиком.

Старухи:

– Если уж мать невзлюбила, то она жизни может не дать.

– Апорт! – Ломает ветку, бежит со сломанной, грызёт, треплет, бросает, отвлекается на окно:

– Нет, вороны нас не интересуют.

На полукруге апорта засмотрелся на девушку, выходящую из парикмахерской. Во втором – на чёрную машину, играл, разбрасывая лапы вразлад.

– Мицубиси, – сказала женщина.

Бросился мне на грудь. Хозяйка закричала: нельзя, нельзя! Ты должен быть сильным. Хитрым и сильным, чтобы зимой тебя не сожрали волки.

Вчерашний вечер

Плакала в трубку, когда поняла, что тоже умрёт.

– Папа, ты занят?

– Да.

– Тогда я перезвоню.

– Нет, да говори, что случилось?

– А ты когда придёшь?

– В восемь встреча, часа на два – два с половиной.

– Ну, тогда пока.

Положила трубку.

Перезваниваю, отвечает чужая, Лиза плачет и не хочет брать трубку. Не признаётся.

Вечером, когда засыпали, сказала:

– Я умру.

Я отвечал, что...

Эротомомания

Еду в другой город к девушке с инструкцией про Глубокое Горло. «Когда делаешь глубокую глотку, как Линда Лавлейс, главное – научиться правильно дышать».

На Владимирском из асфальта светят фонари, дымясь под дождём. На Московском вокзале поют про двенадцать

разбойников, про то, как сам Кудеяр из-под Киева выкрал девицу свою. И – «Кто-то мне судьбу предскажет, кто-то завтра, милый мой, на груди моей развяжет узел, связанный тобой».

Тенором – старик с тонкими усиками и лицом, как печёное яблоко.

Всегда думал: кто будет вечером снимать с тебя платье, которое утром надевал на тебя я. – Машина по городу Москве. Такси, такси, пожалуйста, такси. Такси недорого. Такси, пожалуйста, молодой человек, такси. Такси, девушка, такси, такси.

«Эротодромомания есть тяга к бродяжничеству с целью поиска сексуальных эксцессов».

Загадка

На дереве без листьев сидела птичка без перьев, пришла девка безротая и съела птичку без перьев с дерева без листьев.

1 ноября, утро

Гола постель.

Октябрь

отпразднован.

Протрёшь окно,
и лёгкий снег
огромен.

1 ноября

Дворники внесли во двор короб опавших листьев.

Сад

Падает в волосы вишня сухая,
идти ли? –
дома зажигают в туманах,
и светлеют до света постели,
не дождавшись из сада любовниц
или же главарей из преступного мира.
Идти ли? –
если ливнями сорваны паутины,
если пусто в ноябрьском этом саду,
и Орфей и Вергилий
идут в сандалетах
лёгкой и звонкой землёй.

Утренник детский! –

хоть ёлочку празднуй –
так просто!

7 ноября

Синие голуби на окровавленных лапках.

Рыбой пахнет

Рыбой пахнет. Мама ест вкусную жирную рыбу. Рыбой пахнет. Мама купила рыбу. Рыба маленькая и жирная. Мама ест рыбу. Очень вкусная рыба. Мама чистит и ест. У раковины мажет и ест рыбу. Пальцы у мамы жирные. Рот у рыбы вкусный и жирный. У мамы жирный рот и жирные пальцы. Мама ест рыбу на глазах у кошки. На глазах у кошки мама пахнет рыбой. Рыбы целый ящик в связках по шесть и по восемь. Полиэтилен жирный. Мама режет чёрный хлеб. Мама хочет пива. Кошка хочет рыбу: рыбой пахнет. Задница у кошки похожа на маленький чёрный рот. Кошка лижет задницу. Мама ест рыбу, жирную, хорошую рыбу. Как хорошо, что мама купила рыбу!

NB

17 ноября не забыть отпраздновать день рождения Авгу-

ста Мёбиуса.

Мокрый снег

– У вас уже утро? У нас вечер. И на Литейном мокрый снег.

– Как так может быть? Коперник бы удивился. Не земля, а сумасшедший дом.

2 декабря, ню, фотография ч/б

Ты встала: снег.

Подошла к большому холодному зеркалу шкафа.

Наступила зима

после дождей.

Утро у окна

Ворона посмотрела с крыши котельной вниз и не решилась

лететь.

Трепыхание, треск. Бабочка? Пенопласт.

– Я знаю, как тебе помириться с девушкой, – сказала мама. – Нужно сделать ей что-нибудь приятное, сказать хорошие слова и подарить хотя бы маленький букетик ландышей.

– Это в декабре-то?

Спит, открыв рот и полуоткрыв глаза, зрачки ворочаются, следят за кем-то бегающим и летающим.

«Уезжай или оставайся. – Мне всё равно. – Оставайся, мы будем играть в лису в курятнике. – Мне всё равно. Ты тащишь сундук моего прошлого сюда, рассаживаешь и спрашиваешь их здесь, эти фантомы, прикармливаешь. Зачем они нам?» Я сказал «уезжай»:

– Ты мне безразлична.

Она не плакала. Её глаза были синие, как протоплазма. Может быть, она плакала потом, я не знаю.

Во дворе детского сада живая ёлка и живая Снегурочка.

Мальчик стоит в стороне и смотрит вверх. Что его удивило?

Серое небо, на котором ничего не написано? услышанная в себе музыка? Мама, которая за мутным стеклом развешивает новогодние огни?

Строят дорогу. По насыпи ходит бульдозер. В снег, перемешанный с мёрзлой землёй, зарывают соловьёв. Тех, которые разбудили меня, когда в матрасе тлела красная ядовитая дыра, и я, услышав их майский рев, распахнул дверь на балкон.

Господня земля и исполнения ея, вселенная и все живущие на ней!

Дочка болеет. Не ела три дня. «В глазах всё жёлтое. На третий день съела вишенку, и – тошнит».

Узор на окне

– Смотри, какой ледяной шар, который похож на солнце!

Зоопарк зимней ночью

Птицы гремят когтями о жёсть, как драконы.

Философский кружок

Собираются по вечерам в мастерской с видом на Спаса на Крови. Спорят, вертится ли ось у колеса телеги, вертится ли ось Земли. О том, сколько чертей смогут одновременно станцевать на острие иглы. Об Ахилле и черепахе.

По ночам в доме воют канализационные трубы.

Дети! последнее время!

Историк

Лицо искажено улыбкой: он знает всё. Его обидели – не дали степень, теперь измывается над студентами. Я видел его в научной библиотеке, он читал вслух поваренную книгу:

– На один килограмм мяя-са...

Сказка

Он был богом. У него было две дочки, которые сидели в саду. Там ещё была стена. На дереве росли яблоки, которые если съешь до смерти – не умрёшь, а если после – воскреснешь.

Песенка

Почему ты плачешь?

– По дому.

Где твои детки?

– На небе.

Кто ты, песенка?

– Ненависть.

Чем успокоится сердце,

чем успокоится?

31 декабря

Брожу, никому не покупая подарки.

Был ограблен старухой, она собрала вывалившиеся из кармана десятирублёвые бумажки: «Ничего-ничего, я подберу».

– Ребята, попроще чего-нибудь есть? – Чего попроще? – Кроме тишины. . . – Он весь вечер просил попроще. – У меня яда не хватило, чтобы плюнуть, – продавщица.

Коробка: «Эвкалипта плутовидного счастье». Вместо «Эвкалипта прутовидного листья».

Написать письмо: «Утром, надевая трусы, вспоминал, о тебе».

Груши сбегали по склону холма.

Отец

Мне четыре года, Прокопьевск, Новый год, хлопушка, ёлка загорелась, папа хлопал в ладоши, подпрыгивал, тушил иголки.

Бал

Сначала пришли дети, целый класс. Галдели. Потом бальные подруги. Потом их друзья и вовсе незнакомые люди стали появляться в доме. Их представляли мне: нечеловеческие фамилии. Их становилось много. Одни плясали в комнатах. Вспомнил, что дом большой. Другие пили под ёлкой и бесе-

довали. Другие были в третьих. Люди с лицами своими. Люди в масках. Люди с лицами, как маски. Фиолетовые лица, кривые лица, красивые девки, юноши без лиц. Все человеческие и все искажены. Я жалел, что всё это наяву, а не во сне, ходил между ними, замеченный и не замечаемый.

1 января

Вокруг избы ходило нечто, подобное ребёнку. Следы.

Пять строк

Окна с белым попугаем,
крыши города под снегом.

Я один в своём окошке.

– Ты один в своём окошке, никого тебе не надо.

Метаморфоза

Лестничная клетка, окно через двор. Загромождённая комната. Девушка с косичкой читает книгу, колышется свет. Полки, кисточки, дело к полуночи. Нет, не косичка – белая рука. Абитуриентка, не первокурсница, готовится к первым

экзаменам. Не шевелится. Что происходит? Юная леди сидит без движения? Отклонилась, тело исчезло. Сухая рука перекрестилась. Положила книгу. Старуха при свече читает – в своём загромождённом времени и прошлыми жизнями пространстве.

Танина бабка

«У меня черви в голове. Накрывала стол, крахмалила скатерть, хоронила мужа без конца. Он приходил домой, она: ты же умер, я тебя... Хорошо, садись. Уезжала из дому невесть куда, блукала. Нашли в лесу с обгрызенной булкой, замёрзла под деревом. Снег вокруг дерева оттаял».

Град возлюбленных Божьих

Тут недалеко деревня есть, Дудачкино называется.

Большая? Маленькая.

Там мужик церковь построил, и полопалась. Супов его, между прочим, зовут, Саша. Саша Супов.

Двор, ёлка, наёмная снегурочка, хоровод. Мальчик у ёлки смотрит вверх:

– Вы что, нелюди, что ли? Вы злые, что ли?

Беременна несколько недель. Говорит о том, как у него растут пальчики, ресницы.

Прощание

Дальнобойщики уезжают в Выборг. Хвост ещё выволакивается из Ленинграда. Дальнобойщики поют по радиии:

– Ухо-ухо, ухо зелёно-е!

Она стоит на площади Мужества и машет платком. Непонятно, смеётся или плачет. Они едут в Скандинавию, где бушуют снега и живут Деда Морозы.

«Они одержимы лихорадочными поисками счастья».

Баба Зина

Вышла на порог в летнем халате и калошах на босу ногу, словно май на дворе.

– Та! Что ж вы без девок приехали?

Я приехал последней электричкой, ночевал в хлеву с печкой и распятой на брёвнах красной тряпкой «Ячейка В.К.П. (б), Приморский колхозный рынок».

Дрожали звёзды. В печке жарили чертей, и железная трещина змеилась огнём.

Рождественское утро: солнце, колодец, чёрная старуха на пороге избы.

Я поставил ведро в сугроб.

– А и я раньше красивая была! И блокаду пережила,

и ПВО, и санитаркой. Двадцати лет тогда не было... Приводят, он безрукий в ванне сидит. «Помой, – говорит, – девочка.–

И здесь тоже помой, как свою руку». Приступилась, кожуцу задрала – чёрное кольцо и выделения, и всё. Стала мыть, как самую себя... Вдруг вызывают – что такое, что я не так сделала? Прихожу, врачи стоят в белом, и он среди них, грамоту мне золотыми буквами – за службу.

А сейчас люди тут нехорошие, не всякому слово скажешь, не всякого за стол посадишь. Я говорю так: ешь пирог с грибами и держи язык за зубами, – баба Зина подняла кверху указательный палец.

Орехово, солнце, сосны, снег, а жизнь могла случайным или самочинным образом прекратиться.

Не пой

– Вчера. Действительно, вчера я был здесь, – сказал встречный.

На рельсах вороны рвали рыжую шкуру котёнка.

Зелёный солдат грелся куревом.

На красном облаке нарисовано дерево.

В снегу вдоль бетонного забора лежит гирлянда крашенных лампочек. И вдоль лампочек шёл старик с деревянной палкой.

– Осторожно, двери закрываются, – сказал машинист.

«Мы предельно осторожны».

Двери закрылись.

На железной стене тамбура было написано: «Ася не любит Люшу» (печатными буквами), «Теория невыносимости» (пропись), «Гамлет – неудачник» (трафарет), «Вася + Маша = Вася» (сердечком).

– Нас беспокоит Аня, она стала какая-то немножечко не такая.

В вагоне открыл книжку про ангелов, которые читают стихотворение, написанное другим ангелом.

– Ты такая красивая в этот вечер январский, – запели в тамбуре.

«Давайте в принцессу играть. – Нет, я боюсь».

«Как-то её звали?.. – На В. – Вирсавия».

«Зинка была легче, чем пальто».

«Кроме меня обо мне думать некому».

Ещё про каких-то осликов ада и набор из 12 игл говорили в вагоне.

– Ты ни с кем не сравнимая, из какой ты сказки... – тянул голос среди лыжных палок и дыма.

– Не пой, – лыжник пошёл через весь вагон на полусогнутых – мешали пластмассовые ботинки. – Не пой.

– ...Ты была Аэлитой, королевою снежной, – пел подгулявший рождественский мужичок.

Тамбур задрожал, хрястнули палки, лыжник ударил в рот, из которого шла песня, на подбородок потекла кровь.

– Уважаемые пассажиры, при выходе из поезда не забывайте свои вещи.

Вагон хлынул вон.

Кошка сдохла

Иду к судебному приставу с квитанцией об уплате алиментов. Немецкие домики, снег, дворник.

– Закурить не найдётся? – робко. – Спасибо большое. Старуха попросила яму для кошки выкопать, обещала 500 рублей и пропала.

Видно, мёрзнет тут не первую четверть часа.

– Наряжает, что ли, кошку? Бантики завязывает.

Через полчаса возвращаюсь тем же двором. Мёрзнет, топчется.

– Может, она её моет-наряжает, бантики завязывает, – продолжает свою песню. – Нет, хорошая старуха, приличная, душу мать, 500 рублей обещала.

В стороне зияет вырубленная топором кошкина могила.

Снег, дворник мечется по двору.

– Ё! адреса старухино не спросил.

Тверь

Молился о здравии Екатерины, у которой схватки, свя-

ценномученику и богослову Фаддею, утопленному 31.12.37 в нечистотах. Фармацевтичка в аптеке выдала презервативы с постно-кислым лицом попа, которому на исповеди рассказывают о прелюбодеянии.

Выть на Волгу.

Я ненавижу человеческое мясо, среди которого ходить страшно. Я хочу женщину, хочу как мясо. Женщину как перемирие с жизнью.

Представление

Затейник с грохотом роняет на дощатую сцену кирпич, берёт другой и бросает в зал. Зал шарахается, визжит.

Обманул – красную мочалку.

Симун

Гранит, 20 тонн, на деревянном помосте, ночь, с огнемётом в руках скульптор, похожий на дубовую колоду. Я бы поставил такой памятник тебе: ты, камень, ночь, деревянные леса, огонь паяльной лампы.

Дочкин сон

Крематорий, грязно, работают полуголые девушки, сверху

чёрные, потому что лезут в топку, и лысые. «Мы тебя научим готовить стейки».

– Я готовлю лучше, потому что я не готовлю из человеческого мяса.

Они привязывают друг друга цепями к трупам и бьют друг друга цепями. Мне не страшно.

Подстрочник с чеченского

Утка душа прибыль пахать яблоко глаз огурец жить ко-
стыль чёрный тупой пламя улица село надсмотрщик про-
пасть овца шило лопата нефть мычание коровы утро друж-
ба язык дай корень сено житьё ящерица заплатка смерть хо-
рёк тысяча длинный греховный забыла тень было камени-
стая расщелина дьявол болевое жжение.

О девственности

«Хуль ты ссышь?» – уговаривают.

Пейзаж

«Вдоль реки бежало асфальтовое шоссе», пишет япон-
ский романист.

– Как красиво! стоймя, до неба, на двух лапах.

Бестселлер

Автобус, парень, открытая книжка в мягкой обложке, читаю: «Марина Сергеевна замерла...»

Перевернул страницу: «Марина Сергеевна ринулась по коридору...»

Пойди спроси

– Нет же! Пир (опечатка) построил один гений, давший свободу бездарям.

– Зачем?

– Спроси.

Моей подруге

Покойница лежала на столе, и я её оставил осматривать свой дом и привыкать, но был я удивлён: так выбелены стены.

Ужасный день, не правда ли, дружок?

А проще: что страх смерти там, тебе, где слово ничего не значит...

Анатолий Андреевич

– Если на сарае написано «дрова», не значит, что там дрова лежат.

Слим кот

В ванной полунаполненная разноцветным стиральным порошком жестяная банка из-под пива без верха накрыта запиской: «С полы тоской страстью в глазах теса ме. Понми любви слова что когда-то сказал по ху уяше слим кот».

Классический экземпляр

Роды преждевременные, на седьмом месяце, носа нет. Вместо него единственный глаз. Выше отросток в виде трубки длиной три сантиметра. Спина покрыта шерстью. Жила десять минут. Девочка. Восьмая беременность. Помещена в бальзамирующий раствор. Муж пил, Невский район, когда увидела, волосы на голове встали дыбом. Циклоп.

«Классический экземпляр. Встречается крайне редко».

Праздник в деревне

Ансамбль по линии райотдела культуры, девицы с отблесками пионерского костра в глазах поют: «Посмотри глазами – пааааамагу, и любовь узнаешь ты...» В зале сидят внимательные старухи.

Словорубная мастерская

Кирилл – Мефодию: «Мы с тобой два мула, один упал, а другой должен продолжать путь».

Экономика

В алюминиевых ложках просверлили дырки, чтобы их не воровали вьетнамцы.

Поэт

Бойницы, которые по субботам закрывают на проветривание, иволги.

Устюгов

Устюгов, вид бомжа, две девицы.

– Давайте я вас нарисую.

Презрение.

– Так и умрёте не нарисованные.

Записка (ложь)

«Я даже сесть не могу. Спасибо за прекрасный праздник. Аня».

*Заключённый, когда заколачивали
окно темницы – И я не увижу птичек?*

Фрейд

Красная шапочка как символ первой менструации. Ха!

NB

Опубликована переписка педераста с евреем. Забавно.

Акварель

И яблоко – плачущий младенец (жёлтое, большое) и яблоко-уродец (под ним, с белой пастью), и яблоки – черепа, чудища юности и снов на поле, усыпанном черепами и черепками, кусающие, растущие, пьющие друг друга, – под маской чистой акварели, пока не откроешь глаза.

На двери

«Потребляй, работай, сдохни».

Переезд

– Надо проверить связанные вещи.
Хочешь порассуждать? Иди в пустую комнату.

Вещам

– Хуже не придумать.

Девичий альбом

«Пусть облизнутся те, кому мы не достались, и сдохнут

те, кто нас не захотел».

О женщинах

«Но укоряю тебя за то, что ты оставил естественное употребление их».

Две рецензии

«...Две кошки едят свою кашку.

Две женщины в комнате чёрной в открытых халатах».

Соснора: – Точная графика.

Рид: – Кошки не едят кашку. А если едят, то не любят.

В Эрмитаже

Облизывала губы, приготовляя на лице восхищение перед гением.

– Все эти обнажёнки с крылышками... Они на звук будут реагировать?

– Что вы! Только хранитель может прикоснуться к этим вещам!

Гоголь о Малевиче

«Пооди ж ты сладь с человеком! Не верит в бога, а верит... что если почешется переносье, то непременно умрёт, пропустит мимо создание поэта, ясное, как день, всё проникнутое согласиём и высокой мудростью простоты, а бросится именно на то, где какой-нибудь удалец напутает, наплетёт, изломает, выворотит природу, и ему оно понравится, и он станет кричать: „Вот оно, вот настоящее знание тайн сердца!“»

Швагер

Сломался унитаз. Нашёл сантехника на стройке. Саша.

– Спроси у бригадира, чтобы отпустил.

– Как его зовут?

– Юрий Иванович.

Чинит унитаз.

– Хороший у вас бригадир.

– Он мой родственник, швагер.

– Это по-немецки?

– По-белорусски. По-русски сестроёб.

Про кота

– Я не помню, как его зовут. Может быть, сын того, как его зовут.

Действующие лица

Ян, он же – маленький. Старуха, которая состоит из полуфабрикатов.

Тот, кто пришёл

Русский в переводе на якутский – тот, кто пришёл.
– Нет – носатый. Носатые.

Старый журналист

«Вы льёте в желудок, а я лью в душу».

Девичник

Чтобы много о себе не думали, депутаты должны носить девичьи фамилии своих матерей. От этого парламент той страны называют девичник.

Просьба

У магазина, между локтями зажато что-то, под мышкой кефир. Старуха ниже её ростом, в платье, без лица, разглядывает кефир, кефир переходит, жест рукой – тебе, зажатый локтями мешок падает.

– Пропьёшь, – говорит, – но ещё раз прошу тебя, молись о животных.

– О животных, – повторила курсивом, – молись.

Зощенко

Весь – подробное описание проделок мелких бесов. Соответствующим языком – искажённым, искорёженным.

Русский

– Кто-то еврей, кто-то татарин. А я не знаю, кто я.

– Значит, ты русский.

Мир открыт. Русский – прилагательное.

Немецкая поговорка

Mut verloren – alles verloren, aber besser nicht geboren.

Ты вёл себя, как мальчик, которому недодали денег, славы и судьбы. Как трусливый мальчишка.

Колыбельная Лэси Украинки

На украинском слова новорождённые, ещё пахнут материнским молоком. У нас – металлом и пластмассой.

Психологи о комплексе Герострата

При дефиците любви наказанием становится сама жизнь, и тогда наказание ищут как последний шанс на любовь.

Сюжет

– ...Но мне нужен, нужен сюжет. Как ты хочешь, но нужен!

– «Он вошёл, волосы его были взъерошены. Он выхватил пистолет и выстрелил. – Ах! – прошептала она. – Ах, мадам Флоранс, ах, мсье Валери!..»

– Зачем ты так. Просто когда мне совсем плохо, я читаю Тургенева.

Натюрморты

Коксовый завод в Киришах, осенний натюрморт, развёрнутые по России телеги декабристов, крах парижской коммуны, день после грозы, девочка с красным бантом на лбу, вода, льющаяся из водосточной трубы, плотвичка, подгулявшая с листом капусты, мухоморы на синем и красном полотнах, печка в новогодней избе.

Без названия

Жаль, что прожили вы её (жизнь) так (радостно) и страшно, что я живу её (жизнь) так, радостную.

Таллин

Дорога, англоговорящий попутчик. Пора спать. «Христос не ответствен за костры инквизиции», – отголосок вагонного спора.

– Slipti, – сказал эстонец, проверив багаж.

Утро, местный бомж в мятом, но чистом галстуке и туалетчица с пунцовыми губами и начёсом генерального директора овощебазы.

– Здравствуйте, мадам. Доброе утро, мадам. Скажите, по-

жалуйста, который час?

– Без четверти семь, – прекрасная туалетчица посмотрела на золотые часики.

– Правильно, – ответил бомж, посмотрев на вокзальные часы.

В городе единственная надпись на русском: «Приём стеклотары».

Воздушный цирк Монти Пайтон

– Если это овцы, то почему они на деревьях, сэр? – Они там вьют гнёзда и учат ягнят летать. – Как птицы? – Точно. Птицы – вот ключ к проблеме. Овцы находятся в глубоком заблуждении и считают себя птицами. А мутит их вот тот баран в углу, явный бунтарь.

Чужая комната

Круглый стол, красный горшок под кроватью, крючки и железные морды, привинченные к стене.

Охота

Доза свинца в мелькнувшее в ветках живое существо.

Антиутопия

За феминистическим раем с мужскими гаремами последуют феминистические войны всех против всех. Мужские войны были за хлеб и территорию, за возможности выжить. Или идеологические, то есть идеальные, из любви к искусству. У них – за наслаждения и ноу-хау способов наслаждения. Войны зла со злом. Феминистические армии эфемерны, их лёгкие фракции формируются на короткое время и рассыпаются снова: без принципов, с постоянным пониманием, что все предадут всех.

Санитары в коридоре психушки

– Анастасия, уборщица с первого этажа, сказала, что сделала от меня аборт.

Интернет

«Люблю прикольных и симпотных мальчиков».

Кинематограф

Где смерть человечества? – игра светотени на целлулоид-

ной плёнке. Зелёный занавес у входа, надпись ЕХІТ.

Морфологический оксюморон

«Я понимаю ваше возвышение за счёт моего вознижения».

Одиночество

Покинутая и всегда совершенно холодная женщина нарядилась в бедную самую нарядную дикую свою кофточку и стала неумело изображать страсть и жаркое дыхание.

Ревность

И ещё – этот лопнувший капилляр на её губе.

Колыбельная

Спи, малыш! к несуществующим.

Выставка в ДК 1-й пятилетки

«Живопись Творца».

Письмо из Пекина

«Ела змею. Попахивает болотцем. Потому что на болоте поймали».

Реплика

«Может, ты прав: не быть».

Фрейлина

Она состояла из одних только глаз и не ела конфет.

Пёстрая курица

Под одной крышей с домом коровник, в коровнике курятник. В полпятого утра, когда доили корову, маленькая пёстрая курица выходила из курятника, садилась на доску перед выменем коровы, слушала, как звенит молоко, и пела песенку.

Её подругам отрывали головы и варили супчики.

Певчая курочка умерла от старости.

*«А потом ему пришлось
самому себя расстрелять»*

Владимирская площадь.

– Можно один вопрос задать? – И я как раз слушал мальчика, который сказал маме, что пришёл этот человек, который сказал: «Можно вам задать один вопрос?»

– Я женился в 1963 году. Мой отец подписал приказ о собственном расстреле.

Пятая масть

Стерви.

Сон

Квартира – комната – шкаф – ящик. Я хотела увидеть, что внутри.

Электричка

Напротив старик с лицом борца за справедливость, чёлкой надвое и окровавленными губами, зелёный рюкзак.

Чорт

Плеханова, мужик выходит из большой машины и наступает лакированной туфлей в собачье дерьмо.

– Чорт! Всегда чорт!

Как у Гоголя, через о.

Черти

...Поскольку знаю точно, что не продвинулся в этих исследованиях ни на шаг. Другие миры, иногда так заползут, краем как-то, и озадачивают. При этих заползаниях я жду, когда это кончится, и опять забываю. Но вообще меня это не касается, потому что я не могу влиять на эти процессы и никак на них отозваться. В этом болоте – может, оно до центра земли – могут блуждать какие-то тела – погружаться и всплывать.

Раз приходили двое таких господ в чёрном – весёлый и грустный. Предлагали продать душу – за десять тысяч долларов. Просидели четыре часа. Причём свидетельница была – девочка четырнадцатилетняя. Рисовала тут. Когда они ушли, говорит: да это же черти!

Я их всё время смешил и поил чаем. А они пытались со мной разговор сурово вести. Разрисовали кусочек ватма-

на знаками, разъясняли правильное мироустройство.

Они пришли, когда я написал картину Рождество. Буквально мазнул последний раз – и звонок в дверь. Стали требовать от меня написать картину абсолютно обратного содержания, как младенцы побивают Ирода. Я говорю, что жвы такие пафосные, младенцы – Ирода. Просто подростки бьют старика. Они говорят: нет, что-то надо поконкретней. Один из них утверждал, что был у меня неделю назад с моей одноклассницей, и мы ходили по крышам. Нагло глядя мне прямо в глаза – врал. Во-первых, никаких одноклассниц у меня не бывало давно.

Моя картина вот тут была прислонена к стенке, и они уходили, и морды вот так вот отвернули. Записали телефон, он есть у меня до сих пор. В общем, жуткие такие субъекты, но больше не звонили.

У меня знакомый режиссёр был, говорит, что такое предложение принял. Денег ему дали. Но после этого, он говорит, вся моя жизнь, всё плохо, вот всё плохо.

Они такие питерские были, рожи у них такие узнаваемые, прямо из болота.

Поздравление

Поздравляю с тем, что ты родился, а если бы не родился, то поздравлять тебя было бы не с чем и некого; хорошая мысль – поздравить всех до сих пор ещё не родившихся,

а заодно, может быть, и тех, кто никогда не родится, но ты ведь зачем-то родился, поэтому поздравляю. Вот и потрудись теперь ответить на вопрос – зачем? – Ему, а если захочешь, и нам, грешным. Как однажды сказала Шарлотта Корде (Marie-Anne Charlotte de Corday d'Armont), зайдя в ванную комнату к известному тебе страдающему от экземы дяде (хай всем революционерам приснится чорт с чертенятами!), если вы ещё живы – поздравляю (по версии других её биографов, «примите моё сочувствие»), если уже нет – тем более.

Нежности

«Он приходил в слюнявой нежности к ней, ел кожицу от клюквы, которую она выплёвывала на блюде», – об отце Пушкина – Марков-Виноградский, муж Керн.

«Второй день не могу вспомнить фамилию мальчика, которого, который... Спали вместе. Он помер, на кладбище теперь. А я не могу вспомнить фамилию. Так всё глупо...»
«Игорёк мне изменил, и теперь всё лето изуродовано».

В больнице

– Был у твоего бывшего мужа в больнице. Думаю: «Хорошо бы он здесь и остался».

– И за это чудовище я вышла замуж!

– Я не виноват в той мысли, которая приходит ко мне сама, мы же человеки. Это потом я её гоню.

Максима проф. Старова

«Трагедия женщины начинается тогда, когда больше нет желающих оглянуться ей вслед».

Как на ёлочке

«А теперь мы попросим нашего гостя Дм. Вл. Набокова прочитать нам произведение его отца».

Начало жизни

Девочки на пляже, под вечер.

– Серёжа меня пригласил: «Давай погуляем». Мама меня не пустила: «Нет, одна ты не пойдёшь». Думаю, он обиделся.

Мальчик

– Знаешь, почему злодеи сначала идут на кухню?

– Почему?

– Потому что там есть ножи.

Звонок из-за океана

– Я тебе хочу сказать, что завтра будет утро. Значит, с добрым утром.

О натурщице

– Такую задницу иметь противопоказано. Иметь маленькую грудь при такой заднице – дурной тон.

Джихад

Кто сражается на пути аллаха за время, равное фуваку, ему обязательно будет рай.

Фувак – время между удоями верблюдицы.

Убедись, что ты чист, что одежда твоя чиста. Проверь все свои вещи: сумку, одежду, ножи, удостоверения личности, паспорта и все бумаги. Убедись, что за тобой никто не следит.

Джихад останется сладким и зелёным, пока дождь капает с неба.

Формула

И музыка, но не мир.

Загадка

Хотя я и не писатель, но раз дело идёт о книжке, я мог бы поступать так, как в таких случаях поступают Писатели, – но что они проделывают, чёрт их знает.

Леонид Добычин.

Коран

«Подготовьте меня к битве! подготовьте меня к битве!»

Кручёных

«Море волнуется не метрически, а ритмически».

Бах после смерти жены

«Господи, не лиши меня радости жизни!»

Мужики

– Ты зачем бензопилу спиздил?

Подростки

– Он читал в своей жизни одну книжку, Мцыри, – хохот.

– Где счастье? – Икс знает. Героин, но ненадолго. Недолгая, но счастливая жизнь.

Игра

Сломав рогатую косточку, нужно сказать тому, кому досталась лопатка:

– Бери и помни.

Ответ:

– Беру и помню.

Условие

Казнь будет приведена в исполнение только в том случае, если жертва спросит: «За что?»

Разгружая стёкла

«Мне нравится разруха, мосты – куски их посреди сгоревшего леса, детская проституция и наркомания, идиотизм и смертельное чернобыльское пьянство – всё до резкой черты, когда не гений становится гением, а народ и страны становятся гением...»

– Глупость всё это какая-то.

Будда

«Не существует ни животных на земле, ни крылатых тварей на небе. Но все они такие же люди, как и ты».

Харджиев

«В воздухе чувствовался треск раскалываемых черепов».

Рид Грачёв

– Жить, конечно, надо, но – жить.

Таблетки Руда

Поезд поехал. По ту сторону двойного стекла нарисованы уезжающие они, заглядывая назад, сколько позволял становящийся всё острее угол зрения.

Вынул из заднего кармана джинсов упаковку с маленькими белыми таблетками. «Если тебе плохо, съешь восемь, мне помогает восемь». Разорвал, первая упала на асфальт к железной ноге арки. В ладони семь, две остались в упаковке. Арка была ажурной и зелёной, слизал.

В полупустом вагоне метро душа отплыла от тела и повисла метрах в полтора, у двери. Прозрачное пятно, как будто сгустился и дрожит воздух, отрываясь, удалялась. Лица напротив, как за мутным двойным стеклом поезда, искривились. Если её отпустить от себя, придёт смерть или стану другим. Сунул в рот кулак и укусил до крови: «Не хочу». Уплывающее пятно, удивившись этому, остановилось. Оно смотрело на кулак, удивлённое. Четверо, сидевшие напротив, прояснились, перестали кривляться и молча смотрели на меня... Кто-то в моей голове спросил: «Хочешь умереть?» Я ответил вслух: «Нет» и на тяжёлых ногах вышел из вагона.

Темно. Комната. В комнате темно. Японка вышла из серого папируса, села на край старого дивана и поправила спицы в причёске.

Говорил с ней быстро и отчётливо. Что уже всё хорошо.
Что... Не помню, не разобрать, но уже понимая, что буду
жить.

Чёрным фломастером на старых обоях

«Больше неоткуда желать, больше не у кого хотеть».

И – Рид:

«Время вынесло котят

Помяукать в дикой стуже.

– Нужен кто, а кто не нужен?

Кто не нужен из котят?»

На Невском

– ...Похож на Пушкина, но без пули во лбу.

– Нет, пуля была в кишках.

Художник

– Ты рисуешь небо, либо его отсутствие.

Цзинь Пин Мэй

Изящная восемнадцатилетняя девушка,

Её груди мягкие, её груди белые,
Но ниже пояса у неё меч,
Которым она снесёт голову всем глупцам,
Хотя никто и не увидит, как покатаются их отрубленные
головы.

Она будет бесстрастно иссушать ваши кости До последней
капли мозга.

Что такое хорошо?

«Купил книжку на Техноложке, стихотворение: «Хорошо
сидеть на берегу и смотреть, как тонет корабль».

Пришёл к знакомой искусствоведке, выпили, та:

– Нет, хорошо сидеть на корабле и смотреть, как тонет
берег.

Выпили, она:

– Нет, хорошо смотреть, как тонет всё.

Пошёл к Володе Волкову, тот:

– Нет, ты же знаешь, что нет ни верха, ни низа.

Выпили.

– Нет, хорошо бы этого вовсе не видеть».

Диалог с анти-Лао-Цзы

– Что ты хочешь?

– Я хотел бы всех баб, написать все книги, растратить всё золото и выпить всё вино мира, выиграть все войны и не умереть.

– Напиши хотя бы одну книгу, найди себе хотя бы одну нормальную бабу. Насчёт умереть – там уж как получится.

Артикль

– Der Himmel wartet!

– Или всё-таки das?

Ответ:

– Ужас какой!

Зелёная книжка

– У нас украли зелёную книжку. Там про всё уже было написано.

– Про что?

– Ну, про то, как мы тут с тобой сидим и говорим о том, что у нас украли зелёную книжку.

– Где-то такое я уже читал.

– Так я же говорю: в зелёной книжке!

Концерт

Девочка с голубыми волосами поставила пальцем на спинке красного кресла две точки. Соединила точки. От одной увела кривую вверх. Махнула билетиком: стёрла.

Мальчик в белой рубашке на руках голой матери в чёрном. Подняла колени, чтобы не съезжал.

Седой в чёрных очках, вытянул вперёд из пиджака червячную белую шею.

Симфония любви. Седая голова женщины над фортепиано, как голова профессора Доуэля.

– Не видел ли ты Г-ву? – шёпот. – Она единственная женщина, которая мне сегодня нужна.

Монгол непроницаем.

Червяк щёлкает ногтями по зубам.

Ария Царевны-лебедь.

Червяк стал изображать, смеясь, плавную греблю одним веслом.

Девушка накинула на голые плечи чёрный пиджак.

Седая старуха оживилась и стала смотреть, что играют.

Китайские палочки. Блошиный вальс.

– У нас собачий. И не вальс, а мороз.

– В этом месте у меня отчего-то всегда теснение в груди случается.

На выставке

– Мадмуазель, я сожалею, что не присутствовал при том моменте, когда вы стали мадам, а также при обратной метаморфозе, – громко сказал профессор С. искусствоведке, которая встревала в его речь.

Ещё не обваренный свёклой: кипящую кастрюлю он каким-то образом изловчился опрокинуть на свою от старости пятнистую гениальную лысину.

Дамы дышат на очки, любовно открывая красные рты.

Протирают стёкла, кусают рахат-лукум, выворачивая губы наизнанку, чтобы сберечь помаду.

Вошёл похожий на старуху, пожал руку профессору и поженски вздохнул: «Как быстро тянется время!» Вошёл другой. Глаза синие, холодные, внимательные. Уши большие, прижаты. Пиджак застёгнут на животе, сел, расстегнул.

Пришёл человек, похожий на Льва Толстого: носом, бровями и жидкой бородой, сел.

Шесть скрипачек в чёрном, «Венгерский танец» Брамса.

– А если прислать им сто рублей и заказать Мурку? – сказал Лев Толстой.

– А вы не знаете, каким междометием выражается удивлённый свист? – сказал похожий на старуху. – Говорят, долгим и протяжным тю... Я испытал это на рабочем месте – окружающие удивились.

Государство А

Государство, где в каждом саду родовое кладбище. Покойников вешают на деревьях, хоронят в глиняных кувшинах или в напольных часах.

Как прежде, на груди утёсов лежат облака.

– Вам повесили на калитку мешок помидоров.
Не знаю, кто.

– Это хороший человек, кто бы он ни был, – отвечает.

– Помидоры, помидоры, – ушёл, поя, взяв мешок.

На веранде хромое кресло, под ножками протезы: «Война и мир» и школьный орфографический словарь. Книга в туалете (чтобы читать, а не рвать) – «200 лет вместе» Солженицына.

Государство И

Утром девочка стояла под моей дверью и звала: «Мам, мамм», затем по гостиничному коридору у каждой следующей двери: «Мам!» Неподалёку бухала пушка.

Ночь, снег

Под музыку Дебюсси у железнодорожной станции раска-

чивается фонарь. Прошёл поезд, и тень девушки пробежала – крыса! – от света – к её ногам.

В овраге в снегу на четвереньках стоит тётка.

– Проводи, замёрзну.

На платформе:

– Нет, до шконки.

Очки набок, лет 50.

Февраль в Ретине

Красное небо, оснеженная ель шевелит медвежьими лапами. Туркмены сидят на берегу залива и с удивлением смотрят на воду.

Плакала собака

Большой магазин, на привязи у стойки цветов плакала собака.

– Чья собака, уроды!

Поскользнулся, бросил покупки, присел, потрепал по загривку: не плачь, не плачь!

Переход ВМФ РФ через Альпы

Ползёт, скрежеща винтом о скалы, атомная подводная

лодка с подпалённым проржавленным боком, гордо поднимает острый нос эсминец и, перевалив, врывается в землю.

Логово стрекозы

– Логово стрекозы слушает, – отвечал по телефону Аркадий.

Логово стрекозы опустело.

Лёд и ветер Пискаревской пустыни, сухие стебли во льду.

Сорок дней

– Вкусные пироги?

– Вкусные.

– А не врешь? Я больше ничего в них не смогу положить, ни соли, ни перца. С грибами. Он на горке собирал. Я не собирала, я больше не могла с ним ходить. Он то быстро идёт, то вдруг останавливается. А солянка? Не пересолила? Пересолила. Это оливки солёные, я не учла. Пироги утром ходила в церковь святила. «Может, стоило сказать ему всю правду?» – «А ты знаешь всю правду?» – бабушка у нас смешной. Приходили, говорит, две старушки. «Кальмаров, – спрашивают, – в пост есть можно?» Головоногих, отвечает, можно. «Бритоголовых?..»

Я тебе дам фартук, нет, лучше его старую рубашку. По-

том, если захочешь, возьми себе на память.

Три лета тому назад шёл дождь. Входили в дома, говорили по-чувашски. Купили литр молока, литр самогона и корзину чёрной смородины.

У дома цветут красные и лиловые маки. Двор зарос одуванчиками, чертополохом и полынью. Яблоне 20 лет, и в этом году первый раз родила.

Вечером за столом – 1 бут. водки, он и 12 гостей.

– Кто-то Иуда.

О совпадении с собственным образом – несовпадении.

О времени, которое нужно послать к чёрту.

Я рассказывал про Рида, который ставил эксперименты со временем, раскладывал на столах и пианино сырую картошку, бананы, персики и смотрел, как они покрываются плесенью и становятся чёрными.

– Чёрное время, – говорил Рид.

– Это человек носит смерть внутри себя, беременный ей.

– Какие у вас поля!

– Это разве поля? Вот у нас в Чувашии поля! – за горизонт! Привезённая из Бологого за 250 рублей девка бегала по полям и целовалась с коровами.

Родился и сказал, как его зовут. Жена, которая ногами не касалась земли. В пять утра вышел и увидел новые медведицы.

– Ты похож на Будду. Разрез. Никогда не увлекался дзен-буддизмом? – Читал. – Не считается.

– У вас рубашка дырявая. – Я весь в прорехах. – Не сегодня, ещё через год, а через год...

– У разбитого корыта. – Да-да, у разбитого, да, верно.

Похоронили в снежном поле. В то, про что писал. Дубовый крест выстрогал глава местной администрации. За гробом шли мужики и бабы. С похорон прислали фотографию в конверте, на котором нарисована девка.

– Россия такая. – Но думать-то надо, могли бы в простом.

На правом манжете пуговица застёгнута, на левом нет.

Я понимаю, что он их застёгивал и, снимая, на левом не расстегнул. Подметал пол, оторванные бело-коричневые пуговицы, сдув с ладони мусор, положил на рабочий стол.

– Что он сказал?

– Сказал что-то похожее на Unhe. Но у слушавшей его переводчицы – фантазии.

Разбирает визитки:

– Кто эти люди? На каких языках они говорят?

Читаю девушке его стихи:

– Ну как?

– Самое главное – просто.

Чёрно-белая фотография

Люди стоят и смотрят влево и вверх. Идёт снег.

Дима

Мы жили на набережной Кутузова между Гагаринской и Литейным в больших комнатах первого этажа с видом на Неву. Февраль всё не хотел кончаться и в марте, и я проклинал это место, эти мчащиеся к Смольному сверкающие железяки и горбатые тротуары.

Но наступило лето, мы выходили на крыльцо внутреннего двора пить чай и травить байки.

В дыре под домом жил человек, который возвращался утрами с окровавленным лицом, но в белой рубашке, вперёд ногами залезал в дыру и спал до следующей ночи.

Во дворе жил мальчик Дима, лет шести. Да, шести-семи – он говорил, что 1 сентября пойдёт в школу. Жилистый, вечно чумазый, в лице что-то таджикское-узбекское. Его родителей я никогда не видел, они жили в правом верхнем дворовом окне.

Дима приходил к нам пить чай и есть печенье.

Однажды в понедельник, отказавшись от чаю, он остался стоять у порога.

Дима два дня ничего не ел. В пятницу у кошки родились котята, к маме пришла сестра, и они сразу пошли за водкой, и с тех пор все выходные спали.

– Котята родились. Это для них праздник. Это для них всегда какой-то праздник, – сказал Дима.

Лена кормила Диму кашей из пакетиков и бананами. Мы дарили скопившиеся в чуланах безделушки. Приходила моя дочка, диктовала ему, и он писал «мама» печатными буквами. Когда я уходил с работы, Дима шёл на набережную, садился на ступеньку перед бегущими машинами и ждал, когда вернусь. Если вернусь. Больших трудов, говорят, стоило загнать Диму домой.

Потом мы переехали на Большую Разночинную. Потом я ушёл.

Продолжения нет.

У изголовья

Шёл снег с дождём, ботинки промокли. С белыми платками на рукавах толпились друзья.

Любовница и жена покойника со свечками в замёрзших ладонях локтями оттесняли друг друга от гроба.

Земля

Яблоко, раскалённое яблоко, раскалённая яблочная кожура, яблочная кожура над раскалённым хаосом, который пытается выплеснуться наружу.

Третья смена

Урок арифметики,
дано: яблоко.
К окнам бегут –
тьма.

– Яблоко, яблоко!..

Ещё

Искусство есть отбор: «ничего в себе не объясняя и не позволяя объяснять другим».

Название картины. «Дефлорация учительницы пения в её собственном кабинете на третьей парте».

Пьеса. «Девушка розовой калитки и её оргии».

У врат в N...скую церковь, говорят, висит список страшных грехов, среди них – занятие искусством.

Барабанщик, бей в барабан и ничего не бойся!

Жизнь как роман с девушкой, харкающей кровью.

Искусство как воспоминание о том, что мы были совершенны.

Как поиск отца, как мешок, полный отчаянно чирика-

ющих воробьёв, пойманных армавирскими мальчишками под крышей элеватора.

Как – что? – я не знаю.

Кто знает, пусть скажет.

Письмо из Бостона

«Приезжай. Май не за горами, а за океаном».

Друг

Всегда говорит, как будто читает книжку – наклонив набок голову.

И трёт глаза, как будто свет бьёт в лицо.

Титов

«Судя по форме тела, семи отверстиям в голове, по дыханию и голосу, это был человек».

Подойти на вокзале к незнакомой девушке и сказать:

– Как жаль, что вы уезжаете.

Пиши, и пусть наивное выглядит наивным.

Озеро, сентябрь. Похоронили Ф. И.

К синей обивке гроба пришивали золотой крест.

– Как эту перекладинку? Вверх концом или вниз?

Ты должен знать.

Пришили вниз, я ошибся, так и закопали.

Утром прилетели 18 белых лебедей. Вечером девять улетели, крича по-человечьи. Солнце ночью, как кошмар: размытое, косматое, багровое, в дыму. Титов стоит в шапке-ушанке под перезрелой рябиной.

– Лет десять тому назад мы под ней пили и не собирали.

Теперь собираем и не пьём. Если бы мы тогда собирали и не пили, теперь бы пили и не собирали.

– Я уйду. Семь кораблей стартуют с космодрома Плесецк и будут сопровождать меня до границы Солнечной системы.

– Я вернусь. Семьсот космических шаттлов стартуют со всех космодромов мира и будут встречать меня у границы Вселенной.

Прошлым летом Сашка умер.

Идут годы, Титов стоит в шапке-ушанке под перезрелой рябиной. Солнце, как кошмар: размытое, косматое, багровое, в дыму.

– Мне нужно нечто тонкое и отвлечённое, – сказал Керзум, входя в дом.

В доме звуков нет. Звуки можно пересчитать по пальцам.

Утром смотрел, как в полнеба расширяются пятна багрового, гаснут, и в синих тучах снова наступает ночь.

На коленке лежит тетрадка. Кот, проходя, сказал мя, жёлтый огонь вспыхнул в резных дырах туч и безостановочно покатился под небесную гору, рисуя тихие леса и озеро:

берёз жёлтых, красных осин и чёрных сосен.

Кровать, как нашкодивший ребёнок, задвинута в дальний угол.

Прожужжала муха.

– Пойдём бережком, иначе смерть, – сказал А. Ф.

Люди с головами, как обугленные деревья. Бледные, восковые, лысые. Не сменяющие, а изменяющиеся одно в другое, с вытянутыми губами, безглазы, огромными лбами, мёртвые-живые радовались и уже брали за горло, и один выходил из-за спины другого и останавливался, и говорил: «Я здесь! И ты никуда не денешься от меня».

– Кто-то из них шёл рядом. Он что-то нёс, или я что-то нёс – как Ленин на субботнике. Начал нарастать ужас от присутствия «этого» рядом. Смотрю в твою сторону – горит огонёк у тебя. Зову, а ты молчишь. Бегу к тебе, вырываюсь, а дорога удлиняется до бесконечности.

Он пришёл с искажённым лицом, тяжело дышал, дрожал, в поту.

– Сейчас отпустит и больше не вернётся.

Отпустили.

Ходит по берегу. В песке растёт дикий овёс.

– Скоро пойдём ставить сетки. Соль есть, а рыбу добудем.

Приехал Василий, рассказывает: просыпаюсь – стоят:

– Кто ты? – Никто. – А кто ты? – И я никто. – А что вокруг? – И это тоже никто. – А кто – никто. – И это тоже никто. (Но я не сплю ведь, если лежу. А они тут ночами: – Ага!) –

Ты никто. – А вы кто? – Мы тоже никто. – А чего есть? – Того нет. А чего нет, того тоже нет. – Долго они так мужику голову морочили.

– А конюхом там была баба. Выпили. Ну да раздевайся.

Разделась. А там съёмочки, тряпочки, ниточки. Он взял ножиком да разрезал. Но я о другом...

«Женщина может простить мужчине зло, которое он ей причинил, но жертв, которые он ей принёс, она не прощает». Сомерсет Моэм, Луна и грош.

Луна над озером, свечка на подоконнике, Неупиваемая Чаша под подушкой.

Художник с этюдником у лодки.

– Вот, он привезёт из деревни нетленку. А ты – набитый кашей желудок, мешок пересоленной рыбы и мешочек сухих грибов.

– Правильно, мы тоже раньше писали.

Вычеркнул всё, что мешает писательству. Вычеркнул всё, – и себя.

Пошлейший, плоский, образованный и скучный ментор Гёте.

Художники погасили свет.

Этна просыпается, ёжик бешенствует, радуги стоят в небе, и из всей свистопляски остаётся один вопрос – веры.

Сегодня – еврейский новый год.

Некому берёзку заломати? Да хрена ли тебе её ломать, сиди дома. Чем тебе берёзка помешала? «Ой, люли-люли!»

Шотландцы скрестили картофель с фасолью и подснежником. Оказался несъедобен и для вредителей, и для людей. Проекция на стене: окно, рука и плечо, взмахи над мольбертом.

Первое своё стихотворение Сашка написал в третьем классе:

«Я полюбил её и вот Огромный у неё живот».

– Только потом понял, о чём это я.

В пятницу вечером приезжают рыбаки. Утром в воскресенье водка кончается.

Колю дрова. Выходят из старого «москвича»:

– Дай на водку, – робко. – Что тебе из Хвойного привезти?

– Бутылку пива.

Через полтора часа: колю дрова, «москвич», вываливаются в сапогах, улыбаются и прячутся за машину. Из машины выходит девка, лет семнадцати, кустодиевская, красный рот, короткая юбка, подходит ко мне и широко улыбается.

– Извини, пива не было, мы тебе девку привезли.

– На хрена мне тут девка.

– Прости, мы не знали...

Приглашаю в избу, пьют, девка ждёт в углу, подарил ей большую фланелевую рубашку, надела на голое тело. Прихватив понедельник, таскали её по холодным банькам.

«Откуда взялась?» – «Да наша, хвойненская. Поехала в Выборг, прицепилась к какому-то олигарху, но бляданула, выгнал. Вот и вернулась обратно в Хвойный».

«Ф. И. тогда работал председателем колхоза.

Лето, Ф. И. в ржаном поле одну бабу. Проходит староста: «Бог в помощь, Фёдор Иваныч!» Баба закрывается, чтоб не узнал. Вечером: «Что ж ты, старый дурак! Я ж тебе махал ногой: проходи, проходи!» «Так неудобно, Ф. И-ч! Надо ж что-то сказать».

«Друг его Пашков, Петя, лес сплавлял, якорь одной рукой поднимал. Гоняли всю деревню, и пили – кто кого. На свадьбе. Жена: пойдём.

– Да нет, ещё одну выпью. Ну ладно, пойдём.

Пошли в Ёндо. На дороге положил её голову на камень и ударил два раза палкой. Пришёл в Ёндо пьяный:

– Что ж я наделал! Убил бабу!

Взял ружьё, двустволку, зашёл в баню, приставил к горлу и из одного только ствола и успел выстрелить. Голова вдребезги. Бабу увезли в больницу. До сих пор живёт в Хвойном с этим, как его?..» В лодке.

– Саня, ты гребёшь, на лице написано страдание. Ешь – страдание, куришь – страдание. А когда женщину ебёшь – что на лице? – (подумав) – Омерзение.

Фамилия: Отченаш (милиционер).

Рыжий, голодный, глаза зелёные, прибежал к нам совсем сумасшедший, летний. Теперь пузо от окушков, как барабан. Но зимой в Ёндо коты вымерзают.

Сашка: – Жалко котофейчика-то, в молодости погибнет здесь!

У сига глаза серые, с золотым ободком. У плотвы красные, крапчатые. У окуня не помню, не посмотреть, головы уже поотрывал.

Пятница.

– Любишь классическую музыку?

– Да, зарезаться хочется.

Котофейчик, который замёрзнет, трогает эту руку холодным носом, поёт громко и сучит лапками, суёт морду в манжет рубахи.

Месяц плещется в холодной воде.

– Идите, идите, толстуны.

Цветная картинка на деревяшке: дети с финскими соломёнными волосами танцуют летку-еньку, обернув к нам сердцеподобные головы.

Сердце бьётся в подушечках пальцев и горит.

Месяц погас, в холодную воду пошёл снег.

Коротнуло – говорят здесь про инфаркт.

Спим с котофейчиком. Он лижет мой мизинец, урчит и покусывает. Солнце в лицо из-за окна, тихий час.

Ночь, полная золота: неправильная, не отёртая от тёмных пятен золотая монета луны, сплюснутая, старая. Её дорожка в озере – как пляшущие человечки. Свеча с синим, как подснежник, основанием фитиля. Борода моя, усы и бакенбарды – красно-рыжие. Накрывшись красной рубахой, дышал над картошкой. Отлегло.

Помнишь ли, как выскочил к озеру, ветер дул в спину,

и было: каждый его порыв – сколько сможешь вобрать.

И не было барьера – прямое участие.

Пруд, полный чертей. Чем ужаснее жизнь страны, тем сахарнее голоса.

Ладони в саже, въевшейся от чёрной работы – рыбака и повара.

Тикают морские часы. Трещит свечка, потрескивает.

Пойду, послушаю, как тихо вне дома.

«Он заварил ей покрепче, чтобы она не заснула, в то время когда я с её сестрой...»

Штрих – средство для исправления ошибок. Начало на столе перед Новым годом. Зачала на столе перед Новым годом.

Вышел. Озеро тёмное. И равное ему тёмное небо. Два матовых пространства. Ни кремней на земле, ни разговора звёзд. Плоскость, накрытая куполом с плывущими по нему, как по барабану шарманки, дырявыми тучами.

Ты не знаешь, зачем он всё это сотворил? Какое значение имеет луна? И озеро, и туча, и звёзды? Чтобы здесь мучить нас, накрыв музыкальной крышкой?

Маньяк повесился в камере на следующий день после приговора. Получил 22 года за изнасилование трёхлетней девочки. Уехал с мамашей на пикник, отвёз коляску в кусты. Девочка скончалась от разрывов внутренних органов. Повесился на разорванных простынях.

На мостках. Ждал – не ждал. Небо светлое, со звёздами.

Озеро – ни дождинки его не тревожит. Капля упала на правую щёку, скользнула холодом от чистого неба.

«Уменьшение снабжения продовольствием населения».
Радио «Маяк».

По понедельникам ко мне будут приходиться две фройляны – Герда и Елоиза.

В безумии говорю: я больше. 2 Коринф, 11:23 Сашка умер 4 августа в городе Летнереченске. Я не поехал на похороны.

В умывальнике вода не капает, ледяная. Вытереть бока чайника чем чистым, сухим. На тканом половике у двери спит на спине, не наступить, мёртвая муха. И клюква уже под снегом, и лето, как лёт.

Апокриф

Подобием летающей антенны
я сделал стрекозу,
а человека
подобием себя,
а облака
подобием летающих животных.
Когда я был ребёнком...
Не я,
мой сын
слепил из глины птиц,

в ладошки хлопнул –
птички улетели.
Над жёлтой рекой
летали лупоглазые стрекозы,
лазутчицы,
фасеточное зрение Фомы,
двенадцать птиц,
и детский фокус воскресенья.

(Лёгкий, загорелый, жёлтые холмы, человечество, земля
в трещинах, скользкая глина, упал, перепачкался, побежал
домой к маме.)

Чтение в пост

– Зачем ты причащаешься?

– Чтобы не было так одиноко. Чтобы быть готовым, когда
придёт час. Чтобы не было так одиноко, когда придёт час.
В чём смысл жизни? Смысла нет. Есть смерть, есть жизнь.
Жизнь, платье, в котором ты ходишь, диалог с тем, кто от-
вечает за диалоги.

Кипеть и трогать, пока не придёт смерть.

После причастия мир, где всё можно, разделяется на мир,
где можно и нельзя.

Великая суббота, принесла три ветки тёрна и поставила
в банку, чтобы пустили корешки.

Псалом 118. «Буду хранить уставы Твои, не оставляй меня совсем».

Не орать, я пойду в мой монастырь.

Скворечник на тополе над источником, в который сливали солярку.

Чем лошадь на льду отличается от коровы? Лошадь как-то умеет подгибать ноги и держится. А корова нет.

Над ледяными дорожками качается фонарь, монахи скользят, взявшись за руки.

– У человека должно хватить мужества не делать то, что он не хочет. И, по-моему, это очень христианская мысль.

Обед: суп из рыбных консервов, салат с майонезом, селедка с кружками лука, оливки, огромный стакан молока, хлеб, булка, макароны, масло «Рама».

У дверей келий цинковые вёдра со святой водой и наклейками «Святая вода».

Окна келий до половины заклеены бумагой.

Озеро Рождественское, крестообразное. Которое выше – Святое.

Разговоры до обеда. «Из Соловков братия разбежалась.

Два иеромонаха остались». – «Как убежишь? по льду не убежишь. Летом на теплоходе ещё можно». – «Так бежали и по льду. Но утонули».

Вместо восьмитонного колокола – газовые кислородные баллоны с отрезанными доньями. Сейчас там звонница и водонапорная башня, снабжающая деревню.

Рассказывают, кто сбросил колокол – онемел, кто разрубил алтарь в Троицкой части монастыря – ослеп.

Идёт дождь.

После обеда спал, снился кот Патрик-не-Патрик, набрасывался, грыз плечо.

Снился продовольственный магазин.

– А почему вы без шапки ходите?

Лествица, степень 26, гл. 120, примечания на Лествицу, степень 3 «О странничестве», гл. 11. «Ибо то и намерение у сих татей, чтобы одним временем похищать у нас другое».

Леств., 26:36.

Закончилось вечернее молитвенное правило. Капли бренчат.

– Дай закурить.

Перед штукатуркой. «Я купольщик сам-то вообще». – «А дом есть?» – «Нет». – «Что, развёлся?» – «Нет, лагеря».

«Имел дерзновение приложиться к стопе и руке преподобного грешными и скверными устами своими».

Стилистика достойна Смердякова. – Трудник.

Едят молча и быстро.

Печка хорошо устроена, протопленная с вечера, жара хватает до утра. Тепла до обеда. Топки с коридора в каждую келью.

– Кажется, это в книге Иова про то, как они живут тихой, правильной и праведной жизнью и тихо нисходят во ад.

Сны как продолжения дня – о том, что я и кто.

Вверху выламывают дубовые косяки. Пришёл к ним, в пыль. Лагерник носит носилки.

«Вот так и работаем».

Отелилась овца, оягнилась. Два ягнёнка, одного затоптала: «Ходила по нему, как по асфальту».

На Пасху – псалмы в исп. Бичевской. На колокольню за-
таскивали магнитофон. «Далеко слышно, от озера же отра-
жается». Первый раз, когда зазвенели баллоны, местные сбе-
жались, думали – пожар. У них там рельса висит на случай
пожара.

За ужином. Братия обсуждает: подарили два мешка сала,
куда девать?

– Ты солью покрупней пересыпь, в железном ведре. Ни-
чего с ним не сделается.

– Или в канистре.

– А той соли – ведро, наверное, надо.

– Ну, зачем ведро...

Сижу спиной к печке, жду завтрака.

Зеркал и радио нет.

За обедом поставил на стол банку маминой сгущёнки.

– Что ж ты молчал, что день рожденья, скромный какой.

– В день рожденья, да ещё причастился, да ещё в мона-
стыре, да ещё после бани!

Многая лета спели.

Трещат от мороза деревья, подвывают поселковые соба-

ки. Горят звёзды, и небо трещит, как лёд на Рождественском озере.

Психбольница, от монастыря – в полёте стрелы.

Главврач Г. А., хозяин посёлка. Жидкий кофе. Провожатый – Геннадий Ефремович.

329 чел., 370 коек. Основана в 53-м году, некоторые больные так и живут здесь с тех пор. С 46-го по 53-й советский концлагерь.

300 чел. персонала, половина из них – жители посёлка.

И 300 ещё в посёлке – пенсионеры.

Главврач как гражданин выразил удовлетворение восстановлением монастыря и как должностное лицо – беспокойство скорым ремонтом церквей и келейных корпусов.

Потому что психов монахи могут выселить.

– Лет за пять закончат?

Наверное, закончат.

– Тогда будем поднимать вопрос на высшем уровне.

Мих. Мих. Мужское отделение.

– Что привело?

Монастырь. Узнать, отчего люди идут в монастырь.

– И отчего же?

Спасаются.

– От кого?

Не от кого, а кого. Душу. Бессмертную душу свою.

– Вы верующий?

Да.

– Во что веруете? В непорочное зачатие? В Святую Троицу? Я предпочёл бы не обсуждать эти вопросы в психбольнице.

– Что такое добро и зло? Не знаете? А в библии есть ответы на этот вопрос. Так какой же вы верующий, а говорите, что верующий.

– Может ли бог существовать без дьявола? Может! Дочитайте библию до апокалипсиса.

Ген. Ефр., бывший нарколог, старейший психиатр клиники.

– Попал в вытрезвитель – значит ненормален. Если дважды, ставим на учёт. Это патология. Нормальный человек не выйдет пьяным на улицу. Алкоголь не расщепляется в крови. В организме нет этого вещества, расщепляющего алкоголь, болен. Вещества может не быть, и ты можешь не пить. Но если пьёшь – это патология.

– Кто критерий? Милиционер, которому ты не понравился? Милиционер как главный психиатр.

– Психологии как науки нет. Есть симбиоз наук, и социальный взгляд в том числе. Добра и зла нет, всё перемешано. Что такое война? И попы на войне? Как их называют? Конфедераты? Фельдкураты? Нет, не конфедераты. Батюшка с той и с другой стороны. Это же маразм. А войны почему возникают? Из-за влияния каких-то космических сил... (Его теорию мироздания опускаю.) Отвечаю:

– Если бы вы лет 15 назад рассказали Мих. Мих. о косми-

ческих силах, вы бы лежали в этих казематах.

– Ну почему, мы с ним на эти темы говорим, и очень часто. Полёт стрелы – это около 500 шагов.

«Надо испить свой крест до дна...»

Слово: счастье. Модуль: русский синодальный текст. Диапазон поиска: вся библия.

Опции: искомое содержит все введённые слова; слова могут следовать в любом порядке; выражения могут быть частями слов; не различать прописные и заглавные буквы.

Найдено: 13.

Псал. 48. Начальнику хора. «Хотя при жизни он ублажает душу свою, и прославляют тебя, что ты удовлетворяешь себе. Но он пойдёт к роду отцов своих, которые никогда не увидят света. Человек, который в чести и неразумен, подобен животным, которые погибают».

Быт. 42:38. Он сказал: не пойдёт сын мой с вами; потому что брат его умер, и он один остался; если случится с ним несчастье на пути, в который вы пойдёте, то сведёте вы седину мою с печалью во гроб.

Быт. 44:29. Если и сего возьмёте от глаз моих, и случится с ним несчастье, то сведёте вы седину мою с горестью во гроб.

Втор. 28:20. Пошлёт Господь на тебя проклятие, смятение и несчастье во всяком деле рук твоих, какое ни станешь ты делать, доколе не будешь истреблён, – и ты скоро погибнешь за злые дела твои, за то, что ты оставил Меня.

Руф. 1:21. Я вышла отсюда с достатком, а возвратил меня Господь с пустыми руками; зачем называть меня Ноеминою, когда Господь заставил меня страдать, и Вседержитель послал мне несчастье?

1 Пар. 7:23. Потом он вошёл к жене своей, и она зачала и родила сына, и он нарёк ему имя: Берия, потому что несчастье постигло дом его.

Иов. 3:26. Нет мне мира, нет покоя, нет отрады: постигло несчастье.

Иов. 20:21. Ничего не спаслось от обжорства его, зато не устоит счастье его.

Иов. 21:16. Видишь, счастье их не от их рук. – Совет нечестивых будь далёк от меня!

Иов. 21:19. Скажешь: Бог бережёт для детей его несчастье его. – Пусть воздаст Он ему самому, чтобы он это знал.

Иов. 21:20. Пусть его глаза увидят несчастье его, и пусть он сам пьёт от гнева Вседержителя.

Иов. 30:15. Ужасы устремились на меня; как ветер, развеялось величие моё, и счастье моё унеслось, как облако.

Иов. 31:29. Радовался ли я погибели врага моего и торжествовал ли, когда несчастье постигало его?

Притч. 18:23. Кто нашёл [добрую] жену, тот нашёл благо и получил благодать от Господа. [Кто изгоняет добрую жену, тот изгоняет счастье, а содержащий прелюбодейку – безумен и нечестив.]»

Из 13 найденных в библии счастлих девять с приставкой

«не...». Остальные отрицают его наличие в данное время и в данном месте или же говорят о его эфемерности: не устоит счастье его; счастье их не от их рук; тот изгоняет счастье; и счастье моё унеслось, как облако.

В Новом Завете этого слова нет.

Бежал от всех и, убежав, удивился и побежал к ним, ища их объятий, их, всех, любых, с отвращением.

«Что ж ты перья свои теряешь? – спросил, выползая из нужника, бес Мракадил. Спросил, трясаясь от ненависти.

– Не потерял, а посеял, – ответил кротко ангел Покровского храма...

– Мракадил! Выходи на утренний бой, – провозгласил ангел Покровского храма, обнажая свой огненный меч.

Бес чёрной навозной мухой пролетел через двор.

В воротах показался отец Борис...»

Серое озеро. Луна в перигее – красное яблоко.

Анненский: «Есть реальности, которые, по-видимому, лучше не определять».

Порфирий Иванов: «Зашёл я в церковь, а они там пустили тарелку, чтобы собирать деньги на какого-то бога, а меня и не заметили. На меня нужно было собирать».

Старуха посреди Сенной продаёт пирожки и делает губами трю-трю-трю-трю, озирается, как заводная птица.

Если бог живёт в подробностях, Евангелие – подробность Ветхого Завета. Не подробность! Была такая строчка в школьных тетрадах, где после задачи – исполнение.

«Долго молчал я, терпел, удерживался, теперь буду кричать, как рождающая, буду разрушать и поглощать всё». Ис., 42:14. «Меня выпили». Ев-е Фомы.

Иоанн Златоуст. «О девстве», где «по причине нашей немощи как это, так и всё прочее: города, искусства, одежды и множество других нужд – всё это привлекла и принесла смерть вместе с собой».

Если так, должно ли судить геростратов? Но, сжигая, он сжёг и воспоминание о времени бытия и со-частия.

– Скажите, как долго длился первородный грех?

Единственно естественное христианское отношение к смерти – презрение к ней. Нет, ожидание встречи. Радостное, как с невестой. Останусь холостяком.

– Не получится.

Поприще – 20 вёрст.

«Поприще художеств стало ныне бесхлебным».

«Из новейших, Гумбольдт, на поприще естественных наук первенствует».

Рыба на газете, хлеб, пустырь, жёлтая ёлка топорщится из канализационного люка, художник, тётка без зубов, пьяная жена поэта и К-вьев, сквозь грязный снег проступают следы зимнего ленинградского разгула.

– А чем, интересно, Никон Аввакуму не угодил?

Орали стихи, спорили о счастье, в крик.

Иов, 21:13. «Проводят дни свои в счастии и мгновенно нисходят в преисподнюю».

Клонирование – сфинксы, грифоны, будды – война с ними – памятники им – обожествление – травля последних выродков – Невский и каменные химеры, предупреждение апостола Павла и последняя война, когда ложь будет сидеть в храме с именем Бога, и все будут поклоняться ему, и только потом конец, пришествие и новая жизнь.

История не круг, она заканчивается. «Ибо где завещание, там необходимо, чтобы последовала смерть завещателя». К евреям, гл. 9.

Не соотноси себя с ними. Не думай: что из этого выйдет?

Всё настоящее происходит внутри тебя, а не вне. Извиняйся только для того, чтобы отойти от них. Ты – это ты. Никто не помощник. Господь не посылает сочувствующих.

Говори: хочу так. Тогда услышишь, что хочет Он. Всё только Ему.

Не в нашей власти позволять реальности быть. Марсоход делает шаг и фотографирует. Но и у марсохода есть ритм, следовательно – отбор.

Только человек с его дурацкими мозгами говорит себе: может, не надо жить.

На ощупь голова кошки – лёгкая.

– Коммерсант, пожалуйста, и Известия.

Газетчица подняла глаза небу (помолилась? пробормотала? – посчитала):

– Пятнадцать рублей.

Из Бутырки сбежали Железогло, Куликов и Безотчество.

Дырка в бетоне под парашей. Приговорены к вышке. Ковыряли три метра бетона ложками.

Кладбищенский смотритель пришёл в гости к своему начальнику и не застал его дома.

Изобретение: грабли с лампочкой на конце и надписью: «Gefährlich!» С паперти тётки смотрят на колонны Воронихина.

– Какие махины приволокли! А сейчас современной техникой ничего сделать не могут!

Поверни внутреннюю голову, не поворачивая головы внешней, и посмотри, кто стоит за левым плечом, кто за правым? Расскажи, что увидишь.

– Я увидел головы смутные, лиц не разглядеть, они смотрели на меня. Потом я повернул голову направо и увидел окно, за которым шёл большой дождь.

– Если понедельник – 6-е. $6+6 = 12$. Следующий – 12-го.

– С каких пор неделя у тебя из шести дней? По какому календарю ты живёшь?

Американцы – те, у кого в холодильнике полно льда.

Буква убивает, но дух животворит. Долой смертоносные буквы!

«Я веровал и потому говорил».

Блядословить – лгать. Блядь – ложь, воровство.

Если после молитвы хочется повеситься – что делать?

Два старца и девица в саду. Кн. Даниила, 13.

Итак, если свет, который в тебе тьма, то какова же тьма?

Мф., 6:23.

«Я никогда не знал вас, отойдите» – и эта жестокость, и это тоже Иисус, 7:23.

Отче – авва (арам) – обращение ребёнка к отцу. В ВЗ это обр. к богу не употреблялось.

Если есть у тебя дочери – заботься о теле их и не показывайся им в веселии своём. Ис., сын Сирах, 55.

Не раскрывай свою душу жене – ибо разрушится твоя твёрдость. Сирах, 120.

Не ревнуй славе грешника, не ведаешь, как он погибнет. Сирах, 126.

Начало грехам – от женщины, и от неё же умираем мы. Сирах, 148.

Икона (картонная) св. Николая Угодника стоит у радио.

За ним радио поёт: «Спасибо, сердце...», «трам-па-ра-рам...» Ночь, аптека, старуха с пустой пластиковой бутылкой в дрожащих руках, в платке.

– Доченька, я потерялась, налей водички.

«Милости хочу, а не жертвы» (Осия, 6:6) – слова, всё повторяемые Христом с присказкой «О, если б знали вы!» (Мф., 12:7).

И о себе (Мф., 11): «Вот человек, который любит есть и пить вино...»

От слов своих оправдаешься, от слов своих осудишься (Мф., 12:4).

«О семи духах!» – там же.

– Пост соблюдаешь?

– Нет, батюшка, это трудно в путешествии. У нас общий котёл.

«Ибо век потерял свою юность, и времена приближаются к старости». 3 Езд., 14:10.

«Ты не любопытствуй более, как нечестивые будут мучиться, но исследуй, как спасутся праведные, которым принадлежит век, и ради которых век, и когда». 3 Езд., 9:13.

Не забыть. Узнать про Еноха и Илию: почему бахмортины (нрзб.), а! объяснение есть!

Иосиф – Мария.

Брак: ему – 90, ей – 12.

В три года привели в храм, через девять отдали Иосифу. Рождение Спасителя: Иосифу 93, ей 15.

Иосиф умер в возрасте 111 лет. Спасителю было восемь.

– Сколько лет было Христу, когда умер Иосиф, неизвестно, но точно не восемь. Минимум двенадцать. У Луки читаем: «И когда Он был двенадцати лет, пришли они также по обычаю в Иерусалим на праздник. Когда же, по окончании дней праздника, возвращались, остался Отрок Иисус в Иерусалиме; и не заметили того Иосиф и Матерь Его».

Страшно-подробное описание смерти у Иосифа Плотника. Про зверей, которые также терпят отвращение и ужас при приближении к смерти. Про руку, принявшую душу из убежища её близ горла. Про всех праведных и нечестивых, которые непременно должны будут вкусить смерти.

И предсмертная молитва Иосифа Плотника – исповедь, похожая на исповедь разбойника и убийцы.

Датский дипломат Олеарий путешествовал по Московии в 1633 г. Он наблюдал, как на церковном празднике народ пьянствовал возле церкви. Одна баба заснула и лежала на улице, заголившись. Увидев лежавшую, пьяный мужик полез на неё, а вокруг собрались мужчины, женщины, девушки, дети и смеялись, подбадривая удалыца.

«А ты, когда по прошествии семи дней иных, не постясь однако в них, выйдешь на цветущее поле, где нет построенного дома, и станешь питаться только от полевых цветов и не вкушать мяса, ни пить вина, а только цветы, молись ко Всевышнему непрестанно, и Я приду, и буду говорить с тобою». 3 Езд., 9:23.

Ев., притча о скопцах, до – о жене: «Не все вмещают слово сие, но кому дано».

Значит ли это, что правило распространяется не на всех?
Мф., 19:1.

– Снимай купальник, дура!

Еду пей, воду разжёвывай.

Вопрос кришнаитам: как быть с крещением?

Загорелось четыре костра. Сказал – три погасли.

Ев. от Никодима. Сатана совершил своё самое сильное действие – пригвоздил к кресту Сына Божия – самое страшное, самое ужасное, что он мог совершить, – распял сына Бога – тем обрёл себя и всё своё царство на гибель. Гл. 24.

«Солнце да не зайдёт над трупом казнённого». Ев. от Петра, 2.

Да будет слово ваше приправлено солью. Пустое воскресенье. Кислое солнце.

Когда идёт книжка – она воронка, в которую затягивает весь случайный мир.

Апокриф кн. о Рождестве Блаженнейшей Марии: «Прощаюсь с ним не голосом, но всем существом своим».

«Савл же, ещё дыша угрозами и убийствами на учеников Господа, пришёл...» Деяния, 9:1.

Уж небо осенью... Имя из Деяний – Сосипатр.

Ослепшего Павла ведут в Дамаск.

С духовником.

– Может, я на неправильном пути, – о книгах.

– Господь поправит.

Никак не мог запомнить молитву и каждый раз, повторяя первое предложение, дальше забывал. Так дитё на табуретке забывает стихотворение: слово комом стоит в горле, и память цепенеет.

Старец Силуан:

– Томится душа моя так, что жалею даже бесов.

«Плачь о себе, а других Господь помилует».

«Странствие ему небесное...» Вместо: царствие.

Моё имя e2hyza25.

Посмотри в свой позвоночник, что ты с ним сделала.

Расслабься и стань к стенке.

«Соединение с удалённым компьютером установлено. Проверка имени пользователя и пароля. Не удаётся установить соединение».

Машина врёт: или первое, или третье.

«Служба поддержки работает двадцать четыре часа в сутки. Мы постараемся вам помочь, – говорит механическая женщина. – Приготовьте номер договора или имя пользователя».

Договора у меня нет. Моё имя e2hyza25. Оно написано на зелёной карточке в графе «user name». Я – пользователь. Компьютер включил лютневую музыку XXVII века.

«Вам ответит первый освободившийся оператор. Не вешайте трубку».

Я не вешаю. На обороте именной карточки с моим именем нарисована алая божья коровка (Coccinellidae).

Коккинеллида сидит на зелёном листе. Карточка продаётся в конверте с железной заклёпкой.

На конверте нарисованы шесть маленьких цветных карточек, похожих на мою, но моей нет.

Конверт трёхчасового доступа: три красные букашки сидят на зелёном поле листа с белыми водянистыми прожилками. Лист, очевидно, принадлежит какому-нибудь рыхлому растению, растущему в сырости.

Карточка 20-часового доступа: по зелёному полю на фоне голубого неба едет божья коровка на колёсиках. Вместо хвоста (есть ли у настоящих божьих коровок хвост, я не знаю)

крючок, к которому прицеплена маленькая машинка, корпус которой составляют изогнутые дугой буквы maximum. Машина везёт жёлтую молнию, бьющую в траву с чистого неба.

Осталось описать ещё три карточки, но мне уже лень. Хотя они ещё интереснее предыдущих.

Впрочем, шестая исключается: это только обратная служебная сторона с именем пользователя и без картинки.

Имя того, рекламного, пользователя aOOOOa. Password: aBcdeFO.

Я сравниваю с моим и нахожу, что человек по имени aOOOOa счастливее меня, которого зовут e2huza25 – Едвах-узадвадцатьпять. Его имя можно кричать с того берега Африки: aOOOOa! – услышат через океаны. Я же пешка по имени Хуза, которой сделали первый ход.

Что означают цифры 25, я не знаю. Быть может, я молод. Пароли не сравниваю, они чем более абракадабрны, тем более надёжны.

Но сравню в свою пользу строку S/N. После этих букв и следующего за ними двоеточия мой африканский брат имеет восемнадцать нулей, вот так: S/N: 000000000000000000. А я – красивое и загадочное: S/N: 036с3с0а96503885а57f38у. Я хочу, чтобы это было моим отчеством.

Аплодирую себе, ставлю восемнадцать восклицательных знаков: как я богат юностью эры, кончиной эпох, криками младенцев и петухов. В следующем году, значит, мне испол-

нится двадцать шесть; девяносто шесть – неплохой возраст для смерти; последний вздох Эф; крымская песнь мухи цеце и напряжённое Е, начало жизни.

Скажу хотя бы два слова, чтобы две остальные карточки не обиделись.

Божья коровка сидит на клавиатуре на кнопке HOME – это домашний интернет, срок действия – прописью – НЕДЕЛЯ – 170 часов – в скобках – с момента первого входа.

Конверт ночного интернета представляет собой изображение коккинеллиды, смотрящей с зелёного листа в ночной космос: в космосе девять жёлтых пятиконечных звёзд, из них три крупных, месяц с закрытыми глазами, счастливо улыбающийся во сне, и имя провайдера (будь он проклят) по-английски, вместо буквы э – знак @.

После нового сеанса кибернетической лютни чёртова кукула пролепетала сахарным голосом: «Отдел продаж компании «Сто чертей в глаз» работает – по слогам! – с девяти до девятнадцати часов. Звоните! и мы поможем вам выбрать верное решение!» Я положил трубку.

Я положил трубку, но было поздно.

Панцирь божьей коровки, раздираемый изнутри, треснул. – А! О-О-О-О-а! – сказал гомункул, выпрастываясь из небытия, поднимаясь на тонких, сочащихся рыжей слизью лапках.

Хочешь, я дам тебе почитать Достоевского?

Вечером зарядил дождь. Ночью в просвете штор показа-

лись звёзды. Я читал:

«Дед просил крова и воды, читаю митрополита (сейчас только ударило уже о сегодняшнем). Христос: я был голоден, вы меня не накормили. Я жаждал – вы меня не напоили. Я был без крова – вы меня не ввели к себе. Я был..... (пропуск, открыть Евангелие)..... Я был в тюрьме – вы постыдились меня. Я отказал в крове («Неудобно», – он: «Почему неудобно, я не буду тебе мешать»).

Я взломал ему замок и принёс воды. Только-то. Ведро воды и хоть кипяток додумался заварить и принести ему...» Шлёпнул по клавишам вслепую, появилось (ась) – ляс – лось слово liughoiuh.

Здравствуй, лингвоух!

Фондаричный – гостинник.

Христианство. Если не спасению, но для приходящих к нему – к вере – утишению нравов способствует. Нет – так разгул зла и не самоотчёт.

«Один раз без нужды я убил муху, и она, бедная, ползала по земле большая, с выпавшими внутренностями, и трое суток я плакал за свою жестокость к твари, до сих пор помню этот случай».

О фарисеях. «Они подобны детям, которые сидят на улице, кличут друг друга и говорят: мы играли вам на свирели, а вы не плясали, мы пели вам плачевные песни, а вы не плакали». От Луки, 4:32.

Дождь будет, зной будет. «Зачем же вы и по самим себе

не судите, чему быть должно?..» Лука, 12:57. То, что пытались всегда угадать – стрелу времени по сегодняшним своим поступкам. Он говорит: узнайте.

От Иоанна. Иисус в храме, пищущий пальцем на песке, и женщина перед ним, «посреди», взятая в прелюбодеянии. И пятна солнца, плавающие в воздухе, и пыль, и покой.

«Иди и впредь не греши», – сказал Иисус, снова наклонившись к земле.

Тайное стало явным.

Тело первого Адама было телом душевным. Второе тело будет неподверженным страданию и смерти, светоносным, скороподвижным, совершенным и прославленным.

Последний же враг истребится – смерть.

Ап. Павел: «Я каждый день умираю».

Морские птицы превращаются в крыс.

И бесы веруют, и трепещут. Посл. от Иоанна, 2:19.

О языке – Иакова, 3.

Как обращаться с жёнами? Как с немощнейшим сосудом – 1 посл. ап. Петра, 3:7.

О втором пришествии – во 2 посл. ап. Петра, – «сберегаются огню».

Ев. от Филиппа. «Те, кого породила женщина, подобны тому, кого она любит. Если это муж, они подобны мужу. Если это любовник, они подобны любовнику. Часто, если женщина спит со своим мужем по необходимости, и сердце её с любовником, с которым она соединяется, тех, кого она по-

родила, она порождает подобными любовнику».

Женщина несёт сосуд с мукой по удаляющейся дороге. Ручка отбилась, мука рассыпалась, она пришла и нашла сосуд пустым. Ей подобно царство Отца. От Фомы, 101.

Годовщина бабушки. Прочитал молитву об умерших, спотыкаясь о свои грехи.

Тяжёлые слёзы отёр он с себя, апокриф Иоанна, слова рушатся и проседают под тяжестью невозможного сказать, эон, Барбело, Метрокатор, Андрогин, Пронойа, пятирица, Аутоген.

Трудно тебе идти против рожна. Иисус – Савлу.

Поступайте осторожно... Дорожа временем, ибо дни лукавы. Евсеянам, 5:16.

Хлеб твой ешь с трепетом и воду твою пей с дрожанием и печалью.

Так должны мужья любить своих жён, как свои тела; любящий свою жену, любит самого себя. Евс., 5:28.

Дети! Последнее время (вся фраза. 1 посл. ап. Иоанна, 2:18). О чём арх. Михаил говорил с дьяволом – посмотри согласование. – Посл. Иуды.

И служили твари вместо творца. Рим., 1:25.

Время есть движущийся образ вечности. Платон.

Движитель писателя: «Я должен и еллинам, и варварам, мудрецам и невеждам». Рим., 1:14.

«Потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю». Римлянам, 7:15.

О бездарных и талантливых, о буддистах и православных, о глупых и умных. Почему нас сделал он разными. Изделие ли скажет сделавшему: «Зачем ты меня так сделал? Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать сосуд для почётного употребления, а другой для низкого». Рим., 9:20.

Читай: равенства нет и не может быть.

И дальше – больше: 9, 30:32.

«Вы хотите оставить после себя развалины – увы! – вы при жизни развалины, пепел, которому хочется, чтобы ничего не было живо – изворачиваться серной, бежать от мёртвых!» Стук в окно. Старуха с лицом, по морщинам течёт пот:

– А я за вам. Завтра тракторист приедет, а я не успела... Я б накладывала землю, а вы б перевозили.

– Нет, я работаю, я пишу, – сложил пальцы и расписался в воздухе.

– Тогда извините. У каждого своя работа.

Об иудеях, они отпали, «преткнулись о закон».

И здесь же: пусть вас будет даже так много, как песка морского, но спасётся лишь остаток.

Не мсти врагу – тогда ты оставишь место для мести Божьей. Если же будешь мстить – места этого не оставишь. Накорми и напои врага своего – и тогда ты соберёшь на его голову горящие угли. Точная цитата: Рим., 12, 14:21.

Там же – правила христианской жизни.

«Мне отмщение и аз воздам» читай: я буду мстить, а не ты. Далее: «...подобно мужчины, оставив естественное употребление женского пола...»

О плоти. О пришествии: как закон, ослабленный плотью, был бессилён, то Бог послал Сына. Рим., 8, 1:2. (?) Бах, страсти по Матфею, 26.

Рождение, смерть, творчество, сеяние, делание вина, ягоды на дереве, отрясение пыли с ног. У дзен: свист белки-летяги, и – последнее перед смертью: больше этого ничего нет. Радуйтесь с радующимися, плачьте с плачущими.

Рим., 12: 15.

Это как добавить воды в воду.

Позвонил Филу, тот в запое, слабенький, сказал, что до Пасхи ещё будет пить и очень хочет энтерифарацца. Приходила Машка, наркоманка, помыла его.

Часы у Чёрной речки идут рывками, вне логики. Стояли бы, отставали на час, на сутки, а так на следующий день в три на них будет пять, в час дня – 11 утра.

– В полдень – полночь.

Её фантазии, от надписей на заборах, чужих фотографий, лиц, убитых собак. Виртуальный роман, их фантастические диалоги, а-ля индийские фильмы, уходящие в туман, оба выдают себя за разных людей, улетают в чужие образы. Сюжет из случайностей, каждая случайность становится историей, оканчивается, перетекает в другую... Смоленка, шариковыми ручками надписи на коряге.

«Красные глики ползают по стенам медленно-медленно плавно-плавно мне не дала девочка Даша но это не главное!» «Где вы были, когда мы были девочками?» «Оля, Маша, Марина, Оля тут были».

Свастика.

«А вас не отымели за это?»

«Общегалактическая партия всемирная ядерная война объявляет набор юных параноиков и остальных инакомыслящих в ряды армии смертников».

«Какая девочка хочет потрахаться, пусть оставит телефончик».

Весной корягу сожгли.

«Блажен, кто не осуждает себя в том, что избирает!» Рим., 14:23. Вся глава 14 – о гибкости закона и гибкости веры. «Всё мне позволительно, но не всё полезно, и ничто не должно обладать мною». 1 Коринф, 6:12.

Ещё раз: «Всё мне позволительно, но не всё полезно, и ничто не должно обладать мною». 1 Коринф, 6:12.

«У детей, уже глубоко погрязших в порочных привычках, они отражаются на лицах: глаза их бывают мутные, щёки как бы мокрые (также руки), а центр лица, то есть низшая часть лба и верхняя часть щёк вместе с глазами представляются как бы мертвенными, вроде маски серого цвета, прикрывшей лицо ребёнка или подростка». Митрополит Антоний, исповедь.

Описание бегемота у Иова. Метаморфозы бегемота

во фрак, в цифру, в XX век, в кали-югу.

Начальнику хора. Услыши голос мой.

Мы о нём веселились. На струнных орудиях.

Вы стали как голубица, крылья которой покрыты серебром, а перья чистым золотом.

Чтоб ты погрузил ногу твою, как псы твои язык свой в крови врагов. Псалом 67.

Скажите, за что вы меня травите?

Молился грозovým, нет, снеговым уже тучам, потом варил картошку. Утром пришла мама, принесла вербочки и вареники. Вербное? Значит, через неделю Пасха?

Поехать, через метель.

Псалмы.

И дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом. 71.

Поднимают к небесам уста свои, и язык их расхаживает по земле. 72.

Твой день и твоя ночь. 73.

Он сотворил луну для указания времён. 103.

Солнце знает свой запад. 103.

Господь хранит пришельцев. 145.

Человек подобен дуновению, дни его – как уклоняющаяся тень. 143.

Великая суббота.

– Христос воскрес! Или ещё рано?

– Завтра поговорим на эту тему.

Кандидатская: «Ангел-хранитель как личность и проблема его изобразимости».

«Иисус пришёл, распяв на кресте мир». Ев. от Филиппа, 53. Твоею ли мудростью летит ястреб и наполняет крылья свои на полдень. Иов, 39:26.

Взгляни на всех высокомерных и унизь их. Иов, 40:7.

Станешь ли забавляться им как птичкою, и свяжешь ли его для девочек твоих? Иов, 40.

Кто может открыть верх одежды его, кто подойдёт к двойным челюстям его? Кто может отворить двери лица его?

Круг зубов его – ужас. Гл. 41. «Глаза его как ресницы зари». Ночь на субботу, на 10-е, 11-го Пасха. Посл. к Коринф. О многобожии. «Есть много богов, и господ много...» 1 Коринф, 8:5. Пища не приближает нас к Богу, ибо едим ли мы – ничего не приобретаем; не едим ли – ничего не теряем. 1 Коринф, 8:8. Итак, муж не должен покрывать свою голову, потому что он есть образ и слава Божия, а жена есть слава мужа. 1 Коринф, 11:7.

А теперь пребывают они три: вера, надежда, любовь. Но любовь из них больше. 1 Коринф, 13:13.

– А в течение дня какие молитвы?

– Только Господи, помилуй, Господи, помози. – Не надо употреблять имя Божие всуе. Только когда речь идёт о жизни и смерти. – Каждую секунду, батюшка, речь идёт о жизни и смерти. – Как насчёт секса? – Заходят иногда добрые самаритянки...

Всё уничтожается перед ней, и всякий дар без неё – ничто.
1 Коринф, 13.

Ещё, может быть, об искусстве: «Кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу; потому что никто не понимает его, он тайны говорит духом. Желая, чтобы вы говорили незнакомыми языками, но лучше, чтобы вы пророчествовали... Кто говорит незнакомыми языками, тот назидает себя, кто пророчествует, тот назидает церковь» – точнее – 1 Коринф, 14 – «Если труба будет произносить неопределённый звук, кто станет готовиться к сражению?» – о свирелях, о тонах.

Но: «Языки умолкнут, и знание упразднится». 1 Кор., 13:8. Вербное воскр. Всё идёт колесом.

– Вербочка! у неё такие мхи, а на нём такие желтяшки. Вот это она так цветёт!

На лестничной площадке вспугнул етрущихся детей. Иканья и смешки убежали вверх.

Ещё раз: «Мы вам играли на свирели, а вы не пели. Мы плакали – вы не плясали».

«На злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни... Потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира. А кто не разумеет, пусть не разумеет. 1 Коринф, 14:38.

Ничто не оставлено за скобками, всё, что сказано – здесь, – сказано.

Почему ап. Павел говорит о воскресении Христа как первенца из умерших? а Лазарь? а девушка?

3 февр. «И я говорю вам, что все святые и все люди, какие рождаются на этом свете, будь они праведны или нечестивы, должны непременно вкушать смерти». Иосиф Плотник, гл. XXII.

«Я закрыл его уста и Я сказал Деве Марии: „О Мать моя дорогая, где же искусство, которому он посвящал себя всё время, пока жил на этом свете?“». Иосиф Пл., гл. XXIV.

Иов. 30:15. Ужасы устремились на меня; как ветер, развеялось величие моё, и счастье моё унеслось, как облако.

Пробудитесь, пьяницы, и плачьте. Кн. Иоиля, 1:5.

– А что говорят отцы церкви? – А что скажете вы, батюшка, а не отцы церкви?

И отдавали отрока за блудницу, и продавали отроковицу за вино, и пили. Кн. Иоиля, 3:3.

Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою. Откр., 2:4.

Ибо крепка, как смерть, любовь. Люта, как преисподняя, ревность. Песн. 8:6. (Посмотри точность цитаты.) Утро, кошка играет с осой.

В аптеке. «Тебе уже можно смеяться». – «Да, пупок уже заживает».

Мы, знавшие и отвернувшиеся?

«Зачем нам вера, зачем знать, зачем идти к причастию таинств? Не ради рая. Ради полноты жизни в эти наши земные дни уже с тем высоким и страшным знанием, от света которого – уже здесь – мы различаем зло и добро в себе и вокруг,

и ответ той гармонии мы видим уже здесь. Вот зачем».

Ап. Павел: – Я каждый день умираю. 1 Коринф, 15:31.

Последний же враг истребится – смерть.

«Говорю вам тайну: не все мы умрём, но все изменимся.

1 Коринф, 16:51.

Смерть, где твоё жало?

Почему слово сияет? Потому что оно сияет у Господа.

Смотри страницу Ю.

Письмо: LA VITA A BELLA – и вирус сожрал всё.

«Пост, молитва, – примиряют «с миром» – грех (делает) (болезненным) внимание к нему, к его (подробностям) и делает (литературу) – самую (высокую) и (чистую) = «п.ч.» – показывает разрыв меж обрётённым когда-то после причастия примирением и болью, болезненным ужасом «мира», – литература производное «греха» человечности, etc.

После Светлой седмицы – тащить себя из чистого облака, из чистой радости, в чистый ужас и новый круг.

Ещё раз: «И я говорю вам, что все святые и все люди, какие родятся на этом свете, будь они праведны или несчастны, должны непременно вкусить смерти». Кн. Иосифа Плотника, гл. XXII.

Дни, когда скрежещут соловьи, – это ночи, май, каждый.

До ночи май жадный.

Торговка яблоками: «А кого воскресили – больше никого воскрешать не будут. Вот женщина сейчас пропадает на базе. Женщина такая хорошая. И я с удовольствием бы её взяла

к себе. Но я больше никого воскрешать не буду».

Накануне Пасхи, в Страстную пятницу.

Смотрю, как уходит день.

Разноцветные камни, оранжевый и синий мох.

Лицо горит от солнца.

За огнём сигареты по воздуху бегают зелёный огонёк.

908 тыс. кв. куб. воды.

Нева прорвалась из Ладоги, незадолго до рождения Христа.

Проспиртованные остатки ягод съедаем, как тюрю.

Дни, как порох: чиркнул спичкой, и – нет.

Камни серебряные, сухие берёзы – горят.

Волна за моторкой в трёх цветах солнца.

– Надо будет потом посмотреть муравьиного льва. Он сделал в песке кратер и выстреливает песчинками, сбивает муравьёв и потом ест. Но они не доставляют неудобств, не назойливы.

На Игуменском кладбище, ОМОН, милиция. Везут накрытого простынёй, вперёд ногами.

– Плыли три девицы, – рассказывает гробокопатель, – одна побледнела и пошла ко дну. Утонула. А потом парень, влюблённый был, повесился над её могилой. Его и хороним.

Учусь летать, от сосны к сосне.

– Кто это идёт?

– Страшные люди.

Вот – солнце за облака, и холодно, тучка ползёт с дождём.

Остров – кладбище божьих коровок. Их много вылупилось, и упали в море. Прибой прибил к берегу. Собрал 4757 штук. Наяда, по пояс в воде (14) расчёсывает волосы.

2 Коринф, 4:7. «Но сокровище же мы носим в глиняных сосудах», и далее.

Финка. Были миражи, два объекта, летающие над водой прямо по курсу. Прозрачные дирижабли с тёмными полосами, теперь три. Сжечь Валаам.

Зелёная звезда. Колышется, наклоняясь к воде, серый парус среди звёзд, катамаран летит в бездну.

– Здравствуйте. Часовня открыта?

– Спаси Господи, это храм.

Женщины, трое, сидят кружком, чистят яблоки от червей. Ах, как хочется яблок! И вдруг по запруде плывут яблоки. Задрав штаны, собрали с Иваном полмешка.

Вышли на о. Святой. С собой печенье и монастырские яблочки, уловленные, мелкие, червивые, сладкие.

Валаамские скалы волчьего цвета.

Тень ветра.

«В ветровую тень попали острова».

Муху зовут Рахмансари – красивое имя для мухи.

Ах, какой свет на Валааме! – пятнами, весь его свет, как свет воспоминаний, и тихая лошадь, и тихий свет, и жёлтые листья у красной стены часовни.

Сижу на финской вышке для управления артстрельбой. О. Святой, поп водит экскурсию пьяных русских тёток, они да-

ли ему руб.

Воздух елейный. Ел малину. С порога тропинка вверх. Рядом могила, которую вырыл себе св. Александр Свирский.

– Где вы родились? – Далеко, отсюда не видать. Уж извините, но на анкетные вопросы не отвечаю, – это он тёткам.

В камнях послушники устроили прачечную.

Нашёл в расщелине в воде разорванные чётки о 24 пластмассовых камнях, обрывок.

– Как ты думаешь, жизнь – она идёт или она проходит? На крыльце почтового отделения: «Миша и Костя любят целоваться у Нади в щёчку».

Погладился щекой о язык колокола, щёку щиплет, фосфорная кислота, от ржавчины.

Будущие бабочки живут под камнями в каменных коконах. Лепят их языком из песчинок.

Трудник Толик за свою жизнь – 39 лет – прочитал, говорит, книг пять. Но помнит только одну – Капитан Сорви-Голова, которую прочитал в больнице.

Ветер мордотык.

– Где ты был раньше?

– Я готов к развёрнутому ответу.

Тихо, без дождя. Обьелся брусникой. Вот и весь день. Сейчас девять. Рыб нет. Фотографировал грибы. Они, лодка, точка. Комары облепили всё колено, безветрие.

Сны каждый день – мрак. Одна сказала, что она дочь моего отца, молода. Другая что-то про публичный дом. Убегал.

Сфотографировать тишь?

Что за жизнь! Что за любовница!

Пламя горит, как крест. Дождь вчера, как внутри костра.

Как трещат поленья, ночной.

– Скажи мне что-нибудь хорошее.

– Как дела?

Сушу палатку свечкой. Ни мысли, ни движения души.

Наколоть дров, высушить носки, поймать рыбу – выжить.

Россия, деревня, все века – эта жизнь, это её жизнь, Родины.

Поэтому и побеждала врагов – выжить – с той же ненавистью,

что рубила соседа за клочок земли, за тень от плетня –

страшно, жаростно и пьяно. Моя земля! За Родину!

Первое время. Среда, ночь, свеча, часы.

Знаки: вспых синей звезды, пламенный крест, дрожащий

в палатке: свеча и фонарь.

Да не мучь ты себя книгой: пиши, что получится.

Знаки: ну знаки. Ну, между двух слов. Весь в порезах.

Завтра, может быть, уезжаем.

Выжить и идти.

Дня через три пойму, что это было.

Ноги, выпить ночь.

Жизнь животных: все эти походы за сохой, косой, росой.

Храм и книги – моя единственная настоящая жизнь, един-

ственная. Не дети и женщины, Господи! (точка).

И дети, и женщины, и книги, и соха!

Красная дорожка Марса на воде (не видел). Марс впервые

за 60 тысяч лет так близко. Россия – Гугландия, пока. Нашёл шкуру змеи с пустыми оболочками глаз. Завтра, если погоды, идём на Рахмансари.

Сегодня воскресенье.

– Тонкое наблюдение!

Скрылось солнце, пошла рябь справа и слева, ждёшь мордотыка, надеясь, что успеет добежать катамаран под сень, по ветровую тень острова.

Слева, где закат за облаками, Ладога – ртуть. Справа, где север, – кипящий свинец.

Остров круглых катающихся камней, каждый камень со страусиное яйцо. Проблесковый маяк.

Они вспомнили Иных. А я: её молодость и некоего тренера (первого), второго её мужчину. И палатку их, и одиночество, полноту резкости и счастья. Всё утекло.

Чинил кроссовки, schumacher.

Супик: пара подберёзовиков, сыроежки, пакет сухих шампиньонов, чёрный перец (горошек), лавровый лист, капля вьетнамского кетчупа, две картошины, кубик грибной и капля раст. масла.

Необходимость быть.

«Так он же евромонах», – (спутал – иеромонах). – «А мне всё равно, кто в рясе, тот и поп».

Остров состоит из шаров размерами от куриного яйца до пушкинской дующей головы богатыря. Один мыс – камни – горох, другой – головы богатырей. Посреди черничные

поляны.

Подозрительно красиво. Сидя под елью, представить себя грибом, стоя на уступе – скульптурой в нише Зимнего дворца, лёжа на плоском камне – ящерицей, божком, петроглифом.

Уже пар изо рта и скоро зима.

Нет в природе ни загадки, ни смысла, ни тайны. Тупая стихия, совершенно чуждая тебе. Зимой здесь гуляет зима: без людей по этим островам и по этому озеру, по зиме, по снегу. И по новым его слоям, равнодушная к тебе, никак к тебе не относящаяся.

Некто проплыл по озеру – с длинной дорожкой, с длинным телом.

Кто была та птица с оранжевым фартуком, что вчера сидела в кустах, косилась на меня и говорила: ток-ток-тик, тик-ток-ток?

На камне над бухтой, подставив лоб солнцу. Стрекозы подлетают, фырчат. останавливаются в воздухе, смотрят в лицо и, не заметив ничего удивительного, я их ничем не поразил, садятся на скалу и тоже смотрят на бухту глазами, как витражи костёла св. Франциска Ассизского.

Мимо пробежала муха. Стрекоза отогнала её лапой, брезгливо, отойди, тебя не хватало, фыркнула.

Рассказ Ивана про серебряную скалу: «Подходим к Кухке – что такое? скала серебряная. Руда вышла на поверхность? как литая. Оказалось, прошёл дождь и медленно сте-

кал по мху с вершины, покрывая её всю тонкой плёнкой воды.

Угол солнца».

– Идиллия, – сказал Иван. – Смотри, рыбки плавают с ладошку. Вот таких чайники и ловят.

Иван: – Все суки. Я ещё не так стар, как мои дети.

Часа полтора фотографировал взлетающую с ладони бо-
жью коровку: оттопырив попу, подняв надкрылья, вытара-
щив подкрылья, застрекотав, как велосипед, как гелико-
птер – в небо.

Другая не летит, а переползает с одной стороны ладони
на другую и намеревается забраться в рукав. 8 диафрагма,
0,8 м расстояние.

Долго я переворачивал свою ладонь на фоне неба, надое-
ло, отпустил её.

Манежную площадь взорвали, дети погибли.

Штурмовая авиация, бои в сёлах Дагестана.

Остатки финских хуторов, малина выродилась или сгоре-
ла за лето. Шиповник величиной с яблоко, с колючими се-
мечками на губах.

Рисунок пингвина на скале.

Смотри, как темнеют скалы.

Островок с финским именем из 19 букв. Иван обещает
дождь.

На месте свёрнутой оранжевой палатки ползёт оранжевая
гусеница. Ткнул травинкой – замерла на минуту и подня-

ла свою твёрдую оранжевую голову с пигментными пятнами вместо глаз и поползла к своей неизвестной цели.

Обсудили достоинства разных клеев обуви.

Морской пёс.

Шли, как на нерест, вверх по Тихой километра три.

Дно – ворочающиеся камни, камешки, валуны, щели между ними.

Встречи – дурень, указывающий «среднее русло», которое ведёт никуда.

Две шмары: одна хна, другая перекись, с жопами, курящие на мостках.

Старуха в очках, ловящая рыбу, Астрид Линдгрэн, мисс Марпл.

Тётка в брюках с удочкой. Косилась на крючок в пальцах и червяка нанизываемого – так? Недозревшие девочки на деревьях.

Поёт, подняв взор на 45 град. от горизонта.

К. о белых сестрицах: «Я не видел». – «Увидишь».

На берегу утёса зыбкого Качалась рыбка.

Это о 2000 и христианстве?

Ночью был дождь. Утки ныряют. Керзум стреляет болтами в озеро. Какое-то насекомое чертит иероглифы на песке и делает воронки. Его путь по песку целесообразен, и иероглифы гармоничны. Спасают «Курск».

Утром был дождь. В честь По выпил кружку водки с шестью муравьями.

Пожалуйста, верните мне радость.

Прошёл старик, тихо, в чёрной накидке на голове. Прошёл старик тихо, присел.

Бесы в виде ворон, вылетающие из Конь-камня. Легенда о св. Арсении.

Искусство есть отбор. «Ещё я сотворил левиафана».

«Будь умницей». – «Что это значит?» – «Делай, что хочешь, и не позволяй другим делать с тобой, что хотят они». – «Это выполнимо. Я с удовольствием буду умницей».

Пить цветы.

Как широк слог: не дом, а построенный дом.

19 авг. Преображение, о. Арсений. Вчера исповедь.

– Как исключение. Ходите к своему духовнику.

До храма 3 км от нашего берега, летней дорогой. Трясло от страха и радости. Керзум сидел на дереве, настраивал телевизор, не настроилось.

День.

Людей не спасли из лодки. Если они живы.

29, воскр., вечер. Щука с топором.

Ночь – Исайя, «Подбери подол, открой голени, переходя через реки».

Ис., 47, 1:9 – о падении Вавилона, поэтизм, и до – об идолах, и до – 45:9 – о глине, которая говорит горшечнику.

И до 44:9 – кузнец делает из железа топор.

Язык, вскрывающий следующим построением мир, как банку консервный нож.

Мир, как консервную банку. И книга листает книгу.

21 авг. Коневец, поднялся ветер. Ели малину.

3 Ездры. Трепет бездн. Три пути: иди и взвесь тяжесть огня, измерь дуновение ветра и возврати тот день, который прошёл.

«Ты уже и того, что твоё и с тобою от юности, не можешь познать, как же сосуд твой мог бы вместить в себя путь всевышнего, и в этом уже заметно растленном веке понять растение, которое очевидно в глазах моих». 4:10–11.

«Я отправился в полевой лес и застал дерева, держащими совет». 3 Езд., 4:13.

Война деревьев с морем. «Переходим из века сего, как саранча, жизнь наша проходит в страхе и ужасе...» 3 Езд., 4:24.
«О знамениях могу сказать тебе, а о жизни твоей я не послан говорить с тобою, да и не знаю». 3 Езд., 4:52.

В «Курске» нет живых, сказали по радио.

23.30. Горит свеча. Бушует Ладога. Моисей: «Избери себе жизнь, чтобы жить». 3 Езд., 7:56.

Утро 22 авг., солнце, шторм утих. Уходим.

21.00. В пути 7 час. 45 мин. Ах, какой будет сон! Дорога Ладоги была усеяна упавшими в воду мотыльками. Выныривали перед носом любопытные нерпы.

23. Всех объявили погибшими.

В монастырь. Горькое пиво. Упал на спину, ругал себя за безобразность жизни. Идут муравьи кругами. Кровь в ушах шумит, как прибой, мерно.

3 Ездры, по её страницам совершают круги муравьи. Страх, что проспал что-то. Время утекает сквозь пальцы, дни не остановить. Я один.

25 авг. Валаам – Путсари. Не мотыльки уже, а золотая монета проплыла по тихой воде.

Пришли около 17. В скиту св. Сергия – монах-не-монах, «раб божий», без имени.

Гвоздики перед скитом, грядки. Кирпичный скит под куполом. Остров купил у финнов Дамаскин (в ваничкином «Дамский»). Он же поставил крест – в 1879 г. лицом к Валааму. Единственный в мире, наверное, не сориентированный по сторонам света.

Внутреннее озеро с отвесными скалами.

Ночь, монах поёт над озером. Глухо, слышны отдельные гласные: – О, – А.

Через каменоломни поднялся к кресту Дамаскина. Перелез через скалу, брусника, трава, сфотографировал поляну диких синих анютиных глазок. На берегу гладкие скалы пахнут рыбой.

Купаюсь в солнце и воде.

Голый греюсь на скалах.

Как летучие ведьмы, хохочут чайки.

Почерк стал ломаным, старушечьим.

«Если аборт это убийство, то онанизм это геноцид». «Любая женщина будет у твоих ног, надо только точно попасть в челюсть». Хохот.

Сильный нажим, неровность, трясущиеся буквы. Ящерицы бегают по скалам. Гоголь их убивал, а не писал о них. Читай – и будешь писать.

Большая чёрная птица с шумом упала в воду, охотясь за рыбой.

Видел ужа, оба испугались друг друга и побежали в разные стороны, я – с криком.

Гадюку. Лежала, подняла голову, я пошёл за ней, фотографируя. Сфотографировал рябину. Она не убегала. 15.50. Час дня. Голый, абсолютно голый, гуляю под солнцем по скалам у берега. Всю ночь горело Останкино.

Крест Дамаскина с озера похож на белую палатку. Гранитный перст с длинным чёрным когтем торчит из земли. Первочеловек: море, солнце, скалы, царапины на пальцах. На островке в бухте две могилы: цемент, камень, фото, Бобылёв и Копылов, Михаил Сергеевич и Сергей Иванович, оба 40 лет, погибли 1 авг. Рыбаки, разбились, утонули, не знаю. Четыре рифмы: фамилии, возраст, отчества, день смерти. Шутки судьбы.

Остров змей и ложных клещей.

Ещё Путсари.

В Останкино нашли тела трёх погибших: семь метров под водой в шахте лифта, сверху упал трёхтонный камень противовеса: подполковник пожарной части, лифтёрша и сантехник. Думали, что они уехали в лифте вверх, несущемся в ад, а они упали в шахту.

Лежу на скале, ветер и тучи. Лето кончилось. Скоро дождь и осень. Спокойствия мне, воли, отваги, молитвы. Пиши, не мучься, иначе всё пройдёт, работай. Внешние ужасы отступят сами. Вот идёт туча.

Кн. Притч. «Не обличай кощунника». «Как серна, выворачивайся из рук их».

Притч., 6, 2:5. «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына. А кто любит, тот с детства наказывает его».

Притч., 13:25. «Я поцеловал язву под её грудью».

«Внутренние жилища смерти».

Откуда идёт день 9-й и день 40-й?

Ровно горит свеча. Белый мой дом.

30 авг. К финским маякам.

Мешок красных. (Описания попутчиков: отшельник, в электричке и проч.)

Хладнокровие – добродетель. «Благоразумный хладнокровен». Смирение предшествует славе. Кто даёт ответ не выслушав, тот глуп, и стыд ему.

«Смерть и жизнь во власти языка». 19:22.

«Коня готовят на день битвы, но победа – от Господа». 21:31.

«Кто любит чистоту сердца, у того приятность на устах, тому царь – друг».

«Золотые яблоки в серебряных прозрачных сосудах». 25:11. Волны идут, как идолы. Солнце было жидким.

Солнце и шторм.

20.20 Коинсари, провожали лето, чокаясь чаем. Сполохи далёкой, над Карелией, грозы. Волны идут, как волны, на Ва-лаам и тому назад, дребезги, mit Herbst!

Дверь ворочается на крючьях своих. 26:14.

Ещё: Притч., 29:21. «Если с детства...» Оч. смешно. «Три пути непостижимы...» Притч., 30, 18:19.

А, какое окно растворённое, окно солнца было в снежных облаках: слабое пятно и небо, как пух, мы шли в лодке, и это было справа. Нужна шипящая. И нет ещё тени.

Коинсари. Булыжник у входа в палатку. Дрова. Обед. Срывается дождик. Прочитал Екклесиаст. Очень грустно. И беспомощно.

(Составь главу из всех беспомощных слов: про дождики, про звёзды, волны, погоды, рыбок и гусениц, слей все погоды-природы-ящериц в одну главу!) – дескать, читатель, чтобы не замедлять мой рассказ описаниями погод, вот вам глава. Можете к ней возвращаться по мере надобности в отдыхе глаз, не все любят действие, я снабжаю её и рисунками дождей и волн.

Суббота, час дня. Трепет, вода, солнце, смех чайки, далёкий дулет выстрела. Вчера переменные дожди.

Лежу на скале. Два маленьких муравья грызут большого.

Паук качается на качелях под крышей палатки. То ляжет на спину, то перебежит вниз по воздуху, сорвётся, покачается на спине, и вверх.

Вчера вечером поймал карандаша. Сломался спиннинг.

На удочку утром ничего не ловится: ни на лягушачью икру, ни на штиков. И скалы уже холодные.

Ев. от Марка. Марк – мол. чел., ученик Христа. Распят в 64-м или 67-м году.

2 сент. 23.50. Ев. от Иоанна. Первое чудо – вино.

3 сент. Ев. от Иоанна.

23.10, прибой. Дождик, прибой, как удары молотом.

Дни в ничегонеделании и обжорстве. Совершенно растительная жизнь.

Ночь – муки в свитере на холодном песке. Руки воняют кухней, в копоты и сажу. Лицо, если опустить, стекает вниз и становится ужасным, как будто в нём совсем нет мышц. Сны полны спермы.

На верблюде под утро. Л. с залитой зелёной пустой глазницей. Для обеззараживания. Фото четырёх ромашек на песке. Грибы в лесу, из которых выступали красные капли, окрашивающие руки, как йод.

«Он, приняв кусок, тотчас вышел, и была ночь».

4 сент. Ев. от Иоанна. Сыро, пн., Коинсари. Ночью дождь.

Голый бегаёт по берегу, и купается. А луна канула. Гром и морг. «И встала прежде, нежели они могли распознать друг друга...», отвага и какая страсть. Руфь, 3:14.

Серенький день, сырой, пустой.

«Никогда не повторяй слова, и ничего от тебя не убудет».

Сирах, 19:7.

Чужие слова не рассказывай его ни недругу, ни другу.

«Одежда, и ослабление зубов, и походка человека показывают свойства его». Сирах, 19:27.

Книгу Руфи, крохотную.

Не знаю число – сент., вторник. Вчера сырой день, бесцветный. Сегодня в четыре вышли, в шесть пришли на Кильполу. Стали на скале.

Чай, свеча. Видели синее море, чёрное и зелёный парус чужого катамарана с красным флажком. «Пора надевать чепчик».

«Всеобщая жопа», – сказал Ванечка.

Воздух прозрачный, звёзды холодные.

Танцевал мамбу с фонарём на скале. В Католише академи летают бумажки, чистая постель, библия на немецком, крест и колокола.

6 сент., среда, Кильпола. Утро – ведро брусники. Вечер – послание к Галатам.

23.15. +6 по Цельсию. Спал в шапке. В бухту пришли две белые яхты. Две девицы хихикают в лесу на том берегу бухты. Спать в верблюжьем свитере было вчера не холодно, а тепло.

Мой паук убежал.

Яхта с зелёным парусом стоит в нашей бухте.

– Пидорастический стиль.

Муму еть. Гутен нахт. Мажестик. Всех заеу. Скрипка ли-са.

Ессен! Весь набор слов. Ещё: унспортлих. Монинг. Пару-

сизм.

Подонки.

Прошёл один из 12 месяцев.

Ангел-истребитель, найти, вчера читал, это у кого? Херувим с колёсами. Иезекииль, 8, 9, 10.

Напридумывать драконов, страны. Херувимы с колёсами, торжественный ужас в этой пьяности.

7 сент. Полведра брусники. Заблудился. Видел внутреннее озеро.

18.20. Иезекииль созерцал животных, которые идут в четыре разные стороны. Видит их лица (по 4) и всех одновременно. В каком пространстве видение? не в трёхмерном. Его око – шар, глядящий внутрь и вне себя. Описывает видение, как математик, точно, в деталях, как бы чего не упустить.

Без оценочных прилагательных до – «изумительного кристалла» (1:22). Вот: вон прилагательные!

«Отцы будут есть сыновей твоих, и сыновья будут есть отцов», 5:10, и до: лепёшки на человеческом кале.

Проклятия Господа Израилю – вот уж речь Иез., 5, 6, 7, 8, 9 – и младенцев, и стариков. «И узнаете, что я Господь Каратель» – и юношу, и девицу...

7-го, последний вечер на Ладоге. 23.30. Кильпола.

После обеда бутылка можжевельника, ягодки, туман вдоль воды, «внутри и вне» одновременно, найди у Иезекииля.

7,7 град. Ледок на клюквенном болоте. Свечка догорает.

Надел всю одежду и сверху пуховик. Искупался в ледяной воде. До свиданья, лето.

«Хлеб твой ешь с трепетом и воду твою пей с дрожанием и печалью». Иез., 12:18.

Я потерянный. Регенерация серебра.

В фиш-фабрик две девушки признались, что целки. Одна танцевала бразильский танец борьбы. Уехали в Москву.

В Приозёрск. Стояла на коленях, просилась со мной.

При трении из головы летит пепел.

Нур Эдем – верблюжий рай.

Приозёрск. Мост-калека. Комары кусают за пальцы. Прошли люди. Я не смогу ни сочинить, ни вспомнить их диалог. Огни: красный у основания трубы, на вершине её – перегорели.

А! Это две девушки с собакой. Собака – чёрно-белая. И девушки одна в чёрном, другая в белом. Прошли решительно. Соперничать ремесленнику с обувной фабрикой невозможно. Это и есть фокус «гения». Человек пишуший – фабрика. Злые и неумные девчонки. Пусть сердце твоё будет спокойно.

Иван: – Ку-ку (с антресолей жене). Считай, сколько тебе жить осталось. – Ку-ку. Ку-ку.

Ладога. Вышли, туман, берега китайские, когда туман съедает всё – лес, берег, воду, небо, мультипликационную моторку.

Неделя после Ладоги. Письма Чаадаева.

Как ангел (денница), «возмечтавший о себе» стал сатаной.

Сатана, дословно, – господин мух. Господин мух.

С утра дождь.

Капли говорят, эхо свистит в тенте: гоу! гоу!

Приехал в среду.

Приключения на пристани с двумя печниками и зэком.

Придут сырые дни. Час неизвестен.

300 рэ на водку зэку, внуку Бианки, проехали.

– Ты будешь рассказывать, что пил водку с внуком Бианки, никто не поверит. – Никто не поверит, что внук Бианки пил со мной, когда он будет рассказывать правнукам.

Белые грибы. Букеты ромашек торчат в песке. Щука, как камень, подвинулась и осталась на дне.

«Послефактум». Отставной ст. прапорщик.

Год назад был Крым и прошёл, потом чудесное бабье лето – вне времени, с Оредежью, полями, гротами, поцелуями. В поле мальчишки с велосипедами, подсматривающие.

– Оно ни о чём не говорит. Там же не было ни вчера, ни завтра.

Небо и Ладога беспросветны. Последняя – горькая – капля – пива. Лето с К., однообразные ночи, сахар, сладость, переходящие в скуку. Деньги-деньги-деньги, как призрак, всё лето. День начался с того, что украл у детей два куска хлеба. Ночью: «Говори мне ещё», голос как хлопанье крыльев. Обитатели острова.

Буфетчица Стеша, ангел.

Авар, ГРУ, спец по ЮАР, живёт в Амстердаме.

Толик, брат печника.

Серг. Серг., печник, 20 лет пьёт из-за бабы.

Сергей, рыбак.

Слава и Слава, шёл между ними.

Слава 1 – пьяница без глаз.

Слава 2 – суетлив, мельче, механик.

Вадим, зэк, внук или сын Бианки, прохиндей.

Окно с надписью золотом – «окно», в золотых кавычках.

Паломница, широкая в кости, просит лекарств и курит в профиль, печальная.

Паломница (весёлая), говорит по мобильнику (думал, с землёй), свесившись из окна второго этажа.

Рыжая лошадь.

Разверстая могила (на острове их пять, но уже наполненных, давно и недавно) – кого ждёт? – я молился, стоя между нею и часовней Успения (храм-то Рождества). Монахи могилку впрок выкопали, чтобы зимой не долбить мёрзлую землю, «если что».

Поселение чёрных и пятнистых лягух, все малоподвижны.

Некто плешивый, длинные седые волосы.

О. Климент, монах, молод, пьёт. О. Богдан, монах, стар, пьёт.

Призраки: голос ночью, лис, шуршащих, сына, сна (ангел света, в чёрном, как и развратники), Таня М. с распущенны-

ми волосами, Таня Б. (вот-вот, всё готово!) – «убей ангела света» – всё продолжится! – я проснулся, денег-денег, мучающихся и мучающих людей в чёрном с карманами на груди, чужих стихов, фотоаппарата (дайте мне его!), камня-блесны.

Сыро, всё сушу.

Слава, матрос, гипертоник.

Кактус, который проращивают сквозь девушку.

Действо: леса, птички. Дождики, ливни, несуществующие рыбы, покой, бабочки. Набоков их всё-таки приватизировал.

Благовещение, совпавшее с воскресением Лазаря. Птицы гнёзда не вьют.

Надпись на московской эстакаде: «Ешь буржуев».

Пляска молний на острых скалах Эгейского моря. Шторм в пасхальную ночь, шатаются сосны, потерял крестик на скрещении четырёх путешествий апостола Павла.

Вертикальные кладбища, разноцветные жемчужинами, как песок, хрустят на зубах.

Ел райские яблоки. Ел рыбу. Вытащил из пальца занозу: белый острый камешек.

Ни города, ни горы, ни люди, ни моря, ни иудео-турецкие женщины. Мимо, из путешествия в путешествия вела только одна идея. Ко всему остальному он оставался слеп.

Старуха в юбке и шляпе плюёт в бурное море. Название яхты «Танцующая». Акула с красной пастью – татуировка на плече турка-экскурсовода.

Отель съедает в год 120 тонн мяса, 65 тонн апельсинов,

130 тыс. бутылок пива.

Грозовая туча и солнце. Кидали камешки в глиняный горшок, полный пены, пока не разбили.

Торт с черносливом и вишней. Манговый мусс, пузатый и початый Чеваз Регал. Механические ворота в театр марионеток.

Четыре девочки у витрины, как клавиши на саксофоне. Приседают, щебечут, водят пальцами по стеклу. Чу! телефон у девочки в красной кожаной куртке заиграл Мендельсона. Английские мальчики похожи на юных гениев, круглые очки, подслеповатые глаза, ерошат волосы.

Пока трое быстро пожрали огромные десерты, четвёртая грызла и грызла крохотную корзиночку.

Путешествующие бургеры и дочка их с тифозной стрижкой, в стоптанных башмаках.

Валдайский дневник – с верой и наступающей весной, ручьями и полями.

Одна вруша, одна клуша, много сладких старух, боксёр, которого турки зовут Али-Баба, фотограф Саша с его ответами на все вопросы, боров рыжий с рыжим крестом на шее, девочка-бойскаут, турчанка с повадками дорогой проститутки, штук семь-восемь старух, поющих про молодость.

Говорю с официантом по-немецки.

– До 00.00 не ем ни рыбы, ни мяса.

– В таком случае вам нужно идти отсюда на шуй.

Нет, мягче:

– В таком случае вам нужно идти в верхний ресторан.

Там нет ни рыбы, ни мяса.

Христос Воскресе!

Турки, дети, то излишне услужливы, то обидчиво грубы.

А в России сейчас – Крестный ход.

Немка смазывает пальцем сливки с ободка кофейной чашечки, и пальчик облизывает, пока никто не видит, моет водой, оглядываясь, ставит на тарелку, поболтав, вверх дном, ждёт-ждёт, оглядывается, тащит к выходу, спрятав в рукав, поговорила, остановилась, уплыла.

Крестит стакан: – Изыди, нечистая сила, останься чистый спирт.

Приветствие в монастыре, трудник монаху:

– Харе Кришна! (Сидит у помойки.)

Чёрненькая девушка потёрла тыльной стороной указательного пальца ресничку.

– Чем девушки отличаются? – Вниманием к ресничкам.

Опыты с глиной, девичьи грёзы.

Птенец как огонь.

Кот Диоклетиан.

Вышел, пытался окропить лесного мотылька.

Вода розовая.

«Потому что победа течёт в нашей крови», – пишет Григорян в газете Вера.

«Господь простит оплаканные грехи», – пишет Лена Григорян.

Песок. Растёт овёс. Куст плексигласа. На корабли ходить нельзя. Солнечно. Мелко.

Капает дождь. Час ночи. Был в монастыре. Стирают бельё. Бомба похожа на яйцо.

Грибы нанизал на ветки, как белка.

Кверху лапами десятки мёртвых мух. Затопил печку, зашевелили лапами, завоскресали. Сметал в совок, шевелящихся, – в печь. Дом-побоище: головы, крылья, лапы и туловища. Сметаю и жгу в ольхе.

Каша с сухими грибами. Серые поля и розовые леса.

Последние сугробы в ложбинах, лисьи и птичьи следы, новые, свежерытые мышиные норы. Муравьи уже копошатся. Обратно – через кладбище?

Поля и леса молчали. И вдруг в роще над могилами. Нет.

Поля и леса молчали и были полны движущихся клубов воздуха; обугленный пень, похож на чёрного ангела; пальто на ветке у дерева, как старик с повисшей рукой, прислонившийся к дереву лбом.

И вдруг в роще над могилами – не торжественный, а детски весёлый не хор, не щебет, а радостный гвалт птиц над синими (...) в пёстрых, ярких, разноцветных... цветах между крестами. Гвалт, как в освещённый первым... Детский сад после завтрака, солнце в комнате, новые узнавания друг друга, как радость предвкушающих – воскресение – уже! – победу над смертью и зимней тишиной, над мёртвым ещё кладбищем.

Печальный вторник Страстной седмицы, когда... Тайны дочерей.

Костёр. Тележка в верёвочках. Топор (взлом) – кипяток, варенье – (сгоревший сосед), мокрый старик (кипяточку). Цыганка на лошади, скачущей до его двери – которая со мной в автобусе – жизнь – как справиться? – кто насылет – тот ли – или Он? – Мыл ноги в снегу, прощался с зимой, просил ещё зим.

А., похороненный в снежное поле.

Ушёл этот снег. Над могилами радуются юные птицы.

Ночь наступает, дождь идёт.

Почему не к односельчанину, не к сыну (у него машина стоит, ну их на...) – ко мне?

Недобитые мухи завывают между рам, капает вода умывальника, жужжит счётчик, скрипит, слышно, перо.

Среда. Сон про слова: что каждый всё равно читает по-своему, но вместе, в обращении этих слов, между ними, предрассветном, мутно, глухо синем и радостном, парящем.

Вечером зарядил дождь. А ночью – в просвете штор – звёзды.

Ты! –

Рождество? – почудилось.

Вспомнилось: Пасха.

Костёр, огород, путешествие, поля, всё в прибитой к земле траве, сене, как отутюженные, ровные.

В ручьях и лужах лягушки, сфотографировал её глаз

и в нём – лес, просвет неба и мой силуэт.

У недобитых мух родились детки. Одна, заснувшая между обоями и брёвнами, – вторые сутки воет и стонет, не может выбраться. Счётчик поёт якутские песни.

У дома в старом снегу следы. Кто-то там большой ночами ходит, сам себе след в след.

Дед просил ночлега и воды. Я отказал. Взломал замок в его доме и принёс воды. И кипятка.

Ну, смотри, смотри... Изменишься.

– А, посмотреть, как они там живут.

Закрыв лицо.

И Иуда в нас живёт, и Пётр.

«Если вы хотите Его распять – распните и меня».

И чего это сумасшедший старик попёрся на ночь в такую даль?

А так – будто бы ничего не произошло, если бы не Антоний.

Тухлая рыба висит на стене.

Эти дни... (нрзб.) крови. Пью томатный сок, ещё не кровь. Великий четверг, полночь. О сегодняшнем дне – завтра. Пост по-английски и немецки – весна.

Митрополит Антоний: не говори себе: а стал ли я совершеннее, достойнее Бога. Этого делать не надо. Надо просто идти, идти от света к свету.

Тихий мы переводим с греческого – радостный.

Тихий и по-русски – тonyше, ярче, чем радостный.

Лежал в серой траве. Дочка станционного смотрителя (порох!) в красной бейсболке толкала домой мимо моих окон пьяного отца: за шиворот и в спину. Он шёл, выбрасывая вперёд колени.

«И смерть это вовсе не смерть, а разлука со смертью своей».

Рассказ про крестьянина и моряка.

– Тебе не страшно ходить в море?

– Нет.

– Как умер твой дед?

– Утонул.

– Как умер твой отец?

– Утонул. А твой?

– Умер в постели.

– Отец? – Умер в постели.

– И тебе не страшно каждый вечер ложиться в постель?

Здесь же, в главе о браке, где оба и Е. Книга эгоистична.

О мире, как обо мне. Но она прошла, но она – такая малость того, что надо сказать.

Антоний: «...потому что в церкви не тот, кто там стоит, «отстаивает». Можно без единого движения губ, без единого телодвижения, без единого слова, без единого звука постоянно предстоять Богу в молитве».

Витя. Три дня пил. Проходит мимо.

– На Пасху разговеемся.

– Не, я буду в завязи. Три дня, и всё. Матку мыть надо.

Мать, старуха, в бане.

Про являвшегося ему:

– Вы горите! Проснулся, вагон горит. Старик в косоворотке, в чунях, с благообразной бородой... После той встречи и стреляли: то заклинит, то промажут в упор, то ружьё из рук выпадет. Медведь не берёт, а говно ещё дымится. Великая пятница, набежит дождь, ветер весь день, шатается всё, день шатается, странно печален.

«Ты что, хочешь нажраться по поводу Воскресения Господня?»

Молитва на сон грядущим: «...да не усну в смерть».

Шуя, дети природы. «Дай мне потому, что я есть!» Звонит сын, звонит дочь. Кто искренне оставил меня в моём валдайском покое, кому я искренне не нужен.

О масштабе мыши, лезущей вверх по занавеске.

О 46 годах царя, который построил за своё царствование капища – и погиб. Все города, народы – все творения рук человеческих пустяк перед этой его, этими его капищами, перед отпадением от бога.

«Ну хорошо, женюсь на чудной и юной деревенской девушке с прекрасной душой и нежно-розовыми лепестками, бурейшими со временем... О чём я с ней буду говорить? О том, как прошла в пятницу дискотека, и за что Васька набил морду Петьке, и кто деду Михе порвал ухо, и что отец вчера опять нажрался, и она тащила его домой, а у Серёжки мотоцикл. А увезу – так будет тосковать по Серёжино-

му мотоциклу, а не будет – так зачем она мне такая нужна, бессердечная».

Антоний о мусульманстве, о буддизме, об иудаизме: Бог неконфессионален.

Притча о старом священнике, впавшем в ересь, диаконе и двух ангелах.

«Вот дьякон мне говорит, что я еретик. – Ты еретик! – А что ж вы сразу мне это не сказали! – Рядом был Он. Мы хотели, чтобы Он сам проявил любовь к тебе».

Великая суббота. Утро. Снег! после лета.

Витя, пьяный, после рассказа о видениях («Вот такие мои упражнения», – заключил), приподнимаясь со скамейки:

– Хочешь, ветер остановлю!

– Не надо, – ответил я.

– Как звать?

– Что она сказала?

– Никак.

– А это можно? – показываю батюшке бутылку. – Освятить.

– А это обязательно.

Вчера зима, сегодня лето. Огромное лето. На снегу озера большими буквами: Х. В.

Утренняя газета

Сообщают: скрестили лягушку с медузой. Получилось

бледно-зелёное, светящееся, прозрачное существо. Дышит.

Прогулка по Васильевскому острову в компании двух стариков

Здесь жила девушка и её крыса по имени Сусанна. Где эта девушка, где эта крыса?

А на третьем этаже самоубийца-неудачник, раза три бросался из окна и всё по осени.

Никогда не слушайся женщин.

Скажем хуже – жизнь – в конце концов – длинные похороны себя.

Ты предлагаешь ждать, когда прокукарекают юмористические старушки?

...Который лепит свою жизнь из гипсовых бинтов. У него всё лицо в тень превратилось.

Сталин его расстрелял при Сталине.

Измена? – да, увы. Но лучше бы не испытывать любовь на прочность. Мои чувства? Теперь просто смесь презрения и жалости. Впрочем, как и ко всему миру.

Как у Сервантеса, моя левая рука усохла к вящей славе правой. Я не хотел бы обнаружить среди множества своих талантов ещё один – подлость.

Через 20 лет Америка станет чёрной.

Ты полагаешь, негры там всех баб перетрут?

Ты весь седой, в прошлом году не так.

Где вы живёте постоянно? Я везде живу временно. Я живу на земле незаконно...

Я люблю холодный воздух. Смерть – копейка. Мне осталось ноль целых и уй десятых. Я уже ничего не жду от этого времени и от этого города, кроме уродцев, которые вырастают на улицах, – бронзовые и живые: ни одного человеческого лица.

Старики, прыгающие с раскалённой крыши юношеских надежд на сковородку старческого безумия... «Будущее каждого из нас – больница, нож любопытного хирурга, искромсанный любопытными студентами труп». «Тогда Махабраху направился к покойнику и спросил его:

– Почему ты умер?

– Всё происходит по твоей воле, – ответил покойный мальчик. Подробно ответил. Люди изумились, вынесли его во двор, стали петь и танцевать».

Прихожу домой, а они, как тараканы, изо всех углов смотрят.

Нарожал детей – вот теперь корми.

Боже! боже! как была страна охранников, так и осталась!
б! б! все – вертухаи!

О выяснении какой-то правды.

Кто понимает, что попался, тот уже не попался.

Бывают солдатские ремни, бывают дыры на... Но не бывает таких лиц.

Ощущение беды. Большой, ворочающейся.

Когда от человека пахнет кошками, это совсем уже никуда не годится.

Гоголь говорил Толстому: мысли о смерти – та кобыла, которую я выезжаю ежедневно.

За последние десять лет я не купил себе ни полотенца, ни простыни.

Была синичка. Кот за ней охотился. А за котом охотилась собака. Большие огромные деревья росли. Их сейчас срезали. И там охотилась ворона.

За углом была закусочная. Надо же! И бочонок ещё висит! Надо постараться прожить как можно дольше и по возможности не сойти с ума.

Не спрашивай – и тебе не будут лгать.

Везувий: раз, идёт, камни, газ, и... Мамы видят, как мамы с другими мужчинами, девочки видят, как девочки с другими девочками.

Это чудо, как из женщины вытаскивают этого маленького человечка.

Надоело. Надоели дома, облака, закаты, буквы, квартплаты, долги, ботинки, люди, собственная морда, утра, душ, метро, сумка. Не книги. Хочется лечь и умереть.

Время это такая большая мясорубка, которая перемалывает таланты, стариков, дирижабли, держателей... добра и зла – в смерть, нищету, молодых до 27 лет – в разврат как единственный способ выжить, – в ложь про красивую жизнь – жизнь не может быть красивой в нищей стране, –

но в каждом из поколений остаются твёрдые камешки.

Жизнь может быть красивой везде. Только смерть всегда безобразна.

Твёрдость, твёрдость, твёрдость, будь камешком, будь серной, выворачивайся, как серна из рук их – без воск. знака – из времени их и из времени – выворачивайся.

– Здесь я работал дворником, и ко мне в окно приходили гости.

Желание

Кошка поймала птенца синицы. Задушила, издох.

Хоронили у забора. Дети с незабудками.

Пока не приехал Сашка, остался один на один с собой.

На третий день стало страшно, на четвёртый радостно.

Приехал, до полуночи варили варенье. Попробовал и скривился: кислое.

Что завтра? Сорвать зелёные помидоры и положить на окно, чтобы забурели.

Приснилась гибель цивилизации. Разноцветный огонь целлулоидных фабрик, красный – библиотек. Плюшевый Мишка размахивает красным флажком.

Рублю дрова. Жёлтый берег, чёрное бревно, озеро тихое, небо синее, леса отражаются.

Птичка: динь-динь-динь. Верчу головой: где?

Берег, бревно, озеро тихое, леса отражаются.

Динь-динь!

Ах! вот ты где: рябина, ветка, птичка.

И – несвойственная небу, лопата летит, кувыркаясь. Сашка копался в огороде и, завершив свой чёрный труд, бросил через изгородь. Отсалютовал.

– Грум-друм-бряк, – упала лопата.

Птичка: день-динь-динь! – мелко, удаляясь, улетаю.

Сварил кусок говядины. Нашпиговал чесноком и завернул в фольгу.

Раньше фольга от шоколадок была такой толстой, и мы разглаживали её ногтем. Теперь – подушечкой пальца.

Полудновать – говорят здесь. Это значит отдыхать, спать после обеда.

Я и отдыхаю. Кот Алис чавкает костлявым окунем.

Шелестит моя зелёная школьная тетрадь в клеточку. Кровать поскрипывает.

Сашка шмыгнул носом и сказал «мда» никому. Потом пошёл по комнате, залез в буфет и сказал: «Вот он, чёрный перец». В буфете что-то загрохотало.

Неслышное озеро под самым окном.

По маленькому чёрно-белому телевизору – «Лебединое озеро». Маленькие чёрно-белые лебеди топчут, как маленькие лошадки.

Переключил. «На севере, где бушует огненная стихия», – сказал дядя в жилетке у географической карты метеомира. Кажется, я ослышался.

На табуретке у кровати моя зелёная книжка о дзен-буддистах.

«В ситуации или-или без колебаний выбери смерть».

Представил себя двумя мальчиками, идущими в сторону леса. Опыт практического сумасшествия. Закрыв дзен-книжку.

«Дай мне строчку из твоего письма, и я приведу тебя к виселице» – это откуда всплыло, вспомнилось?

Полудня, засыпая в тихой избе, придумал, как всё-таки нужно бороться с птичьим гриппом. Весной птицы возвращаются из своих африк-америк, а мы собираем чемоданы и улетаем на юг. Они садятся на крыши – оба-на! – а нас нет, улицы пустынные. Облом! поезд прибыл на станцию Садовая, поезд дальше не пойдёт, просьба освободить вагоны.

– А что ты будешь делать, когда придут чихающие свиньи?

Вечер. Песок. В песке растёт овёс. Дикий, каким ветром?

А! раньше у деревни были поля, колхоз, бабы пекли хлеб.

Теперь ничего нет. Овёс одичал.

Зелёное дерево на красном небе. Сидим на бревне. Того берега не видно.

– Женское искусство? оксюморон! – сказал Сашка. – Хотя, впрочем, в некоторых вещах они бывают весьма искусны.

– Есть ложные белые, – ответил я. – А я такой ложный антифеминист.

– Ку-ку, – сказала кукушка.

– Ку-ку! – ответил Сашка кукушке. – Считай, сколько тебе

осталось жить.

Ночь, в железной кружке – чёрный, как небо, чай с мятой. Озеро не плещется. Звёзды уже падают. Одна чиркнула над самой головой.

Я сказал «о Господи» и не успел загадать желание.

Вишни

Чёрные журавли качали из земли нефть. В степи стояли рыжие столбы огня.

– Лиса! – вскрикнула мама, вагон прилип к стёклам Уральских гор, прошла третья ночь, и мы приехали.

Тявкали собаки, воздух звенел насекомыми.

Дядя Коля поднял руку в чёрное небо, сорвал две холодные вишни и повесил мне за ухо. Дверь открылась, и на траву выплеснули целое ведро электричества. Я увидел большой стол, люди звякали тарелками, говорили: «Какой он уже у нас большой!», бабушка Паша топала широкими лапами по деревянному полу, по которому за порог катились большие яблоки.

Ласточки

Из синей глины Лахтинских болот ласточки свили гнездо. Уезжая, мама дала ключ и запретила открывать дверь на бал-

кон, чтобы не тревожил ласточек.

Через неделю гнездо разбилось. Один птенец лежал у са-нок с выеденным муравьями животом. Другой не разбился сразу, а пытался уползти под балконный люк. Просунул голову под лист железа и издох. На его бархатистой спинке сидела муха.

Это был удар воздуха из открытой форточкИ, когда курил? Или глупые ласточки не рассчитали клейкость своей слюны, не сопоставили её силу с тяжестью двух растущих птенцов?

В осколках разбитого глиняного яйца трепетали перья.

Вчера над городом прошёл смерч, поваливший тополя поперёк улиц. Говорят, на острове Голодай была песчаная буря. Я не видел, я пил коньяк, созерцая поэтическую грозу и тяжёлые капли короткого ливня сквозь толстое стекло случайного кафе.

Я долго держал балконное окно открытым, ласточки не вернулись.

Незнакомый город

Ночь, дождь, мимо деревни, где жил Толстой, мимо Полотняного завода, где Пушкин гостил в усадьбе Гончарова.

Вместе с рассветом из туманов вышли и полетели назад картинные русские домики, холмы, берёзовые рощи, петухи и гуси.

В городе на каждом столбе объявления о круглосуточных

ритуальных услугах.

Цветёт вишня, а липа уже отцвела, и метель из цветов.

Речка с рыбаками и рыбкой.

Школьники, перебегающие дорогу.

У музея космонавтики поп выгуливает своё большое семейство, на горке под первой ракетой Королёва пасутся козы. Фабричная гостиница, зелёная лужайка, за ней открытая настежь дверь, в пустом коридоре горит стеклянная люстра, но я не люблю, когда мешают утренний свет с электрическим.

«Давно вас ждём! – из боковой каморки, сладко зевая, вышла сонная барышня и провела в светлую комнату, где постель заправлена по-деревенски, с ушками.

Гостья

– Здравствуй, – сказала Груша и вошла в комнату.

Каким-то образом проскользнула сквозь – не мимо меня, оказалась у окна, повернулась, пока был ослеплён.

Впрочем, я её придумал.

Я давно зарёкся возвращаться в этот город.

Я посмотрел на свои голые ноги, смахнул с простыни на пол лоскут солнца, пора идти.

* * *

Божий день пришёл и тронул светлой ручкой занавески.
Тихо в комнате твоей.

Бабушка,
если просили,
читала:
«Горит восток зарёю новой,
уж на равнине по холмам
грохочут пушки,
дым багровый
клубами всходит к небесам».

– Мой мальчик,
ты спишь?

– Засыпаю.

Бабушка ходит,
читает:

«Здесь каждый Отчизну
с младенчества любит
и душу изменой
свою не погубит».

Тихо на земле твоей,
не считаем дней.

Божий день пришёл и тронул
детской ручкой
занавески.

Ты. Очерки русской жизни

Геннадий Айги

I. Жизнесмерть

как жить? да шкурой на базаре торговать своюю золотой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.